

Дэвид Вебер - Миз гардемарин Харрингтон

— Похоже это ваш салага, главстаршина.

Низкий голос морпеха-часового излучал необычно-радостное сочувствие. Подобным образом морпехи обычно извещали кого-то из флотских “звездоплюев” о том, что на том горят брюки или происходит еще что-то столь же занимательное. Главный старшина Роналд Шелтон проигнорировал тон “бронцефала” с привычным пренебрежением высшей формы жизни по отношению к низшей. Хотя на этот раз сделать это было немного сложнее обычного. Взгляд его, проследовав в направлении едва заметного кивка капрала, немедленно выделил указанный объект из заполнявшей галерею космического дока толпы. Она, безусловно, была *чьим-то* салагой, что он понял, едва взглянув в ее направлении. Ее гардемаринская униформа была безупречной, но, как и плывший за ней антигравитационный сундучок, была такой новой, что, казалось, поскрипывала. В сундучке, кстати, была какая-то странность, как будто к нему сверху было принайтовано еще что-то в половину его размера, но он не придавал этому особого значения. Гардемарины вечно появлялись с чудными личными вещами которые, как они надеялись, не нарушали Устава. В половине случаев они заблуждались, но разобраться с этим можно будет позже, когда салага окажется на борту корабля Шелтона. А она, похоже, направлялась именно к стыковочному рукаву “Воительницы”, хотя возможно и по ошибке.

На это он надеялся.

Гардемарин была высокой девушкой, выше Шелтона, с темно-каштановыми коротко подстриженными волосами и серьезным угловатым лицом, которое, казалось, состояло только из носа, который милосердно можно было назвать “крупным”, и огромных миндалевидных глаз. В настоящий момент лицо ее ничего не выражало, но огонь, горящий в глазах, был достаточно ярким, чтобы любой опытный старшина застонал от безысходности.

Еще она выглядела лет на тринадцать. Значит она, скорее всего, являлась реципиентом пролонга третьего поколения, но осознание причины не добавляло ее облику зрелости. Однако, почти неохотно признал он, двигалась она хорошо. В ее осанке чувствовались грация

атлета и очевидная уверенность в себе, нехарактерная молодости. Столкновений с людьми, заполнявшими галерею, она избегала с легкостью, как будто исполняя какой-то свободный танец.

Если бы это было все, что увидел Шелтон, то он вероятно (предварительно и с некоторой надеждой) оценил бы ее немного выше среднего уровня тех молодых людей, которых флотским старшинам приходилось превращать из неуклюжих новичков в профессионалов. К сожалению, это было не все. Шелтону потребовалась большая часть опыта накопленного за тридцать четыре года службы чтобы не выдать своего смятения при виде остроухого, усатого, шестилапого сфинксианского древесного кота, восседающего у нее на плече.

Древесный кот. Древесный кот на его корабле! И в гардемаринском кубрике к тому же! Одной мысли об этом было достаточно, чтобы вызвать зуд у человека верящего в порядок и флотские традиции. Шелтон чувствовал сильное искушение повернуться и придушить морпеха, невозмутимо усмехавшегося у него за плечом.

Еще несколько секунд он позволял себе надеяться, что она может пройти мимо “Воительницы” к другому кораблю, или что она просто заблудилась. Но все возможности избежать неотвратимого меркли по мере ее приближения к стыковочной трубе тяжелого крейсера.

Шелтон и морпех отдали честь и она ответила им с решительностью, в которой смешались возбуждение новичка и странная зрелость. Она смерила Шелтона мимолетным, почти незаметным взглядом, но обращение ее адресовано было исключительно часовому.

— Гардемарин Харрингтон прибыла, чтобы присоединиться к экипажу, капрал, — сказала она с отчетливым сфинксианским акцентом, достала из кармана кителя карту памяти в стандартном флотском чехле и протянула ее ему. Шелтон отметил, что ее сопрано оказалось неожиданно мягким и мелодичным для человека ее роста,

пока морпех принимал карту и вставлял ее в свой планшет. Однако в ее тоне не было ни колебаний, ни смущения. Тем не менее он засомневался, что кто-то выглядящий так молодо как она сможет изобразить надлежащую для командования властность. Он не позволил этим мыслям отразиться на лице, но кот на ее плече повернул голову и уставился на него яркими травянисто-зелеными глазами, подергивая усами.

— Так точно, мэм, — произнес морпех, когда данные с карты совпали с занесенными в его планшет и он получил подтверждение того, что миз гардемарин Харрингтон имеет приказ и право подняться на борт “Воительницы”. Он вынул карту и вернул ее, а затем кивнул в сторону Шелтона. — Полагаю, что главный старшина Шелтон ожидал вас, — сказал он все с той же раздражающей ноткой не до конца скрытого веселья, а Харрингтон повернулась к главстаршине и приподняла бровь.

Это слегка удивило Шелтона. Какой бы сформировавшейся она не казалась, но он более тридцати стандартных лет наблюдал зеленых салаг, прибывающих для прохождения практики, и свечение в ее глазах было достаточным доказательством того, что она была столь же возбуждена и напряжена, как и каждый из них. Но в этой приподнявшейся брови ощущалась властность или, возможно, уверенность в себе. Это не было чем-то вроде предумышленно выражаемого превосходства, которое некоторые салаги использовали, чтобы скрыть тревогу или отсутствие самообладания. Для этого движение было слишком естественным. Но этот спокойный, беззвучный вопрос, в котором не было ни снисходительности, ни самозащиты, породил в нем намек на надежду. Главстаршина сказал себе, что в ней может оказаться стальной стержень. Тем временем кот снова повел усами в его сторону, и главстаршина мысленно встряхнулся.

— Главный старшина Шелтон, мэм, — услышал он собственный голос. — Если вы последуете за мной, я провожу вас к старпому.

— Благодарю, главстаршина, — ответила она и направилась вслед за ним в трубу.

Вместе с котом.

* * *

Хонор Харрингтон добросовестно старалась не показывать волнения, плывя по трубе за главстаршиной Шелтоном, но это было нелегко. Она стремилась к этому моменту добрую половину жизни, и на пути к нему ей пришлось тяжело потрудиться на Острове Саганями последние три с половиной стандартных года. Теперь она была здесь, и возбуждение в ней росло как на дрожжах пока она достигла внутренней оконечности трубы, ухватилась за поручень и втянула себя вслед за Шелтоном в область внутренней гравитации тяжелого крейсера. Для нее самой это было символическим моментом перехода с космической станции его величества “Гефест” на борт КЕВ^[1] “Воительница”. Сердце ее забилось сильнее при виде, звуках и особом запахе королевского космического корабля. Окружение чем-то неуловимо отличалось от того, что было на космической станции оставшейся позади. Без сомнения, это все работа воображения — в конце концов обстановкой все сооружения в космосе походили друг на друга — но ощущение чего-то непохожего, чего-то особенного ожидавшего именно ее, билось у нее внутри.

Древесный кот у нее на плече издал мягкий упрекающий звук и ее губы слегка искривились. Нимиц понимал ее радостное возбуждение и неизбежно пришедший вместе с ним трепет, но коты-эмпаты были прагматиками до глубины души, а он распознал признаки перехода Хонор в “режим навеселе”. Более того, он создавал необходимость правильно себя поставить с первого же момента пребывания на борту “Воительницы”. Хонор почувствовала как его когти вонзились немного глубже в специально укрепленное плечо ее кителя, вежливо напоминая держать себя в руках.

Она протянула руку и потрепала его по ушам, признавая его правоту, в тот же момент как ее ноги коснулись палубы “Воительницы” прямо перед линией, которая обозначала официальную границу между кораблем и космической станцией. Она хотя бы не попала в неудобную ситуацию подобно одному ее однокурснику, приземлившемуся не с той стороны такой же линии во время одного из их коротких тренировочных полетов в ближнем космосе! Какая-то ее часть хотела хихикнуть при воспоминании об абсолютно уничтожающем взгляде, которым тогда наградила бедняггарда дежурный офицер, но она подавила в себе этот порыв и немедленно приняла стойку смиренно и отдала честь дежурному офицеру *этого* шлюпочного отсека.

— Прошу разрешения подняться на борт, чтобы присоединится к экипажу, мэм! — сказала она. Энсин с песочного цвета волосами смерила ее прохладным взглядом и ответила на отдание чести. Опустив руку от края берета, она протянула ее вперед без лишних слов. Хонор снова достала карту с ее приказами. Дежурный офицер исполнила тот же ритуал, что и морпех-часовой, кивнула, вынула карту из планшета и вернула ее.

— Разрешение дано, миз Харрингтон, — заявила она, намного менее резко чем Хонор, но с определенной солидностью. В конце концов, она была минимум на стандартный год старше Хонор и ее практика благополучно осталась позади. Энсин бросила взгляд на Шелтона и Хонор отметила как ее плечи едва заметно шевельнулись, а голос изменился когда она обратилась к главстаршине. — Действуйте, главный старшина.

— Есть, мэм, — ответил Шелтон и вежливо предложил Хонор дальше следовать за ним по направлению к лифтам.

Лейтенант-коммандер Абнер Лэйсон сидел за столом и изображал придирчивое изучение документов новой потенциальной головной боли. Гардемарин Харрингтон сидела в своем кресле выпрямившись, сложив руки на коленях, ноги ее составляли с палубой абсолютно прямой угол, а взгляд был прикован к переборке сантиметрах в пятнадцати над его головой. Когда он предложил ей сесть, вместо того, чтобы оставить ожидать завершения изучения ее бумаг в стойке вольно, она, казалось, смутилась, но в дальнейшем ее поведении было мало намеков на это. Конечно, если не считать постоянно подергивающийся кончик хвоста ее древесного кота за признак того, что принятая им испытывала больше беспокойства, чем старалась показать. В таком случае, однако, представляло определенный интерес то, как быстро она смогла подавить внешние признаки смущения.

Глаза его вернулись к экрану и побежали по строчкам скупых официальных слов составлявших ее личное дело. Тем временем он гадал, что же заставило капитана Бахфиша специально запросить такой... странный приз при распределении гардемаринов на практику.

Молода, подумал он. Хотя пролонг третьего поколения и заставлял ее выглядеть моложе своих календарных лет, но все же ей было только двадцать. Академия гибко подходила к возрасту поступающих в нее, но большинство становились гардемаринами примерно в восемнадцать-девятнадцать стандартных лет; при поступлении Харрингтон едва исполнилось семнадцать. Тем более это было удивительно при, казалось, полном отсутствии аристократических связей, патронажа и заинтересованности в верхах. С другой стороны ее баллы на Острове Саганами были великолепными — если не считать некоторых ужасных оценок по математике — а от инструкторов командных и тактических симуляторов она получила одни только “Отлично” и “Превосходно”. Это стоило отметить. Хотя, напомнил он себе, многие отличники Академии в реальной флотской службе оказались ^[2]сущим разочарованием. Высокие результаты в тесте на кинестезию^[2], хотя

данное качество в последнее время становится все менее важным. Также очень высокие баллы по пилотажному спецкурсу, в том числе — брови его поднялись, хоть и незаметно — новый рекорд Академии по планированию. Но она, должно быть, довольно упряма, может быть даже безрассудна, судя по официальному выговору в ее форме 107FT за пренебрежение показаниями приборов. И эта коллекция замечаний за отсутствие дисциплины в воздухе тоже не выглядит многообещающе. С другой стороны, все они, похоже, относятся к одному и тому же происшествию...

Он обратился к соответствующей порции ее досье, и у него вырвалось нечто вроде фырканья. Он сумел это превратить в достаточно убедительный кашель, но при прочтении приложенной заметки губы его расплывались в улыбке. Пролетела на бреющем над яхтой Коменданта во время Регаты, так? Не удивительно, что Хартли обрушил на нее громы и молнии! Хотя он, должно быть, был о ней высокого мнения, раз остановился на этом. Впрочем, возможно, дело в личности ее напарницы по преступлению. Не мог же он исключить племянницу короля, не так ли? Уж во всяком случае не за что-то менее тяжкое, чем предумышленное убийство...

Он вздохнул, откинулся в кресле, поглаживая переносицу, и взглянул на нее из-под руки. Древесный кот его беспокоил. Он знал, что это неправильно, поскольку установления по этому вопросу были недвусмысленны со времен правления королевы Адриенны. Нет законного основания разлучить ее с этим созданием, а она явно сумела пройти Академию не подняв большой волны. Но космический корабль намного меньше Острова Саганамы, а она будет не единственным гардемаринном на борту.

Даже мелкие ревность и зависть могут выйти из-под контроля за время выполнения длительного задания, а она окажется единственным человеком на борту, которому позволено взять с собой домашнее животное. Да, Лэйсон знал, что коты не были на самом деле “домашними животными”. Особо он никогда этим не интересовался, но разумность этих созданий была установленным

фактом, так же как и то, что создав эмпатическую связь с человеком они не могут быть разлучены без тяжелых последствий для обеих сторон. Но они *выглядели* как домашние животные, а большинство граждан Звездного Королевства знало о них еще меньше Лэйсона, что оставляло уйму возможностей для непонимания и недовольства. А то, что Бюро по кадрам нашло уместным назначить на “Воительницу” новенького помощника тактика — именно на офицера, занимавшего эту должность, обычно падала обязанность приглядывать за дисциплиной и ходом обучения доставшихся кораблю гардемарин — только усугубляло его тревогу по поводу возможных последствий присутствия кота на борту. У старпома еще не было времени как следует узнать помощника тактика, но то, что он уже успел понять, не внушило ему бодрой уверенности в его компетентности.

Но даже присутствие кота было вторично по отношению к основной заботе Лэйсона. У капитана должна была быть какая-то причина запросить себе Харрингтон, но как бы старпом не старался, он никак не мог вообразить, в чем же она заключается. Подобные запросы обычно представляли собой фишки в игре патронажа, в которую столь усердно играли старшие офицеры Флота. Они обычно были или способом получить признательность некоего высокопоставленного потенциального патрона, оказав поддержку его сыну, дочери или другому младшему родственнику, или возможностью отплатить за подобную же услугу. Но Харрингтон была дочерью йомена, и единственной видимой ее связью с аристократией, причем крайне сомнительной, было то, что она прожила чуть более двух лет в одной комнате с младшей дочерью графа Золотого Пика. Это была достаточно высокая связь, точнее была бы, но Лэйсон не видел для капитана способа ею воспользоваться, даже если бы она и существовала. Так в чем же была причина? Лэйсон не знал, и это его беспокоило, поскольку работой хорошего старшего помощника было знать обо всем, что может повлиять на отлаженное функционирование корабля, за которое он отвечал перед своим капитаном.

— Кажется все в порядке, миз Харрингтон, — сказал он ей через мгновение, опуская руку и позволив креслу вновь выпрямиться. — Лейтенант Сантино наш помощник тактика, что делает его также ответственным за ваше обучение. Главстаршина Шелтон проводит вас до Салажьего Уголка когда мы с вами закончим и вы сможете доложить после того, как разместитесь. Однако я завел себе привычку беседовать по несколько минут с каждым прибывающим гардемаринном. Это дает мне возможность узнать его и прикинуть, насколько он впишется в экипаж “Воительницы”.

Он сделал паузу, а она почтительно кивнула.

— Возможно вам стоит начать с того, чтобы описать мне — вкратце, конечно — причины, приведшие вас на службу, — предложил он.

— Причин было несколько, сэр, — начала она после кратчайшей паузы. — Отец мой был флотским врачом до того как ушел в отставку и завел частную практику, так что я была “флотским сорванцом” где-то до одиннадцати лет. Еще я всегда интересовалась историей флота, вплоть до времен Земли до эры Расселения. Но, полагаю, самой важной причиной была Народная Республика, сэр.

— В самом деле? — Лэйсон не до конца смог сдержать удивление.

— Да, сэр. — Голос ее был одновременно почтительным и задумчивым, но, кроме того, он был очень серьезным. — Я верю в то, что война с Хевеном неизбежна, сэр. Не прямо сейчас, но со временем.

— И вы хотите быть там, где слава и приключения, так ведь?

— Нет, сэр. — Выражение ее лица не изменилось, несмотря на укол в его вопросе. — Я хочу помочь защищать Звездное Королевство. И я *не* хочу жить под владычеством хевов.

— Понимаю, — сказал он и еще несколько секунд изучал ее. Таковую точку зрения он ожидал бы услышать от кого-то из более старших — как в смысле звания, так и возраста — офицеров, не от двадцатилетнего гардемарина. Именно по этой причине Королевский

Флот Мантикоры в настоящее время переживал самое крупное расширение за всю свою историю, и поэтому же выпуск Харрингтон был на десять процентов больше предыдущего. Но, как только что отметила Харрингтон, приближающаяся война все еще была в неопределенном будущем.

А ее ответ так и не дал ему намека на то, почему капитан Бахфиш хотел видеть ее на борту “Воительницы”.

— Что ж, миз Харрингтон, — наконец произнес он, — если вы хотите помочь защищать Звездное Королевство, то вы безусловно пришли туда, куда надо. И у вас будет возможность начать это делать немного раньше, чем вы ожидали, поскольку мы отправляемся в Силезию в антипиратский патруль. — Девушка при этих словах села в кресле еще прямее, а кот перестал дергать хвостом и тот застыл, изогнувшись в форме вопросительного знака. — Но если вы не лелеете мечту о славе, то постарайтесь к ней и не возвращаться в ближайшем будущем. Вы наверняка уже устали выслушивать это, но практика и есть для вас настоящий финальный экзамен.

Он помедлил, внимательно ее разглядывая, а она серьезно кивнула. Гардемарин во многих отношениях был ни рыба, ни мясо. Официально она являлась кандидатом в офицеры имеющим ранг гардемарина, но не аттестованной как офицер. Ее ранг давал ей временное место в цепочке командования “Воительницы”; это, однако, не означало, что у нее будет хоть какой-нибудь пост где бы то ни было *после* завершения рейса. Диплом Академии был ей гарантирован, учитывая ее оценки и общую успеваемость, но проваленная практика запросто могла стоить ей любой карьеры, ведущей к командованию кораблем. В конце концов, флот всегда испытывал потребность в штабных офицерах, чьи обязанности исправно удерживали их вне цепочки командования, а кто-то упустивший первый же шанс принять на себя ответственность за пределами учебного заведения не был желательной персоной в роли капитана королевского корабля. А если она облагается в рейсе слишком сильно, то может вместе с дипломом получить официальное

извещение Короны о том, что та не нуждается в ее службе *ни в каком качестве*.

— Вы здесь для того, чтобы учиться, а мы с капитаном будем внимательно оценивать ваши успехи. Если вы надеетесь сама однажды стать капитаном, рекомендую постараться, чтобы эти оценки были положительными. Это понятно?

— Да, сэр!

— Хорошо. — Он смерил ее долгим взглядом и слегка улыбнулся. — Согласно флотской традиции гардемарин выживший на Острове Саганами должен быть подобен кошке. Швырните его прямо в службу как хотите, и он приземлится на ноги. По крайней мере именно такой тип гардемаринов Академия *пытается* вывести и именно этого будут ожидать от вас, как от члена экипажа “Воительницы”. Однако в вашем случае есть особый, усложняющий все фактор. И я уверен, что вы полностью в курсе. А именно, — он указал подбородком на древесного кота разлегшегося поперек спинки ее кресла, — ваш... спутник.

Он подождал ее реакции. Но она просто ровно смотрела ему в глаза и он мысленно взял на заметку ее самообладание.

— Без сомнения вы гораздо лучше меня знакомы с разделом Устава, регулирующим пребывание котов на борту корабля, — продолжил он через короткое время тоном, который ясно давал понять, что ей *лучше* и правда знать этот раздел. — Я ожидаю от вас его выполнения до буквы. Тот факт, что вы двое сумели пройти Остров Саганами внушает мне надежду на то, что вы выживете и на борту “Воительницы”. Но хочу предупредить, что этот мирок гораздо меньше того, что был в Академии, и с правом находиться здесь вместе вы одновременно получили обязанность избегать любых ситуаций способных негативно сказаться на работе экипажа. Верю, что и это вам понятно. Вам обоим.

— Да, сэр, — снова сказала она и он кивнул.

— Рад это слышать. В таком случае главстаршина Шелтон готов показать вам ваше жилище, какое ни есть. Удачи, миз Харрингтон.

— Спасибо, сэр.

— Свободны, — сказал он и повернулся к экрану терминала, а гардемарин снова вытянулась по стойке смирно и вслед за главстаршиной Шелтоном покинула отсек.

* * *

Хонор закончила застилать койку (простынями с меткой “Остров Саганами” и одеялом натянутым так туго, что на нем могла подпрыгнуть пятидолларовая монета), отсоединила принайтованный к сундучку модуль, а сам сундучок задвинула между ожидавшими своего часа на переборке кронштейнами. Она усмехнулась, вспомнив одного из однокурсников — из семьи землепашцев с Грифона совсем не имевшей связи с Флотом — который проявил свое бездонное невежество в тот день, когда им выдали их первые сундучки громко поинтересовавшись почему им обязательно быть абсолютно одинаковых размеров. Ответ на этот вопрос стал очевидным во время первого же учебного полета. Теперь же Хонор установила свой сундучок на место, открыла дверцу, отключила антиграв и, дождавшись когда он встанет на место обрета полный вес, включила магнитные захваты.

Несмотря на горящие индикаторы полного захвата, она подергала сундучок для проверки. Некоторым случалось поверить показаниям индикаторов когда делать этого не стоило, но в этот раз все было в порядке, так что она закрыла дверцу и принялась крепить модуль к раме ее койки. К этому делу она подошла даже внимательнее, чем к установке сундучка, а Нимиц внимательно наблюдал за ее действиями улегшись на подушку. В отличие от сундучка, который был стандартным флотским инвентарем, ей — точнее ее отцу, который подарил ей его к выпуску — пришлось заплатить за этот модуль почти семнадцать тысяч мантикорских долларов. По ее мнению, деньги эти были потрачены с умом,

поскольку это был модуль жизнеобеспечения, которому предстояло сохранить жизнь Нимица в случае разгерметизации отсека. Она тщательно убедилась в том, что модуль хорошо закреплен, нажала на кнопку самотестирования и удовлетворенно кивнула, когда контрольная панель ожила и программа диагностики подтвердила полную исправность устройства. Нимиц сопроводил ее кивок собственным удовлетворенным мяуканьем. Она же отвернулась, чтобы наконец осмотреть кубрик, известный под достаточно неромантичным названием “Салажий Уголок”, пока главстаршина Шелтон не вернулся.

Это было достаточно большой отсек для корабля такого маленького — и старого — как “Воительница”. По сути он был почти вдвое больше ее комнаты в общежитии на Острове Саганами. Конечно, в той комнате они жили только вдвоем, она и ее подруга Мишель Хенке, а этот кубрик был рассчитан на шестерых. Однако в настоящий момент застелено было только четыре койки. Похоже “Воительница” отправляется не перегруженной гардемаринами.

Это и хорошо и плохо, отметила она усаживаясь в одно из спартанских, немеханизированных кресел возле выдавшего виды стола. Хорошо то, что у нее и трех ее соседей будет чуть больше пространства, но, в то же самое время, это означает, что на них четверых придется вся нагрузка. Все знают, что большая часть из того, чем приходится заниматься гардемарину во время практики является просто заданиями, придуманными офицером ответственным за их обучение, тренировочными упражнениями, а не чем-то жизненно важным для корабля. Но многое все же было реальной работой. Гардемарины были офицерами короля — возможно нижайшими из нижних и только на время, но все равно офицерами, — и от них ожидалось принять на себя часть необходимой работы на борту.

Она взяла Нимица на колени и начала медленно перебирать пальцами его мягкий, пушистый мех улыбаясь при пощелкивании статического электричества сопровождавшего ее касания. Он мягко

мякнул и прижался к ней головой, наслаждаясь ее лаской, а она глубоко, медленно вздохнула. Это был первый раз, когда она смогла по-настоящему расслабиться с того момента, как закончила паковать свои скудные пожитки в сундучок этим утром на Острове Саганями, и передышка обещала оказаться короткой.

Она закрыла глаза, позволила своему мозгу немного отдохнуть, и принялась прокручивать перед мысленным взором интервью с командером Лэйсоном. Старпом королевского корабля был как минимум полубогом, стоящим по правую руку от Капитана. Так что действия и мнения Лэйсона не должны были подвергаться сомнению каким-то гардемаринном. Но в его вопросах было нечто, некий подтекст, который она никак не могла уловить или обозначить. Она еще раз попыталась убедить себя, что все это только последствия нервозности первого дня на борту корабля. Он — старпом, и работой старпома было знать все что возможно о своих подчиненных, даже если речь идет всего-то о гардемаринах. Но Хонор чувствовала странную убежденность, приходившую редко, но никогда не обманывавшую, что дело было в чем-то еще. И так ли это, или нет, но он совершенно точно расценил появление Нимица на борту “Воительницы” по крайней мере как потенциальную проблему. Кстати, главстаршина Шелтон, похоже, чувствовал то же самое. Хонор вздохнула.

Это не было ни первым, ни вторым, ни даже двадцатым случаем, когда она встречала подобное отношение. Как и предположил командер Лэйсон, она была сведуща во флотских установлениях, касающихся древесных котов и принятых ими людей. Однако большинство флотских не были столь же сведущи, поскольку подобная надобность возникала очень редко. Связи между древесным котом и человеком были исчезающе редки даже на родном для Хонор Сфинксе. Шестилапые древесные жители почти никогда не встречались за пределами планеты, а во Флоте они были еще более редкими гостями, чем на гражданке. Хонор втихаря провела небольшое исследование и, насколько ей удалось установить, из всех

находящихся на активной службе в настоящее время — включая ее — принятыми были не больше дюжины. Это число было ничтожным в сравнении с общей численностью персонала Флота, так что не стоило удивляться, что появление кота всегда вызывало некое оживление.

Однако понимание причин возникновения проблемы ее не решало. Хонор чувствовала болезненную уверенность в том, что присутствие Нимица расценивается как потенциально разрушительное большинством людей незнакомых с этими созданиями. Даже те, кто разбирался в этом получше, часто относились к котам как к чрезвычайно умным домашним животным, а большинство, к сожалению, и не пыталось разобраться, даже если им предоставлялась такая возможность. То, что коты не могли изобразить что-либо похожее на звуки человеческой речи только усугубляло ситуацию, а то, что они выглядели так мило и приятно ничуть не ослабляло ревнивое недовольство их присутствием.

Конечно, никто хоть раз видевший разъяренного древесного кота не перепутал бы “милого и приятного” зверька с “безобидным”. На самом деле их внушительное естественное вооружение было еще одной причиной, по которой их присутствие волновало некоторых людей, хотя Нимиц, например, ни за что не причинил бы человеку вред, кроме как при самообороне. Или защищая Хонор, что для него было совершенно равноценно. А люди, никогда не видевшие их смертоносности, имели тенденцию умиляться при виде котов и сожалеть, что у них нет такого восхитительного любимца.

От этого было недалеко до негодования в адрес того, у кого он был. Хонор и Нимицу приходилось не раз сталкиваться с подобным отношением в Академии, и только то, что Устав был на их стороне и то, что у Нимица был естественный талант дипломата (абсолютно беспринципного), выручало их в некоторых наихудших случаях.

Что ж, если им удавалось это на Острове Саганами, удастся и здесь, сказала она сама себе и...

Дверь в отсек распахнулась без предупреждения. Хонор вскочила на ноги, подхватив Нимица на руки, и развернулась к двери.

Она знала, что сигнал “занято” работал, а такое вторжение в занятый кубрик даже без звонка считалось серьезным нарушением корабельного этикета. Кроме того, как минимум технически, это было вторжением в личную жизнь, на строго запрещенным Уставом за исключением экстренных случаев. Неожиданность породила в Хонор непривычное смущение и она замерла при виде стоящего в проеме крепко сбитого старшего лейтенанта семью или восемью годами старше ее. Он был на два-три сантиметра короче ее, отличался некой цветущей красотостью, но что-то в его глазах вызвало в ней инстинктивную неприязнь. Или, возможно, это было из-за его позы, поскольку он упер руки в бока, наклонился вперед, приподнявшись на носках, и сердито уставился на нее.

— Салаг вроде бы учат, что в присутствии старшего офицера надо вставать по стойке смирно, а? — пренебрежительно заметил он и вспышка гнева отразилась румянцем на высоких скулах Хонор. При виде этого глаза его заблестели, а она руками почувствовала неслышное клочкотание рычания Нимица. Она предупреждающе сжала его, но кот и так знал, что не стоит публично выражать свое неодобрение кем-то старшим по отношению к его человеку. Он явно полагал это одним из самых глупых ограничений выбранной Хонор карьеры, но был готов потакать ей в том, что для нее было так важно.

Она продержала его еще мгновение, усиленно стараясь передать ему по эмпатической связи, насколько важно в этот раз ему вести себя хорошо, затем поставила его на стол и встала смирно.

— Уже лучше, — прорычал лейтенант и вошел в кубрик. — Я — лейтенант Сантино, помощник тактика, — проинформировал он ее продолжая упираться руками в бока пока она стояла вытянувшись. — Это означает, что за мои грехи на меня свалилась ответственность за Салажий Уголок в этом рейсе. Так скажите мне, миз Харрингтон, какого черта вы делаете здесь, вместо того, чтобы доложить мне?

— Сэр, мне была дана инструкция расположить вещи и обустроиться здесь. Я так поняла, что главстаршина Шелтон...

— А что вас заставляет думать, что старшина более важен чем офицер, миз Харрингтон? — прервал он ее.

— Сэр, я этого не говорила, — ответила она стараясь удерживать голос спокойным и ровным несмотря на поднимающийся гнев.

— Вы явно имели это в виду, когда сказали, что его инструкции важнее моих!

Хонор сжала зубы и не ответила. Он переиначивает все что она говорит в своих целях, а она не собирается играть в эту глупую игру.

— Вы ведь *это* имели в виду, миз Харрингтон? — потребовал он ответа после того, как тишина провисела несколько секунд и она взглянула ему прямо в глаза.

— Нет, сэр. — Слова были безукоризненно корректными, тон спокойным и не вызывающим, но выражение ее темно-карих глаз было твердым. Что-то промелькнуло в его взгляде, губы его сжались, но она просто продолжала стоять.

— Так что вы имели в виду? — очень мягко спросил он.

— Сэр, я ничего не имела в виду. Я просто пыталась ответить на ваш вопрос.

— Так отвечайте! — взорвался он.

— Сэр, командер Лэйсон сказал, — она не сделала ударения на имени старпома, но заметила как его глаза сузились, а губы вновь сжались, — что мне следует оставаться здесь до возвращения главстаршины, после чего он отведет меня к вам для представления.

Сантино уставился на нее, но упоминание Лэйсона хотя бы временно сорвало его атаку. Что со временем сделает положение только хуже, решила Хонор.

— Ну, вот он я, миз Харрингтон, — снова прорычал он после долгих мгновений тишины. — Так что можете приступать к докладу.

— Сэр! Гардемарин Хонор Харрингтон докладывает о прибытии к месту службы, сэр! — выпалила она с той парадной четкостью, которую на борту корабля использовал бы только идиот или

абсолютный новичок. В глазах у него плескался гнев, но она встретила его взгляд совершенно без выражения.

“Это абсолютно, абсолютно глупо вступать с ним в такую конфронтацию, девочка! — произнес внутри нее голос, удивительно похожий на голос Мишель Хенке. — Ты же уже достаточно сталкивалась с такой гадостью в Академии и должна бы соображать!”

Но она ничего не могла с собой поделать. И, скорее всего, в конечном итоге это все равно не составило бы существенной разницы.

— Замечательно, миз Харрингтон, — сказал он ледяным тоном. — Теперь, когда вы снизили до того, чтобы присоединится к нам, давайте пройдем в штурманскую рубку. Полагаю, у меня есть задание, которое займет вас до ужина.

* * *

Перед дверью обеденной каюты капитана Бахфиша, Хонор присоединилась к компании офицеров. Она надеялась, что никто не заметит, насколько сильно она волнуется. “Воительница” покинула орбиту Мантикоры всего три дня назад, и гардемарины, по меньшей мере, удивились, узнав, что у капитана есть привычка приглашать офицеров на ужин. Это было особенно поразительно если учесть, что “Воительница” была спущена со стапелей почти тридцать пять лет назад, да и размерами она была чуть меньше других кораблей этого класса. По сравнению с Салажым Уголком, каюта капитана была, разумеется, гораздо больше и роскошнее, но она была теснее и проще, чем каюты капитанов на более новых, больших судах, в результате чего в ней с трудом умещалась даже полудюжина гостей. Учитывая такой дефицит свободного пространства, капитан вряд ли мог приглашать всех офицеров на каждый ужин, и, видимо, регулярно менял гостей, чтобы все могли поужинать с ним по очереди.

Это было почти что неслыханно. Но капитан Курвуазье, любимый наставник Хонор в Академии, однажды заметил ей, что мудрый командир должен постараться, как можно лучше узнать своих офицеров, а также сделать так чтобы и они узнали его. Она догадывалась, что, судя по всему, капитан Бахфиш добивался именно этого, но что бы ни было у капитана на уме, любой салага занервничал бы, обнаружив себя в списке его гостей, особенно, если бы это произошло в самом начале рейса.

Стюард капитана открыл дверь и Хонор проследовала за старшими офицерами. Она постаралась оглядеться как можно незаметнее. Будучи самым младшим из присутствующих офицеров, она, разумеется, завершала арьергард, что было чуть предпочтительнее, чем идти впереди: по крайней мере, не ей пришлось первой перешагнуть порог, но зато она вошла в отсек последней, когда все остальные уже заняли свои места и теперь могли пристально за ней наблюдать. Она чувствовала на себе тяжесть вышестоящих взглядов и спрашивала себя, правильно ли она сделала, что взяла с собой Нимица. Согласно уставу, это было абсолютно законно, при условии, что приглашение не содержало на этот счёт недвусмысленного запрета, но, тем не менее, она все равно ощущала себя не в своей тарелке. Неожиданно она испугалась, что это её решение может показаться старшим слишком самонадеянным, и потому почувствовала себя неуверенно. Эта неуверенность вдобавок привела к физической неловкости, как будто она снова превратилась в неуклюжую, здоровенную кобылу, каковой она всегда считала себя, до тех пор пока старшина МакДугал не вызвал в ней серьезного интереса к *coup de vitesse*. Ее лицо едва не покраснело, но она решительно загнала неловкость обратно в тот ящик, из которого она вылезла. Ужин обещал стать напряженным и без дополнительных причин для выброса адреналина. По крайней мере, Элвис Сантино отсутствовал, и она была благодарна этому обстоятельству: гардемарины Макире пришлось вынести это суровое испытание в его присутствии.

Хорошо еще, что ее незначительное положение не оставляло сомнений в том, какое место предназначалось ей, так что она вполне могла обойтись без незаметного жеста стюарда, направившего ее к самому концу стола. Она постаралась сесть как можно более непринужденно, а Нимиц, зная не хуже нее о том, что нужно вести себя как можно лучше, аккуратно устроился на спинке ее стула.

Стюард обошел стол, чтобы налить кофе, двигаясь в тесном помещении с грацией, выработанной долгой практикой. Хонор всегда терпеть не могла этот напиток, и накрыла чашку рукой, когда стюард подошел к ней. Тот вопросительно посмотрел на нее, но двинулся дальше, не сказав ни слова.

— Мы не любим кофе, да?

Вопрос задал старший лейтенант слева от Хонор, и она быстро взглянула на него. Курносый офицер с каштановыми волосами был примерно ровесником Сантино, плюс-минус год или два. Однако, в отличие от Сантино, его лицо было дружелюбным, а голос — приятным, лишенным оскорбительной насмешки, которая так легко давалась помощнику тактика.

— Боюсь, что нет, сэр, — ответила она.

— Это может стать помехой для флотской карьеры, — жизнерадостно объявил лейтенант. Он взглянул через стол на круглолицую, темнокожую лейтенант-командера и ухмыльнулся. — Некоторые из нас, — заметил он, — предпочитают думать, что корабли его величества работают на кофеине, а не на реакторной массе. Мало того, кое-кто считает, что регулярно подзаправляться этим самым кофеином – наша прямая обязанность.

Лейтенант-командер свысока посмотрела на него, отпила из своей чашки, а потом поставила ее точно на блюдце.

— Надеюсь, лейтенант, что вы не собирались распространять клеветнические измышления относительно количества кофе, которое старшие офицеры поглощают на мостике, занимаясь тяжким трудом? — спросила она.

— Конечно же нет! Я в шоке, что вы даже могли предположить такое, мэм!

— Да-да, конечно, — согласился командер Лэйсон, который сидел с противоположной стороны стола справа от еще пустующего стула капитана. Он посмотрел на Хонор. — Миз Харрингтон, позвольте представить вас. Слева от вас лейтенант Сондерс, помощник астрогатора. Слева от него лейтенант-командер ЛаВаше, главный инженер, а справа от вас лейтенант-командер Хираке, наш тактик.

ЛаВаше, миниатюрная, удивительно миловидная блондинка, сидела напротив Лэйсона, который был справа от Хираке. Они со старпомом завершали группу гостей, и Лэйсон махнул рукой в сторону Хонор.

— Дамы и господа, миз гардемарин Харрингтон.

Пока старпом называл каждого офицера, те кивали Хонор, и теперь она вежливо кивнула в ответ, отметив, что никто из них, не излучал чрезмерного превосходства, которым так отличался Элвис Сантино.

Только Сондерс открыл рот, чтобы добавить что-то еще, как переборка, ведущая в гостиную капитана открылась, и в кают-компанию вошёл высокий худощавый мужчина в форме капитана первого ранга. Все офицеры встали, и Хонор поспешно последовала их примеру. Они продолжали стоять до тех пор, пока капитан Бахфиш не занял своего места и не сделал небольшой жест правой рукой.

— Прошу садиться, дамы и господа, — пригласил он.

Стулья тихо заскрипели, когда его подчиненные последовали приглашению. Разворачивая белоснежную льняную салфетку и раскладывая ее на коленях, Хонор потихоньку наблюдала за Бахфишем. Она впервые увидела человека, который был первым после Бога на борту “Воительницы”, и ощущала какую-то смутную неудовлетворенность. У капитана Бахфиша было худое, покрытое морщинами лицо и темные глаза, которые, казалось, все время были

слегка сердиты. Он больше походил на бухгалтера, у которого никак не сходился баланс, чем на сложившийся у Хонор мысленный образ капитана корабля его величества, отправлявшегося на подавление проклятого пиратства. Его немного гнусавый тенор совсем не подходил для такой высокопоставленной особы, и Хонор почувствовала явственный укол разочарования.

Всякие мирские заботы отлетели прочь, как только возле стола снова возник стюард с подносом в руках. Поданные им блюда были великолепны, во всяком случае, по качеству они на порядок превосходили ту пищу, что обычно доставалась скромным салагам, и Хонор с энтузиазмом принялась за еду. Пока все ели, разговор почти не велся, чему она только обрадовалась, поскольку это дало ей возможность насладиться пищей, не волнуясь о том, обязан ли какой-то гардемарин участвовать в застольной беседе. Капитан Бахфиш, в частности, поглощал ужин в тишине. Казалось, он почти не замечает своих гостей, и, несмотря на благодарность, которую Хонор испытывала за то, что ей позволено наслаждаться едой в относительном покое, она задалась вопросом, зачем ему вообще понадобилось приглашать офицеров, если он их игнорирует. Все это казалось очень странным.

После салата и отличного картофельного супа последовал глазированный цыпленок с миндалем, воздушным рисом, с обжаренными в масле овощами и грибами, свежим зеленым горошком и рулетами. Завершался ужин тремя разными десертами. Всякий раз, когда Хонор отрывалась от тарелки, стюард неизменно оказывался под рукой, предлагая добавку, и каждый раз она с удовольствием соглашалась. Пускай капитан Бахфиш и не соответствовал ее представлению об энергичном и выдающемся командире звездного корабля, но зато у него был прекрасный стол. Такой вкусной еды ей не доводилось пробовать с последнего визита домой.

Яблочный пирог оказался еще более восхитительным, чем глазированный цыпленок, поэтому когда, заговорщически подмигнув,

стюард предложил добавку, Хонор не нужно было долго уговаривать. Со стороны лейтенанта Сондерса раздался звук, подозрительно напоминавший смешок. Она краем глаза взглянула на помощника астрогатора, но его лицо сохраняло похвальную невозмутимость, и лишь в глазах поблескивал огонек. Хонор не сердилась: как прямой потомок первой волны Мейердала она успела привыкнуть к реакции, которую вызывал у неподготовленных соседей по столу аппетит ее модифицированного метаболизма. Особенно в отношении сладкого.

Выловив ложкой последние остатки растаявшего мороженого, она откинулась с незаметным вздохом удовлетворения. Молчаливый, умелый стюард возник снова, чтобы собрать пустые тарелки и чудесным образом отправить их в какую-то частную разновидность черной дыры. На смену тарелкам пришли бокалы для вина, и стюард на рассмотрение капитану Бахфишу представил старомодную стеклянную бутылку с восковой печатью. Хонор принялась наблюдать за капитаном еще внимательнее, потому что ее отец был известным винным снобом, насколько это позволяли его скромные возможности, и она сразу опознала другого такого же сноба. Стюард сломал печать, вытащил пробку и вручил ее капитану. Бахфиш деликатно понюхал ее, пока стюард наливал немного рубиновой жидкости в его бокал, затем отложил пробку и попробовал само вино. Он задумался на миг, затем одобрительно кивнул. Стюард наполнил его бокал, а затем обошел стол, чтобы налить каждому из гостей по очереди.

Когда стюард наполнил бокал Хонор, она снова занервничала. Как самая младшая из присутствующих офицеров, она знала, что от нее потребуется. Подождав, пока стюард закончит и отойдет в сторону, она взяла бокал и встала.

— Дамы и господа, за короля!

Она обрадовалась, что ее голос звучал почти нормально. Похоже, кроме нее, никто не сознавал, как она нервничает.

— За короля! — ответ получился почти оглушительным для тесной обеденной каюты, и Хонор быстро опустилась на стул, чувствуя огромное облегчение от того, что обошлось без конфуза.

Атмосфера за столом вдруг изменилась, как будто верноподданнический тост стал тем сигналом, которого ждали собравшиеся. Пытаясь определить, что произошло, Хонор решила, что в поведении присутствующих появилась некая раскованность. Гости капитана откинулись на стульях, держа бокалы в руках, а лейтенант-коммандер Хираке даже положила ногу на ногу.

— Джозеф, надеюсь, вы разобрались с теми картами? — спросил капитан Бахфиш.

— Да, сэр, — ответил лейтенант Сондерс. — Вы были правы, капитан. Они просто были неверно маркированы, хотя мы с коммандером Добреску *до сих пор* в некотором недоумении, почему кто-то решил, что нам нужны обновленные карты Народной республики, когда мы направляемся прямо в противоположном направлении.

— А, тут все ясно, — объявила лейтенант-коммандер Хираке. — Предполагаю, что первый астрогатор “Воительницы” затребовал их для ее первого рейса. Видите ли, прошло всего-навсего тридцать шесть стандартных лет. Как раз типичный срок выполнения запросов.

Раздались смешки, и Хонор с трудом удалось скрыть удивление, когда испещренное морщинами, недовольное лицо капитана Бахфиша тоже расплылось в улыбке. Капитан погрозил тактику пальцем и покачал головой.

— Мы не можем позволить вам говорить в подобном тоне о тыловом обеспечении, Дженис, — сурово сказал он. — Хотя бы потому, что вы, тем самым, подаете надежды, которые обречены на разочарование.

— Не знаю, сэр, — сказал коммандер Лэйсон. — Разве не столько же времени у нас ушло на замену головки излучателя для Гразера Четыре?

— Да, но тут виновато не только обеспечение, — вставила лейтенант-коммандер ЛаВаше. — Для нас ее нашли лентяи на верфи “Гефеста”, помните? Едва не пришлось требовать ее под дулом пульсера, но все-таки они *достали* ее. Они наверняка держали головку на складе пять-шесть лет, пока какой-то другой бедный крейсер безуспешно ждал ее, а мы просто взяли и перехватили.

Это вызвало новые смешки, и изумление Хонор возросло. Мужчины и женщины в отсеке внезапно изменились. Они совсем уже не походили на тех, что провели формальный ужин почти в полной тишине, но больше всех изменился капитан Бахфиш. На ее глазах он, склонил голову и с почти шутливым выражением лица обратился к коммандеру Лэйсону.

— Надеюсь, пока Джозеф разбирался с картами, вы с Дженис смогли придумать какое-нибудь упражнение, которое заставит всех на борту ненавидеть нас, Абнер?

— В общем, мы попытались, сэр. — Лэйсон вздохнул и покачал головой. — Старались изо всех сил, но, думается, найдется троечетверо рядовых в Инженерном, которым мы вместо этого просто сильно не понравимся.

— Хмм, — капитан Бахфиш нахмурился. — Я немного разочарован. Когда в экипаже корабля так много зеленых новичков, у хорошего старпома не должно возникать проблем с составлением тренировочной программы, которая заставит их попотеть.

— А, ну *это* нам удалось, сэр. Просто Ирма сумела удержать большую часть первоначального состава вахтенных смен, а им уже известны все наши трюки.

— Да? Что ж, с этим обстоятельством мы не можем ничего поделать, — согласился капитан Бахфиш и взглянул на лейтенант-коммандера ЛаВаше. — Значит, это вы виноваты, Ирма, — сказал он.

— Виновна, сэр, — признала ЛаВаше. — Это оказалось не так легко, когда Бюро по кадрам все время стояло над душой и пыталось заграбастать самых опытных людей.

— Знаю, что сложно, — сказал капитан, и в первый раз в его одобрительном тоне не проскользнуло дразнящей ноты. — Я просмотрел часть вашей переписки с капитаном Аллертоном. До самой последней минуты я думал, что мы потеряем старшину Хейсмана, но вы ловко обошли Аллертона. Но я надеюсь, что это не будет стоить старшине нового шеврона. Он нужен нам, но я не хочу, чтобы он в результате пострадал.

— Он не пострадает, сэр, — ответил Лэйсон за ЛаВаше. — Мы с Ирмой обсудили это, прежде чем она прибегла к аргументу о его “необходимости для эффективного функционирования”, чтобы удержать его. В одном только инженерном у нас не хватает двух главстаршин... и мы пробудем в Силезии более чем достаточно, так что вы сможете по собственному усмотрению повысить Хейсмана, чтобы заполнить одну из вакансий.

— Замечательно, — произнес Бахфиш. — Вот это мне нравится! Умные офицеры, которым ничего не стоит перехитрить своих естественных врагов в Бюро Кадров!

Хонор с трудом заставила себя не таращиться на перевертыша, который оказался на месте хмурого и не улыбочивого человека во главе стола. Он отвернулся от Лэйсона и ЛаВаше и взглянул прямо на нее, и на этот раз в его глубоко посаженных глазах явственно поблескивали огоньки.

— Я заметил, что ваш компаньон просидел весь ужин на спинке стула, миз Харрингтон, — обратился он. — Мне казалось, что коты обычно едят одновременно со своими людьми.

— Э, да, сэр, — сказала Хонор.

Она почувствовала, что щеки горят, и глубоко вздохнула. По крайней мере его подшучивание на старшими из присутствующих офицеров дало ей возможность приспособиться, прежде чем он повернул орудия в ее сторону, и она твердо взяла себя в руки.

— Да, сэр, — сказала она намного увереннее. — Обычно Нимиц ест одновременно со мной, но овощи не очень полезны для него, а мы

не знали, что подготовил ваш стюард, поэтому он поел в кубрике перед ужином.

— Ясно, — капитан секунду смотрел на нее, потом кивнул в сторону стюарда. — Старшина Стеннис хорошо справляется, миз Харрингтон. Если вы сможете предоставить ему список продуктов, подходящих для вашего компаньона, я уверен, что он сможет составить соответствующие меню для следующего ужина.

— Да, сэр, — сказала Хонор, безуспешно пытаюсь скрыть облегчение, поняв, что присутствие Нимица приветствовалось, а не просто терпелось. — Спасибо, сэр.

— Не за что, — ответил Бахфиш и улыбнулся. — Тем временем, можем ли мы предложить ему хоть что-то в качестве послеобеденной закуски, пока мы наслаждаемся вином?

— Если у старшины Стенниса осталось немного сельдерея от салата, это будет в самый раз, сэр. Хотя котам и не очень хорошо от овощей, но *все* они обожают сельдерей!

— Джексон? — Капитан посмотрел на стюарда, а тот улыбнулся и кивнул.

— Думаю, я смогу это устроить, сэр.

Старшина Стеннис растворился в буфетной, а капитан Бахфиш снова переключился на командера Лэйсона и лейтенанта-командера Хираке. Хонор поудобнее устроилась на стуле, и довольная дрожь урчания Нимица отразилась на ее затылке. Если бы она сама была кошкой, ее собственное урчание было бы еще более довольным и значительно более громким. Она наблюдала, как капитан “Воительницы” болтает со своими офицерами, и чувствовала настоящее восхищение. Такой капитан Бахфиш — это вам не официальный, почти холодный командир, который председательствовал во время собственного ужина. Она все еще не понимала, почему он тогда казался таким сдержанным, но с готовностью оценила умение, с которым он теперь вовлекал в разговор каждого из своих офицеров. К тому же, признала она, он совсем без усилий помог простому гардемарину чувствовать себя

комфортно в своем присутствии. Несмотря на то, что в его вопросах присутствовал юмор, граничивший с почти опасным остроумием, он заставил офицеров обсуждать серьезные вопросы, направляя беседу, как настоящий лидер, а не просто как капитан. Она снова вспомнила слова капитана Курвуазье о том, что капитан должен знать своих офицеров, и осознала, что Бахфиш только что преподал ей наглядный урок того, как капитан может этого добиться.

Этот урок стоило бы запомнить, аккуратно пометила она для себя и тут же улыбнулась, протягивая руку за тарелкой с сельдереем, которую ей подал старшина Стеннис.

* * *

— ...?как видите, наши аварийные посты автономного управления энергетическим оружием прошли модернизацию согласно плану А-3, — пробубнила старшина МакАртур. На рукаве у этой крепкой некрасивой женщины виднелись нашивки двадцати пяти стандартных лет службы, а ленточки боевых наград на груди доказывали, что она сторицей заплатила за свои умения. Жаль, что ей так и не удалось овладеть еще и ораторским искусством. Несмотря на то, что Хонор сильно интересовалась тем, что МакАртур могла ей поведать, ей было нелегко удержаться от зевания во время этой совершенно сухой лекции.

Они с Одри Брадло, еще одной девушкой-гардемарином “Воительницы” стояли в четвертом внутреннем бортовом проходе, заглядывая через плечо МакАртур в небольшой бронированный отсек. Он не предоставлял много свободного пространства для мужчин и женщин, которые станут к орудиям, как только корабль приступит к действиям. Каждый квадратный сантиметр был занят мониторами, приборами, клавиатурами и панелями. Между этой самой главной аппаратурой были зажаты амортизированные лежа и разъемы для систем жизнеобеспечения экипажа.

— Когда прозвучит сигнал, у экипажа имеется максимум пятнадцать минут, чтобы облачиться в скафандры и занять свои посты, — проинформировала их МакАртур, и Хонор с Брэдло кивнули, как будто раньше об этом не слышали. — Конечно, на самом деле выходит быстрее, чем пятнадцать минут, хотя во время тренировочных полетов иногда бывало и дольше. С другой стороны, — старшина обернулась к своей аудитории, — я бы не сказала, что капитан очень терпелив к тем, кто портит планы его учений, поэтому мешкать я не советую.

Одно ее веко дрогнуло, что на более выразительном лице сошло бы за подмигивание, и неожиданно для себя Хонор улыбнулась старшине. Нельзя сказать, что обязанности орудейного расчета были самой веселой темой, которую можно придумать. Хонор это знала, потому что провела десятки часов в симуляторах, которые воссоздавали каждую деталь находящейся перед ней станции автономного управления. Улыбка пропала, когда она мысленно представила ее. Ее живое воображение нарисовало каждый миг пронзительного визга сирены в общих помещениях, мигающие огни боевой тревоги и внезапную клаустрофобию, когда команда подключала систему жизнеобеспечения скафандров и люки задраивались за ними, а мощные насосы выкачивали воздух из проходов и отсеков вокруг них. Вакуум вокруг их бронированной капсулы на самом деле должен помочь защитить ее — и их — от ударов и сотрясений, передаваемых в атмосферой, не говоря уже о пожаре, но она сомневалась, чтобы кто-то мог воспринять это без атактистической дрожи.

Нимиц поежился у нее на плече, поймав внезапную тень в ее эмоциях, и она слегка дотронулась рукой до его головы. Он прижался к ее ладони, и она успокаивающе промурлыкала ему.

— Если старшина МакАртур наводит на вас скуку, миз Харрингтон, — неожиданно проскрежетал неприятный голос, — я уверен, что мы можем найти какую-нибудь дополнительную обязанность, чтобы занять вас.

Хонор быстро повернулась, напрягая плечи в автоматическом ответе, и при виде Элвиса Сантино, ее лицо внезапно превратилось в маску лучшую, чем у старшины МакАртур. Помощник тактика, видимо, потихоньку подошел из-за поворота коридора, пока они с Брадло слушали МакАртур, и она отчитала себя за то, что позволила ему застать ее врасплох. Теперь он гневно воззрился на нее, снова уперев руки в бока и выпятив губы. Она молча смотрела на него.

Чтобы она ни сказала или ни сделала, все пойдет ей во вред, поэтому она молчала. Что, конечно, тоже было неправильно.

— Ну, миз Харрингтон? Если вам скучно, просто скажите. У старшины МакАртур наверняка найдутся занятия получше. Итак, вам скучно?

— Нет, сэр, — она выдала единственно возможный ответ так невыразительно, как только могла. Сантино гадко улыбнулся.

— В самом деле? А я бы ни за что так не подумал, глядя на то, как вы тут сюсюкали и игрались со своим любимцем.

И снова не оставалось ни одного ответа, который бы не предоставил ему новой возможности для атаки. Она чувствовала сожаление, стоящей рядом Брадло, но Одри тоже молчала. Она и не могла ничего сказать, так как сама испробовала на себе достаточно мерзостей Сантино. МакАртур подвинулась и повернулась к лейтенанту. Застывшая на ее лице непроницаемая маска была ещё более невыразительна, чем обычно, когда она прочистила горло.

— Со всем уважением, сэр, — заявила она, — юные леди были сегодня очень внимательны.

Сантино хмуро посмотрел на нее.

— Не припомню, чтобы я спрашивал вашего мнения об их внимательности, старшина МакАртур, — его тон был резок, но МакАртур и бровью не повела.

— Я понимаю, сэр. Но, опять-таки со всем уважением, вы только что подошли из-за угла. Я же работала с миз Харрингтон и миз Брадло последние полтора часа. Мне просто показалось, что я должна

вам сообщить о том, что они слушали очень внимательно все это время.

— Понятно.

На миг Хонор подумала, что лейтенант обрушится и на МакАртур за то, что та посмела вмешаться. Однако даже Элвис Сантино был не настолько глуп, чтобы переводить спор со старшиной, имеющей такой стаж, как МакАртур в официальную плоскость. Риск потерять лицо был велик, к тому же она числилась в его собственном подразделении. Несколько секунд он покачался на пятках, а потом снова устался на Хонор.

— Как бы вы ни были внимательны, нет оправдания бездельничанью, — сообщил он. — Я понимаю, что устав разрешает вам носить с собой это существо при исполнении служебных обязанностей, но я предупреждаю вас: не злоупотребляйте этой привилегией. И прекратите играть с ним, когда вы должны быть сосредоточены на том, что вы обязаны изучать! Вам ясно?

— Да, сэр, — деревянным голосом сказала Хонор. — Абсолютно ясно.

— Отлично! — отрезал Сантино, и резко развернувшись, зашагал прочь.

* * *

— Господи, да что ему надо? — простонал Нассиос Макира.

Приземистый гардемарин поднялся и сел на край своей верхней койки свесив ноги. Хонор никак не могла понять, почему он так любил эту позу. Да, он был меньше ее ростом, но потолок был таким низким, что даже Нассиос не мог полностью выпрямиться сидя на своей койке. Может быть именно потому, что она была выше ростом? И в самом деле, Нассиос был одним из самых низкорослых людей на борту “Воительницы”. Так может быть он именно потому проводил столько времени вскарабкавшись куда-то как кот или обезьяна со

Старой Земли, что только это давало ему возможность подняться на уровень глаз всех остальных?

— Не знаю, — Одри Брадло ответила не отрывая взгляда от ботинка, лежавшего у нее на коленях. Никаких имен не упоминалось, но она, казалось, ничуть не сомневалась в объекте жалобы Нассиоса. — Зато знаю, что жалоба на него только все ухудшит, если дойдет до него, — добавила рыжая гардемарин потянувшись к обувному крему стоящему на столе кубрика.

— Эй, дай человеку высказаться, — вступил Басанта Лакхия. Темнокожий юный гардемарин с удивительно светлыми волосами лежал комфортно вытянувшись на своей собственной койке. — Никто же не собирается наябедничать Сантино на него, а даже если бы и собирався, так Устав не запрещает обсуждать вышестоящих офицеров.

— Только пока такое обсуждение не сказывается пагубно на дисциплине, — поправила Хонор.

К ее собственному удивлению она обнаружила, что на основании их сравнительной успеваемости является старшей среди гардемаринов “Воительницы”. Это, к сожалению, только осложняло проблему с Сантино, поскольку ее старшинство — каким бы оно не было — заставляло его общаться с ней плотнее, чем с прочими гардемаринами. Оно также налагало на нее ответственность быть голосом разума во время бесед гардемарин и она подняла глаза, чтобы бросить резкий взгляд на Макиру с того места, где она сидела на столе возле Брадло расчесывая мех Нимица. То, что все они оказались свободны одновременно было необычно, но гардемарин назначали на вахты по плавающему графику и сегодня их периоды отдыха перекрывались. На деле у них было еще почти два часа, прежде чем Одри и Басанта должны были заступать на пост.

— Хонор, ты же знаешь, что я никогда, никогда не сомневался в необходимости дисциплины, — ханжески заявил Нассиос. — И ничто из того, что сделал я, не могло повредить дисциплине сильнее чем *он*, — добавил он вполголоса.

— Басанта прав в том отношении, что никто не победит доносить, Нассиос, — сказала Одри наконец подняв глаза. — Но эти слова как раз те, что могут заставить его — и старпома — обрушиться на тебя подобно шаттлу с отказавшим антигравом, если дойдут до них.

— Я знаю. Я знаю, — вздохнул Нассиос. — Но ты должна признать, что он зашел достаточно далеко, Одри! А то, как он продолжает наседать на Хонор из-за Нимица...

— Быть может он думает, что это входит в обязанности офицера-воспитателя, — предположила Хонор. Она закончила расчесывать Нимица и тщательно собрала вычесанный пух, чтобы он не попал в воздушные фильтры кубрика.

— Ха! Уж конечно! — фыркнул Басанта.

— Я не говорю, что согласна с ним в этом, — невозмутимо продолжила Хонор. — Но ты не хуже меня знаешь, что старая школа “прессуй их сильнее, чтобы сделать их круче” воспитания салаг все еще жива.

— Жива, но уже вымирает, — возразил Нассиос. — Большинство из тех, кто продолжает так думать — это старые пердуны. Знаешь, те кто все еще полагает, что космические корабли должна двигать паровая машина или реактивные двигатели... или даже весла! Сантино для этого дерьма слишком молод. Тем более, что это все равно не объясняет из-за чего он так взбеленился на Нимица!

— Может быть да, а может и нет, — задумчиво сказал Басанта. — Возможно ты попала в точку, Хонор. По крайней мере в отношении того, почему он такой засранец. Он не намного старше нас, но если его преподаватели вели себя именно так, то он просто следует традиции.

— А почему он так наседает на Нимица? — не унимался Нассиос.

— Быть может он один из тех, кто никак не могут поверить в то, что коты не являются тупыми животными, — предположила Брадло.

— Видит бог, я не была готова к тому насколько умен этот чертенок. И никогда бы не поверила в это только со слов Хонор.

— Возможно, в этом все дело, — согласилась Хонор. — Большинство людей начинают понимать разницу между котами и домашними животными когда столкнутся с ними лицом к лицу, но из этого правила бывают и исключения. Полагаю играет свою роль развитость воображения.

— А воображение не то, чем он мог бы поделиться, — заметил Басанта. — Что нас возвращает к сказанному ранее Хонор. Если у него не хватает воображения, — судя по его тону у него на языке крутилось гораздо более резкое слово, — то он вероятнее всего относится к нам точно также, как относился к нему его воспитатель. Получив однажды указание как следует себя вести, он не может себе вообразить другого способа действий.

— Не думаю, что ему требовалось дополнительное указание, — пробормотал Нассиос и, хотя она сама сделала это предположение, Хонор с ним согласилась. В этом отношении она чувствовала внутреннюю убежденность, что поведение Сантино было естественным результатом его собственной предрасположенности и никаких дополнительных примеров для этого ему не требовалось. Не то чтобы она хоть на секунду усомнилась, что сделай кто-то из старших офицеров ему замечание, и он в свою защиту заявит, что делал это “для их же собственного блага”.

— Если когда-то и требовалось, то больше нет, это верно, — согласился Басанта, а затем встряхнулся. — Эй, кто-нибудь видел что за симуляцию готовит нам командер Хираке?

— Нет, но старшина Уоллес предупредил, что она будет очень сложной, — подхватила Одри, поддерживая перемену темы, а Хонор под аккомпанемент этой болтовни пересела пониже и взяла Нимица на руки.

Ей бы следовало, отметила она, быть счастливее, чем когда-либо в жизни, и во многих отношениях так и было. Но Элвис Сантино сделал все от него зависящее, чтобы счастье не было полным. И

преуспел. Что бы она не говорила другим, она внутренне была убеждена, что оскорбительное, саркастическое, уничижительное его отношение ко всем ним, а особенно к ней и Нимицу, происходило от естественной его задиристости. Хуже того, она подозревала, что эта его черта только усугублялась натуральной глупостью.

А он был глуп. Ей было достаточно понаблюдать за тем, как он исполнял обязанности помощника тактика “Воительницы”, чтобы понять это.

Она мысленно вздохнула и поджала губы, предупреждая сама себя еще раз об опасности неуважения к кому-то старшему. Даже если она не позволяет и намеку на это прорваться наружу, это все равно влияет на то, как она реагирует на его приказы и бесконечные нотации о подобающем исполнении обязанностей офицера. В конце концов это только все ухудшит. Но она ничего не могла поделать. Любимыми ее предметами в Академии были тактика и судовождение и она знала, что у нее есть талант в обеих этих дисциплинах. А у Сантино не было. Он был лишен воображения и ленился раскинуть мозгами — в лучшем случае исполнял обязанности от сих до сих. Его неудовлетворительное исполнение своих обязанностей было прикрыто сверху абсолютной компетентностью его босса — лейтенант-командера Хираке — и подпиралось снизу не меньшей компетентностью главстаршины Дель Конте. Ей только раз или два удалось увидеть его действия в симуляторе, и тогда у нее пальцы зудели от желания отодвинуть его в сторонку и самой занять консоль тактика.

Возможно это одна из причин, по которым он так достает ее, иногда думала она. Она изо всех сил старалась не показать своего неуважения, но у него был доступ к ее делу из Академии. Это означало, что он совершенно точно знал насколько высоки были ее успехи на факультете тактики и, если только он не был еще глупее чем она полагала (что было возможно, но маловероятно; в конце концов он все-таки мог самостоятельно надеть ботинки), он должен

был понимать, что она абсолютно уверена, что могла бы его работу делать как минимум в два раза лучше, чем он.

“И это только потому, что я слишком скромна, чтобы считать, что могла бы справиться *еще* лучше”, — язвительно подумала она.

Она снова вздохнула, на этот раз открыто, прижалась лицом к меху Нимица и призналась, но только себе самой, в истинной причине ее отвращения в отношении Элвиса Сантино. Он неотвратимо напоминал ей мистера гардемарина Павла Юнга, самодовольного, дефективного, безмозглого кретина голубых кровей, который сделал все от него зависящее, чтобы уничтожить ее и ее карьеру на Острове Саганами.

Губы ее сжались, а Нимиц издал ворчащий звук и потянулся погладить ее по щеке длинными пальцами его передней лапы. Она закрыла глаза, снова борясь с воспоминаниями о той ужасной ночи в душевой, затем сделала глубокий вдох, расслабилась и снова опустила Нимица на колени.

— С тобой все в порядке, Хонор? — тихо спросила Одри, голос ее терялся на фоне напряженного обсуждения Нассиосом и Басантой заслуг нового футбольного тренера Академии.

— А? О, да. — Она улыбнулась рыжеволосой соседке. — Просто задумалась кое о чем другом.

— Тоска по дому, да? — Одри улыбнулась в ответ. — И на меня находит время от времени, знаешь ли. Конечно, — улыбка превратилась в усмешку, — у меня нет древесного кота, который бы составил мне компанию, когда это случается!

Ее заразная улыбка лишила последнюю фразу любого налета горечи и Одри зашарила в боковом кармане в поисках растрепанного, достаточно завядшего стебля сельдерея. Все гардемарини, жившие в Салажьем Уголке вместе с Хонор, принялись запасаться сельдереем практически с того момента, как обнаружили неодолимую тягу к нему Нимица. Теперь Одри нежно улыбалась коту, ухватившему стебель и принявшемуся его поглощать.

— Ну спасибо тебе, Одри! — прорычала Хонор. — Ты только что совершенно испортила ему аппетит перед обедом!

— Конечно, — ответила Одри, — так бы оно и было, если бы где-то внутри него не было портативной черной дыры.

— Как знает каждый образованный человек, это называется желудком, а не черной дырой, — твердо заявила Хонор.

— Конечно. Просто он *работает* как черная дыра, — встрял Басанта.

— Я тоже видела тебя за праздничным столом, парень, — сказала ему Одри, — и на твоём месте бы не стала кидать в меня камни!

— У меня просто растущий организм, — парировал Басанта, искусно изображая невинность и Хонор присоединилась ко взрыву смеха.

“Если уж я вынуждена терпеть Сантино, то, хотя бы, у меня есть хорошая компания товарищей по несчастью”, — подумала она.

* * *

КЕВ “Воительница” неуклонно двигалась в гиперпространстве. Двойная система Грегора и расположенный там терминал Мантикорской Туннельной Сети неделю как остались позади; до Силезской Конфедерации оставался еще почти месяц пути и экипаж тяжелого крейсера начал срабатываться. Это не прошло безболезненно. Как и следовало из послеобеденной беседы капитана Бахфиша с командером Лэйсоном, большинство экипажа были на корабле новичками, потому что крейсер только что прошел через капитальный ремонт и Бюро по кадрам за время длительной стоянки в доке безжалостно растащило его прежний экипаж. Конечно, это всегда случалось при переоснащении, но из-за расширения Флота дела оказались еще хуже. Каждый, и офицер и рядовой, знал, что процесс расширения еще только набирает обороты... и что ситуация

будет только ухудшаться если король Роджер и его министры продолжат реализацию своего очевидного намерения построить флот способный противостоять хевам. Перед Правительством и Адмиралтейством с неизбежностью стояла задача балансировать между затратами на новое оборудование — особенно на инфраструктуру верфей — и на обеспечение рабочей силы и экипажей которые, должны были использовать это оборудование. И они были полны решимости заставить работать каждый пенни каждого доллара который они сумели выцыганить у Парламента. Что означало, здесь и сейчас, что в экипаже “Воительницы” был высокий процент новых рекрутов и более высокий процент недавно произведенных старшин, которые должны были за ними присматривать, чем хотелось бы ее офицерам. Кроме того общая проблема Флота с персоналом оставила несколько дыр среди потребных ей главных старшин. Почти треть ее экипажа в первый раз попали в длительный рейс, и, конечно, между членами экипажа то и дело возникали трения в отсутствии ядра главстаршин, которые должны были бы принимать меры, как только эти трения выходили на поверхность.

Хонор, как и все, была в курсе потаенной напряженности. Ей и ее товарищам-гардемаринам вряд ли бы удалось остаться не в курсе при любых обстоятельствах, а у нее еще была и помощь Нимица. Ей достаточно было читать по его поведению реакцию на “шероховатости” экипажа.

Конечно, корабль вряд ли можно было назвать “стоящим на грани мятежа”, но не сглаженные острые углы и выбивающиеся из распорядка процедуры создавали общее впечатление неустроенности. Временами она спрашивала себя, не это ли витающее в воздухе чувство неналаженности отчасти ответственно за раздражительность Сантино. Но даже задавая этот вопрос, она подозревала, что это соображение — чушь, не более чем попытка изобрести оправдание тому, что ответственный за обучение офицер погонял и травил гардемаринов попавших под его опеку. Тем не менее, ей приходилось

признать, что неустроенность влияла на нее. Ни в одном из относительно коротких тренировочных полетов в Академии не наблюдалось ничего похожего. Конечно, ни один из кораблей на которых они проходили не был только вышедшим из ремонта и команды состоящей в основном из замен на них тоже не бывало. Было ли это ощущение все еще не завершенных связей нормой или исключением? Она всегда понимала, что Академия — это закрытый мирок, в котором углы были скруглены, острые грани притуплены, а распорядка придерживались строго, как бы инструкторы не наседали на гардемарин. Без сомнения, подобная же организация “идеальной комнаты для занятий” распространялась и на корабли приписанные к Острову Саганами, в то время как “Воительница” представляла собой реалии Флота. Взгляд под таким углом практически возбуждал ее, как вызов заслужить совершеннолетие доказав, что можешь справиться с несовершенными реалиями вселенной взрослых.

“Конечно, одного только Элвиса Сантино более чем достаточно, чтобы любую вселенную сделать несовершенной”, — сказала она сама себе продвигаясь по проходу. Их воспитатель сегодня был даже в худшем настроении, чем обычно, и все гардемаринки понимали, что угодить ему будет невозможно. Не то, чтобы у них был какой-то другой выход, кроме как попытаться. Вот почему Хонор оказалась на пути в во второй ракетный погреб с заданием пересчитать лазерные боеголовки, чтобы подтвердить правильность компьютерных данных. Это было чистой воды искусственным заданием, приказом, нацеленным на то, чтобы найти ей занятие и дать Сантино возможность еще раз продемонстрировать замашки мелкого тирана. Но она и не возражала, только бы убраться от него подальше!

Она обогнула угол и повернула налево, на Первый Осевой, большой центральный проход расположенный как раз вдоль продольной оси крейсера. “Воительница” была достаточно стара, чтобы система ее лифтов оставляла желать много лучшего по современным стандартам. Хонор могла бы почти весь путь от мостика до погреба проделать в одном из лифтов, но из-за их

круглых маршрутов такое путешествие заняло бы больше времени. Кроме того ей нравился Первый Осевой. В нем внутренняя гравитация “Воительницы” была снижена до $0,2 g$ и она перешла на длинные, полуплывущие скачки которые позволяла такая сила тяжести.

Более современные боевые корабли отказались от такого прохода в пользу лучше спланированной и расположенной лифтовой системы, а большинство торговцев его сохранило. Хотя такой проход был удобен во многих отношениях, но по мнению Бюро кораблестроения он представлял собой слабое место боевого корабля, который должен переносить боевые повреждения от вражеского огня. В отличие от меньших по размеру лифтовых шахт, проходы вроде Первого Осевого представляли собой немалую проблему когда дело доходило до проектирования взрывоустойчивых люков и аварийных шлюзов, а большая пустота в центре корабля как минимум представляла некое ослабление общей структурной прочности. По крайней мере так рассудили в Бюро кораблестроения. Хонор не была уверена, что согласна с этим, но ни один из флаг-офицеров или конструкторов кораблей не изъявил желания спросить ее мнение по данному вопросу, поэтому она просто решила наслаждаться представившейся возможностью, пока она есть.

Нимиц вцепился в ее плечо, запищав от собственного удовольствия, когда они оба заскользили по проходу с безупречной грацией. Это было почти также забавно, как полеты Хонор на дельтаплане дома, на Сфинксе. Его пушистый хвост развивался за ними. Они были далеко не единственными, кто воспользовался Первым Осевым, и Хонор сознавала, что технически она нарушает ограничение скорости, действовавшее здесь за исключением чрезвычайных обстоятельств, но ей было наплевать. Она не считала, что ее на этом поймают, а если и поймают, то она всегда сможет оправдаться тем, что Сантино приказал ей “двигай побыстрее, салага!”

Она почти была на месте, когда это случилось. Хонор не заметила причины столкновения, но последствия были очевидными. Рабочая группа из машинного отделения из трех человек, буксировавшая антигравитационный поддон с ящиками с компонентами электроники, столкнулась лоб в лоб с ракетным техником который управлял погрузчиком нагруженным пятью модулями основных двигателей ракет двигаясь им навстречу. То, что никто серьезно не пострадал, было почти чудом, но образовалось немалое число ссадин, а эмоции участников явно пострадали сильнее шкуры.

— ...?и убери эту чертову бесполезную грудку траханного мусора с моей гребаной дороги! — рычал ракетный техник.

— Мать твою и твоей лошади! — старшая из рядовых рабочей группы не оставалась в долгу. — Никто не говорил тебе, что к носу надо двигаться по правому борту, а к корме по левому? Или ты для этого слишком глуп? Ты вместе с этим куском дерьма выперся не на свою полосу! Это чертово чудо, что ты не угробил никого из нас!

Она, для усиления аргументации, яростно пнула связку двигателей. К сожалению при этом она не учла низкую гравитацию и результат вместо устрашающего вышел комичным. Рядовая отправилась в полет к центру прохода, где приземлилась на палубу прямо на зад, а двигатели даже не пошевелились. Все это ее раздражения не уняло. Зато еще сильнее разъярило ракетного техника. Тот отстегнул ремни и поднялся с сидения погрузчика с явно убийственными намерениями. Один из рядовых из машинного двинулся ему наперехват. В общем дела явно катились под горку, когда Хонор дотянулась до поручня на переборке и затормозила.

— Отставить!

Ее сопрано было ненамного громче обычного, но хлестнуло как кнутом. Головы ссорящихся повернулись в удивлении. И удивление это только возросло, когда они увидели гардемарина с растрепанными волосами от которой этот приказ исходил.

— Я не знаю кто тут кому что сделал, — резко сказала она им пока те пялились на нее в изумлении, — и мне это безразлично. Что мне не безразлично, так это разобрать весь этот беспорядок и отправить вас туда, куда вы и должны направляться. — Она уперла в них взгляд на какое-то время, а затем ткнула пальцем в старшую из рядовых машинного отделения. — Вы, — сказала она женщине. — Подберите рассыпанные ящики, загрузите их обратно на поддон, но на этот раз закрепите надежно! Вы и вы, — она ткнула пальцем в оставшихся двух членов рабочей группы, — помогите ей. А вы, — она повернулась к ракетному технику только начавшему было ухмыляться потрясенному выражению лиц его оппонентов, — вернитесь к управлению погрузчиком, затяните крепления антигравов на этих ракетных двигателях пока они окончательно не выпали, и на этот раз оставайтесь на правой полосе для движения тяжелых грузов до самого конца пути, куда бы вы не направлялись!

— Э... есть, мэм!

Ракетный техник узнал командный голос, даже исходящий от гардемарина выглядевшего как чья-то малолетняя сестренка, и понял, что лучше не раздражать его обладательницу. Он даже вытянулся смирно прежде чем вернуться к связке двигателей и приняться подтягивать крепления антигравов. Рабочая группа из машинного, придя к тому же выводу, рассыпалась собирая свои ящики и очень аккуратно составляя их на поддон. Хонор выжидающе стояла, мягко притоптывая ногой по палубе, Нимиц с интересом наблюдал за происходящим с ее плеча, а суetyающиеся рядовые — самый младший из которых был как минимум на шесть лет старше нее — представляли собой превосходную имитацию малых детей, находящихся под надзором раздраженной гувернантки.

Переход от хаоса к порядку занял примечательно короткое время, и все четверо рядовых повернулись тщательно лишенными всяческого выражения лицами к Хонор.

— Уже лучше, — сказала та более одобрительно. — А теперь, полагаю, вам следует вернуться к тому, чем вы должны были заниматься, только на этот раз немного аккуратнее.

— Так точно, мэм, — ответил хор, и она кивнула. Они двинулись дальше — намного спокойнее чем раньше, как она подозревала — а она продолжила свое прерванное путешествие.

“Вышло неплохо”, — сказала она сама себе продолжая движение по Первому Осевому и не подозревая о присутствии улыбающегося главстаршины, который появился позади нее как раз вовремя, чтобы стать свидетелем всего эпизода.

* * *

— Итак, Пулеголовый, — довольно сказал главный корабельный старшина Фланаган, — что ты теперь думаешь об этой беспомощной куче маменькиных деток с поверхности?

— Кто, я? — главный старшина Шелтон подался вперед в своем кресле, где он сидел положив ноги на стол главстаршинской кают-компании, и улыбнулся покручивая в руках стакан с пивом. Не многим дозволялось в глаза называть его этим прозвищем, но с Флاناганом они были знакомы более двадцати стандартных лет. Возможно еще более важным был тот факт, что Фланаган был боцманом “Воительницы”, самым старшим из неофицерской части ее экипажа.

— Да, ты, — сказал Фланаган. — Ты за свою жизнь видел когда-нибудь настолько же беспомощную толпу? Клянусь, на мой взгляд парочка из них не сразу сообразит какой из люков шлюза надо открывать первым!

— О, не все они настолько плохи, — ответил Шелтон. — Есть кое-какие проблемы — черт, будем честны, есть *уйма* проблем — но они понемногу разрешаются. К нашему прибытию в Силезию они будут готовы. А некоторые из них не так уж и плохи прямо сейчас.

— Полагаешь? — Брови Фланагана слегка приподнялись от интонаций Шелтона, и главстаршина кивнул. — И кто именно, если не секрет, удостоился этой конкретной похвалы?

— Юная Харрингтон, если хочешь знать. — произнес Шелтон. — Я встретил ее в Первом Осевом сегодня утром, когда она снимала стружку с пары рабочих групп, умудрившихся врезаться друг в друга. Ящики с электроникой разбросанные повсюду на палубе, антигравитационный поддон опрокинувшийся набок, погрузчик уткнувшийся в переборку и полдюжины ракетных двигателей готовых выскользнуть из креплений, не говоря уже о паре рядовых готовых начать выбивать пыль друг из друга доказывая кто именно виноват. И она: стоит там и умирляет толпу. Построила эти жалкие задницы за рекордное время.

Фланаган обнаружил, что ему трудно скрыть удивление от одобрения, явственно звучавшим в голосе Шелтона.

— Не думал, что у нее может хватить децибел для усмирения толпы, — заметил он внимательно следя за выражением лица своего друга. — С ее-то нежным голосом она, полагаю, выглядела довольно глупо, когда кричала на кучу грубых космонавтов.

— Не-а, — с улыбкой сказал Шелтон. — В этом-то и была вся прелесть — она не кричала, даже ни разу не повысила голос. Ей это не было нужно. Она пока только салага, но эта юная леди может подпалить краску на бронированной переборке одной только интонацией. Не видел ничего подобного за многие годы.

— Если так, то этот дерьмоголовый Сантино мог бы кое-чему поучиться у своих салаг, — едко заметил Фланаган и настала очередь Шелтона удивляться. За все те годы, что они были знакомы, он мог бы по пальцам одной руки пересчитать случаи когда его друг употреблял подобные выражения в отношении офицеров. Ну, может быть, пришлось бы прихватить пару пальцев второй руки. Не то, чтобы главстаршина не был согласен с боцманом.

— На самом деле, полагаю он бы мог научиться чертовски многому у Харрингтон, — ответил Шелтон через мгновение. — В

этом отношении он, скорее всего, мог бы многому научиться у всех их. Если только ему удастся продержатъ рот закрытым достаточно долго, чтобы их услышать.

— И насколько *это* вероятно? — фыркнул Фланаган.

— Не очень, — заключил Шелтон. — Этот человек наслаждается звуком своего голоса.

— Я бы не был этим так недоволен, если бы он не был таким убудком, — сказал Фланаган, по-прежнему с таким оттенком горького осуждения, что Шелтон глянул на него через стол чувствуя первые признаки настоящей тревоги.

— Ты не хочешь мне ничего рассказать по этому поводу, Ян?

— Скорее всего ничего такого, чего бы ты сам не знал, — угрюмо произнес Фланаган. — Просто то, что он — полная задница. Черт, да ты должен лучше меня знать как он втаптывает в грязь салаг, а со своими людьми в тактической секции он обращается не намного лучше. Даже он знает, что не стоит злить старшин, но вчера он обрушился как перегрузка в пять же на своего сигнальщика за ошибку, которая целиком и полностью была его собственной. Знаешь, мне не нужен офицер, который выверяется на собственных подчиненных, когда *сам* же и облажался. Этот человек — самая бесполезная куча дерьма какую я только видел в офицерской форме, Пулеголовый.

— Не знаю, готов ли я зайти так далеко, — ответил Шелтон рассудительным тоном. — Я, знаешь ли, видал достаточно хреновых офицеров. Некоторые из них могли бы даже посоревноваться с Сантино. С другой стороны, не могу сказать, что хоть кто-то из них был хуже него. — Он помедлил и вопросительно покосился на своего друга. — Знаешь, а ведь это не по Уставу: собраться двум главным старшинам, сесть и позлословить об офицере за пивком.

— Но ты же не видел, чтобы я делал это с кем-то еще, не так ли? — парировал Фланаган и сморщился. — Черт, Пулеголовый, ты же как и я знаешь, что Сантино — худший гребаный офицер на этом

корабле. Ну, будь честен. Ты же взволнован тем, как он обращается с салагами, так?

— Ну да, — признал Шелтон. — Вот я вижу ребенка вроде Харрингтон — да любого из них, правда, но особенно Харрингтон — вижу насколько много он обещает, а вот вижу Сантино, изо всех сил старается выбить все это из них. Я имею в виду, что одно дело быть с ними суровым. И совершенно иное — гонять их двадцать два часа в сутки из чистой подлости, поскольку ты знаешь, что они ничего не могут сделать, чтобы тебе отплатить.

— Можешь это повторить, — сказал Фланаган. — Мало того, что цепочка командования на его стороне, так они еще знают, что он может спустить в унитаз их карьеру в любой удобный ему момент, если они не будут целовать его в зад достаточно часто.

— Может быть. Но должен тебе сказать, Ян, что я не знаю, сколько еще сможет все это выносить Харрингтон. — отрезвляюще покачал головой Шелтон. — У меня были сомнения, когда она появилась с этим древесным котом. В первый раз я встретил кого-то из них на борту корабля. Я полагал, что это создаст проблемы как минимум в Салажьем Уголке, и что Харрингтон в первую очередь будет испытывать самодовольство от того, что он у нее есть. Я ошибся в обоих случаях. В девочке скрыто многое. Она однажды пойдет далеко... если только Сантино не нажмет на нее слишком сильно. В ней есть темперамент, как бы она не пыталась его скрыть, и Сантино стоит у нее костью поперек горла. Однажды она сорвется, и тогда...

Двое старшин уставились друг на друга через стол и ни один из них больше не испытывал желания улыбнуться.

* * *

— Скажите мне, миз Харрингтон, — произнес Элвис Сантино, — возможно ли такое, что благодаря какому-то бурному полету воображения вы и правда расцениваете это как завершенную работу?

Лейтенант стоял в каземате Гразера-Три, второго энергетического орудия левого борта “Воительницы”. Они с Хонор были в скафандрах, как того требовал Устав, поскольку от пустоты каземат отделял не полноценный шлюз, а только одиночный люк. Когда корабль готовится к бою, каземат открывается прямо в космос, сборка излучателя разворачивается к борту, а силовые ползуны выдвигают орудие целиком наружу до тех пор, пока головка излучателя не высунется за пределы корпуса, где сможет безопасно задействовать гравитационные линзы. В глубине души Хонор всегда забавляло то, что современные энергетические орудия “выкатывают” как какие-то заряжавшиеся с дула пушки времен парусных флотов на Старой Земле. Однако прямо сейчас все что она чувствовала было глухо бурлившее негодование в отношении ее воспитателя.

Сантино стоял в своей излюбленной позе, уперев руки в бока и широко расставив ноги. “Все, что ему требуется для завершения образа звезды головидения — это яркое солнце, чтобы прищурится” — насмешливо подумала Хонор и еще раз задала себе вопрос, как он может не понимать какое воздействие эта поза оказывает на подчиненных ему мужчин и женщин. И в настоящий момент этот вопрос не был чисто риторическим, поскольку шестеро из этих мужчин и женщин — включая главстаршину Шелтона — молчаливыми свидетелями стояли позади нее.

— Да, сэр, — она заставила свой голос звучать ровно, а он оскалился.

— Тогда я могу только сказать, что ваше суждение сомнительно, миз Харрингтон, — сказал ей он. — Даже прямо отсюда я вижу, что на первом ползуне все еще открыта сервисная панель!

— Да, сэр, — согласилась Хонор. — Когда мы открыли ее...

— Не припомню, чтобы предлагал вам оправдываться, миз Харрингтон! — отрезал он. — Открыта сервисная панель или нет?

Хонор сжала зубы и порадовалась, что Нимица нет поблизости. У кота не было скафандра. Именно поэтому он, к счастью, не имел допуска в этот отсек и поэтому не мог вздыбить шерсть и зарычать в ответ на такое поведение Сантино.

— Да, сэр, открыта, — вновь сказала она через мгновение, совершенно так же как если бы уже не давала этого ответа.

— И вы, возможно, в курсе, что действующие приказы и методики требуют, чтобы по завершении проверки и планового обслуживания все сервисные панели закрывались? — продолжал давить он.

— Да, сэр.

Голос Хонор был четче обычного, а уголок ее рта начал подергиваться тиком. Когда Сантино увидел это, в его глазах, кажется, что-то промелькнуло и он подался в ее сторону.

— Так какого черта ты тут стоишь и называешь это “компетентно” исполненной работой? — жестко потребовал он ответа.

— Потому, сэр, что первый ползун серьезно неисправен, — ответила она. — должно быть, в основном приводе за время прошедшее с последнего планового обслуживания образовалось короткое замыкание. Внутри корпуса видны следы искрения, а первый и пятый этапы диагностики выдают красные сигналы. Согласно действующих приказов я немедленно поставила в известность командера ЛаВаше, а она велела мне разомкнуть главный рубильник, повесить на привод красную бирку и оставить сервисную панель открытой до того, как она пришлет нам команду ремонтников, чтобы заняться им. И все это, сэр, есть в моем рапорте.

Ее темные глаза непоколебимо встретились с его, но в тот же самый момент мысленно она давала себе пинка за этот срыв, поскольку видела внезапную вспышку гнева в его взгляде. Она удержала голос ровным и спокойным, но общий тон ее ответа — особенно последней фразы насчет рапорта — был изрядно за гранью.

Никто не сможет этого доказать, но и она, и Сантино оба знали что сделала она это чтобы отплатить ему. Он в гневе побагровел.

— Полагаю, что тебе известно какое наказание положено за нарушение субординации, — проскрежетал он. Она ничего не сказала и он побагровел еще сильнее.

— Салага, я задал тебе вопрос! — рявкнул он.

— Прошу прощения, сэр, я не поняла, что это был вопрос. Он прозвучал утверждением.

Она сама с трудом верила в это, даже слыша как ее собственный голос все это произносит и чувствовала удивление главного старшины Шелтона и его группы наблюдавшей все это позади нее. Что с ней? Во имя всего святого, зачем она так заводит его?

— Но им не был! — отрезал Сантино. — Так что отвечай!

— Да, сэр, — сказала она. — Мне известно наказание за нарушение субординации.

— Это здорово, салага, потому что ты только что его себе повесила на шею! А теперь убирайся прочь с глаз моих. Отправляйся в свой кубрик и оставайся там до дальнейших распоряжений.

— Есть, сэр. — Она встала смиренно, резко отдала честь, повернулась на каблуках и промаршировала наружу высоко держа голову пока человек, в чьей власти было уничтожить ее карьеру еще до ее начала, смотрел ей вслед.

* * *

Когда прозвучал сигнал, командер Лэйсон оторвался от дисплея и нажал кнопку допуска. В открывшийся проем шагнул лейтенант Сантино.

— Вы хотели меня видеть, сэр? — спросил лейтенант.

Лэйсон кивнул, но не произнес ни слова, а только смотрел на помощника тактика прохладным, задумчивым взглядом. Лицо командера было лишено всякого выражения, но Сантино чуть

дрогнул под этим бесстрастным взором. Он еще не заерзал, но дело явно шло к этому, а молчание все продолжалось. В конце концов, по прошествии не меньше трех полных минут, Сантино не выдержал и прочистил горло.

— Э... разрешите спросить, почему вы хотели видеть меня, сэр?

— Разрешаю.

Лэйсон откинулся в кресле и сложил руки на животе. Он посидел так несколько секунд, не отрывая взгляда от лица Сантино, еще сильнее напрягая лейтенанта, а затем начал ровным тоном.

— Насколько я понял, сегодня у вас возникли... проблемы с гардемаринном Харрингтон, лейтенант, — сказал он наконец ледяным тоном. — Полагаю, вы расскажете мне, в чем дело.

Сантино моргнул, затем покраснел. Он еще не доложил о грубом неповиновении Харрингтон, но девчонка уже явно наябедничала об этом старпому. Ничего другого от нее нельзя было ожидать. Он знал, с чем придется иметь дело, еще до того, как эта испорченная смутьянка вошла на борт, и был благодарен за предупреждение, даже если помощнику тактика было не совсем положено обсуждать до рейса салаг, которые окажутся на его попечении. Она со своим мерзким зверем и особым отношением, которое оба получили, явно соответствовали предупреждениям. Он, конечно, заметил высокомерие в ее глазах, и то, что она не очень скрывала уверенность в собственном превосходстве. Это и другое он хотел из нее выбить, в слабой надежде что остатков хватит, чтобы слепить из нее достойного офицера. И хотя сегодняшний эпизод нанес смертельный удар по этой надежде, он испытывал смутное удивление, что даже у нее хватило духу пойти плакаться старпому после того, как он запретил ей покидать свой кубрик, что, как она прекрасно знала, также исключало общение по комму. Что же, он просто добавит это в доклад о ее пригодности.

Осознав, что старпом все еще ждет, он снова моргнул и встряхнулся.

— Конечно, сэр, — сказал он. — Ей поручили инспекцию планового обслуживания Гразера-Три. Когда я пришел проверить ее работу, она приказала инспекционной команде закругляться и приготовилась к докладу. Я, однако, заметил, что панель сервисного доступа на одном из ползунуов все еще открыта в нарушение стандартного порядка действий. Когда я указал ей на это, ее реакция была дерзкой, а речь неподобающей, поэтому я отправил ее в ее кубрик.

— Понятно, — Лэйсон едва заметно нахмурился. — А как же именно она дерзила и нарушала дисциплину?

— Дело в том, сэр, — немного осторожно ответил Сантино, — что я спросил ее, считает ли она, что завершила работу, и она ответила, что да. Тогда я указал на открытую панель и спросил, знакома ли она со стандартными процедурами и требованием, чтобы такие панели были закрыты, когда они не используются во время инспекции или ремонта. Ее тон и манеры были вызывающими, когда она ответила, что знает надлежащую процедуру. Только когда я потребовал обстоятельных объяснений, она сообщила мне, что обнаружила неисправность в ползуне и доложила об этом в Инженерный. Разумеется, я никак не мог знать об этом до ее объяснения, но ее манеры снова были крайне наглыми, а ее тон и выбор слов, по-моему, намеренно выражали презрение к старшему офицеру. При таких обстоятельствах, я не нашел другого выхода, кроме как освободить ее от обязанностей в ожидании дисциплинарного наказания.

— Понятно, — снова сказал Лэйсон, а потом позволил креслу принять вертикальное положение. — К сожалению, лейтенант, я уже выслушал другую версию разговора, которая не совсем соответствует вашей.

— Сэр? — Сантино вытянулся и расправил плечи. — Сэр, если Харрингтон пыталась...

— Я не говорил, что услышал это от гардемарина Харрингтон, — ледяным тоном объявил Лэйсон, и Сантино со стуком закрыл рот.

— И я также не говорил, что слышал это только от одного человека, — продолжил старпом с ледяной бесстрастностью. — На самом деле, у меня имеется шесть свидетелей, и никто из них — ни один, лейтенант Сантино — не описывает события так, как вы. Не желаете прокомментировать это маленькое несоответствие?

Сантино облизал губы и почувствовал пот под каймой берета, заметив лед в голосе старпома.

— Сэр, я могу сообщить только мои собственные впечатления, — сказал он. — При всем уважении, сэр, у меня было предостаточно возможностей за эти восемь недель понаблюдать за поведением и манерой держаться Харрингтон. Возможно, это дает мне, ее обучающему офицеру, немного лучшее представление о ее характере, чем старшине и рабочей команде, которые были лишены такой перспективы.

— Главный старшина, о котором идет речь, — тихо произнес Лэйсон, — состоит на королевской службе на семь лет дольше, чем вы прожили на свете, лейтенант Сантино. За это время у него было возможностей увидеть больше гардемарин, чем у вас обедов. Я не собираюсь выслушивать никаких предположений о том, что он слишком неопытен, чтобы сформировать разумное и достойное доверия мнение о личности миз Харрингтон. Я понятно говорю?

— Да, сэр!

Теперь Сантино потел уже в открытую, а Лэйсон встал за столом.

— Более того, мистер Сантино, я попросил главстаршину Шелтона поделиться со мной впечатлением, основанном на его многолетнем опыте, несколько дней назад, когда до меня стали доходить тревожные сообщения о наших кандидатах в офицеры. Поэтому он действовал по моему прямому указанию, когда рассказал мне свою версию вашей... дискуссии с миз Харрингтон. Честно говоря, я рад, что он присутствовал, потому что этот эпизод просто подтверждает то, что я уже сам начал подозревать. А именно, мистер

Сантино, что вы явно слишком тупы, чтобы не описать собственные ботинки без письменной инструкции!

На последнем предложении голос старпома хлестнул словно плеткой, и Сантино вздрогнул. Затем его лицо побагровело, и губы сжались.

— Сэр, я возмущен вашими намеками и решительно протестую против ваших слов! Ничто в военном уставе не обязует меня терпеть оскорбления и злоупотребления!

— Но устав *заставляет* миз Харрингтон и ее товарищей гардемаринов терпеть *ваши* оскорбления и злоупотребления? — Голос Лэйсона внезапно стал подобен шелку, за которым прячется лезвие кинжала. — Не это ли вы имеете в виду, мистер Сантино?

— Я, — начал Сантино, но оборвал себя и снова облизнул губы, сообразив, что старпом поймал его в ловушку.

— Сэр, это разные ситуации, — наконец сказал он. — Харрингтон и другие салаги только что из академии. Они еще только учатся тому, что никто не будет носиться с ними и утирать их носы за них. Если я показался — или главный старшина Шелтон подумал, что я кажусь — злоупотребляющим своим положением, то я просто старался подтянуть их и превратить в достойных королевских офицеров!

Он вызывающе смотрел в глаза Лэйсона, и губа старпома скривилась.

— Я почему-то так и думал, что вы это скажете, лейтенант, — заметил он. — И, конечно, никто не может доказать, что вы лжете. Если бы я мог доказать это, вы бы оказались под следствием так быстро, что закружилась бы голова. Поскольку я не могу, я просто объясню вам кое-что. Но только один раз, так что только посмейте не слушать!

Старпом не повысил голоса, но Сантино с усилием сглотнул, когда Лэйсон обошел стол, прислонился к нему бедром, сложил руки на груди и посмотрел прямо в глаза лейтенанту.

— К вашему сведению, мистер Сантино, эти юноши и девушки уже стали королевскими офицерами. Это правда, что они на последнем курсе в академии, и находятся здесь не только для обучения, но и оценки. Но пока они на борту корабля, они такие же члены экипажа и королевские офицеры, как и *вы*. Это значит, что к ним следует относиться с уважением, особенно старшим офицерам. Считается, что рейс гардемарин должен быть стрессовым. Гардемарин должен оказаться под таким давлением, чтобы мы смогли оценить его способность функционировать в стрессовой ситуации и научить *его*, что он может справиться с тяжелыми заданиями. Они *не* должны подвергаться оскорблениям, запугиванию или незаслуженному презрению старшего офицера, который настолько туп, что не знает свои собственные обязанности.

— Сэр, я никогда не оскорблял и не запугивал...

— Лейтенант, вы никогда не прекращали запугивать их! — рявкнул Лэйсон. — Вот, например, термин “салага”, хотя и принят повсеместно в качестве сленгового названия гардемарина в учебном рейсе, но не предназначен быть эпитетом, с которым к ним презрительно обращается офицер-воспитатель! Вы оскорбляли и травили их с самого начала, и я серьезно подозреваю, делали это потому, что вы не только идиот, но и трус. Действительно, кто ожидает, что простой гардемарин выступит против старшего офицера? Особенно, если она знает, что этот старший офицер, может спустить ее карьеру в шлюз плохим докладом о пригодности?

Сжав челюсти, Сантино напряженно стоял, а Лэйсон разглядывал его с ледяным презрением.

— Начиная с этого момента, вы освобождены от должности ответственного за обучение кандидатов в офицеры, лейтенант Сантино. Я доложу об этом капитану и он, конечно, выберет другого офицера на эту должность. Тем временем, вы подготовите все записи о гардемаринах, бывших под вашим руководством, для немедленной передачи этому офицеру. Далее, по отношению к гардемарину Харрингтон, любому другому гардемарину на борту, главстаршине

Шелтону и любому члену рабочей команды миз Харрингтон вы не будете делать ничего, что капитан или я могли бы расценить как месть. Если вы пойдете на это, то, уверяю вас, пожалеете. Все ясно?

Сантино судорожно кивнул, и Лэйсон одарил его ледяной улыбкой.

— Боюсь, я не расслышал вас, мистер Сантино. Я спросил, понятно ли вам.

— Да, сэр. — Ответ вышел полузадушенным, и Лэйсон опять улыбнулся.

— Отлично, лейтенант, — тихо ответил он. — Свободны.

* * *

Хонор так и не узнала, что именно командер Лэйсон высказал Сантино в тот день, но злобная ненависть, пялившаяся на нее из глаз Сантино поведала ей, что это было не очень приятно. Они с гардемаринами постарались — в основном успешно — сдержать свою радость, когда командер Лэйсон объявил, что лейтенант Сондерс заменит его, но было невозможно обмануть всех в таком замкнутом мире, как одинокий космический корабль.

Условия в Салажьем уголке улучшились сразу и резко. Жизнерадостный Сондерс был строгим, профессионально настроенным офицером, но издевательски насмешливые манеры Сантино были абсолютно чужды астрогатору. Только идиот — а среди гардемарин “Воительницы” их не было — не стал бы относиться к нему серьезно, но Сондерс явно не испытывал искушения доводить подопечных просто потому, что мог, и одного этого вполне хватило, чтобы он им полюбился.

К сожалению, полностью избегать Сантино было невозможно даже после того, как Сондерс заменил его. Тактика была одним из тех предметов, где их обучение было наиболее интенсивным, поэтому помощник главы этой службы традиционно становился воспитателем

кандидатов в офицеры. То, что Сантино отстранили от этой должности — и явно заслуженно — серьезно подпортит его послужной список. Это также частично объясняло столь явно сжигающую его ненависть. Но из-за этого изменение обязанностей оказалось неудобным для всех. Хотя Сантино освободили от должности их наставника, но, что бы старпом с капитаном ни высказали ему лично, его не освободили ни от каких других обязанностей. Хонор быстро заметила, что лейтенант-коммандер Хираке взяла на себя в процентном соотношении гораздо больше обучающих задач, чем раньше, но доложить Хираке, не оказавшись поблизости от Сантино, было просто невозможно. По меньшей мере в половине случаев Сантино еще оставался офицером-тактиком, наблюдавшим за их тренировочными симуляциями, и никому из гардемарин это не доставляло удовольствия. Впрочем, и Сантино тоже. Из осторожности он ограничивался формальностями, но пламя в его глазах служило достаточным доказательством того, как это нелегко ему дается. В каком-то смысле было даже сложно почти не симпатизировать ему. Учитывая обстоятельства его отставки, контакт с ними просто в качестве еще одного помощника главы службы гарантировано тыкал его носом в собственный позор. Однако хотя Хонор и понимала то, что он должен чувствовать, уж она-то ни в малейшей степени не испытывала искушения пожалеть его. Кроме того, Элвис Сантино оставался Элвисом Сантино: ему даже не приходило в голову винить в том, что случилось с ним, кого-то еще, кроме Хонор Харрингтон, и несмотря на все, что ему сообщил старпом, он от природы не был способен прятать ненависть к ней. Так как его чувства ни изменились бы ни на йоту чтобы она ни делала, Хонор отказывалась надрывать, пытаясь найти сочувствие к тому, кто полностью заслужил свой позор.

Теперь, когда его убрали, в каком-то смысле стало едва ли не хуже. Не только он был вынужден сдерживать свою ярость в тех случаях, когда служба сводила их вместе, но и от Хонор требовалось вести себя так, как будто ничего не случилось. Хонор знала, что

Лэйсон не мог сделать почти ничего, чтобы уменьшить их контакты при отсутствии еще большей официальной провокации, чем та, что предоставил Сантино. Не освобождая его полностью от обязанностей, не существовало никакого способа убрать его с горизонта — во всяком случае, не завершая публичное унижение лейтенанта, полностью подтверждая причину, по которой он в первую очередь был освобожден от обязанности офицера-воспитателя. А иногда Хонор задавалась вопросом: а не была ли у Лэйсона еще одна причина оставить Сантино? Это, конечно, был один из способов определить, как она и ее товарищи гардемарины будут реагировать в обстановке социальной напряженности.

Однако в остальном она чувствовала, что расцветает и растет, получив наконец свободу погрузиться в обучающий опыт, которым и должен быть рейс гардемарин. То, что “Воительница” прибыла в пространство Силезии вскоре после избавления от Сантино, стало еще одним поводом для ее счастья, хотя она допускала, что кому-то было бы трудно это понять. Ведь Силезская Конфедерация представляла собой гремучий клубок противоборствующих фракций, революционных правительств и коррумпированных системных губернаторов, чье центральное правительство сохраняло слабую претензию на правление только при молчаливом согласии и благодаря тому, что многочисленным непокорным группировкам удавалось эффективно объединиться против правительства не лучше, чем против друг друга. Случайного наблюдателя — особенно случайного гражданского наблюдателя — можно было понять, если бы он нашел такую обстановку весьма нежелательной. Но Хонор смотрела на это с другой точки зрения, потому что именно непрекращающиеся беспорядки привели сюда ее корабль, и она с нетерпением ждала возможности испытать себя в реальном мире.

В некоем извращенном смысле как раз нестабильностью Силезии объяснялись огромные возможности, которые Конфедерация предоставляла мантикорским торговцам. Для удовлетворения нужд большинства граждан Конфедерации не имелось ни одного

надежного местного поставщика, что открывало широчайшие возможности для внешних поставщиков. К сожалению, эта же самая нестабильность порождала все мыслимые виды убежищ и спонсоров для каперов и пиратов, для которых коммерческие суда Звездного королевства являлись соблазнительными целями. За много лет королевский флот Мантикоры сделал драконовские правила в отношении пиратов (исполнение которых стало задачей “Воительницы”) бескомпромиссно ясными. Демонстрация этих правил привела не к одной потере среди джентльменов удачи, но захват даже одного купеческого судна в семь-восемь миллионов тонн мог принести пиратской команде миллионы и миллионы долларов, а алчность — мощная мотивация. Особенно когда даже наиглупейший пират знал, что флот Звездного королевства никак не сможет полностью охватить торговые пути и что никто еще — кроме, возможно, андерманцев — даже и не попытается предпринять что-либо подобное.

Из этой подоплеки было ясно, почему Силезская конфедерация десятилетиями являлась тренировочной зоной для КФМ. Это было лучшее место, чтобы выковать экипаж и командиров кораблей, получить тактический опыт в небольших сражениях и ознакомить флотский персонал с реальностью лабиринта теневой политики, в то же самое время занимаясь чем-то самим по себе полезным — защитой коммерции Звездного королевства.

Тем не менее, кампании по борьбе с пиратством хронически не доставало боевых кораблей. В какой-то мере так было всегда, но постоянное наращивание боевого флота еще больше ухудшило ситуацию в последние годы. Растущий упор на крупные суда и форты для туннельной сети, и особенно укомплектование их экипажем уменьшило количество легких единиц, доступных для таких областей операций, как Силезия.

Следствию из всего этого суждено было затронуть КЕВ “Воительницу” и лично миз гардемарин Харрингтон. Ибо если задействовано было меньше единиц, то тем, кто все-таки достигал

Силезии, нужно было готовиться к тому, что придется изрядно попотеть.

* * *

Хонор вошла в офицерскую кают-компанию с Нимицем на плече. Согласно бортовым часам “Воительницы”, ее дежурство закончилось поздно вечером, и она устала, но спать еще не хотелось. Тяжелый крейсер закончил альфа-переход в нормальный космос в системе Мелкор сектора Сагинау незадолго до конца вахты Хонор, и у нее была выигрышная позиция, с которой можно было наблюдать за процессом: на этот месяц ее определили в астрогацию. С ее точки зрения, тут имелись свои преимущества и недостатки. Бывали и увлекательные минуты, как те, что она провела, подстраховывая лейтенанта-командера Добреску во время подхода к альфа-стене. Добреску, астрогатор “Воительницы”, был начальником лейтенанта Сондерса, и асом в своем деле, поэтому ему вряд ли понадобилась бы помощь Хонор в маневре, который он выполнял сотни раз, но все равно сидеть в кресле помощника рядом с ним и наблюдать за тем, как гипержурнал отсчитывает приближение точки перехода... даже не столько восхищало, сколько доставляло *удовлетворение*. Она все равно предпочитала тактику астрогации — во всяком случае, в отсутствие Сантино — но все-таки есть что-то особое в том, чтобы быть тем, кто направляет корабль среди звезд.

Если бы только ей хотя бы чуть-чуть это удавалось...

На самом деле она понимала, что сама по себе ее астрогация почти в полном порядке. *Теорию* она знала в совершенстве, и пока ее оставляли в одиночестве в обществе компьютеров, она была уверена в своей способности проложить курс в галактике. К сожалению, она гардемарин. А значит, проходила подготовку, что для флота — включая Добреску и лейтенанта Сондерса (каким бы он ни был удовлетворительным инструктором в других отношениях) — значило

“была учеником”, а ученикам полагалось продемонстрировать способность выполнять простые вычисления лишь с ручным компьютером и стилусом. Что для Хонор превращалось в настоящую нестерпимую муку. Как бы хорошо она ни знала теорию астрогации и многомерную математику, с ее реальными математическими навыками дело обстояло совсем по-другому. Математика ей никогда не давалась, что только раздражало ее еще больше, потому что согласно индексу ее умственных способностей она должна была преуспевать. Если ее оставляли в покое и не стояли над душой, ожидая от нее правильного ответа, она обычно выдавала правильный результат в конце концов. Более того, если у нее не было времени подумать об этом и вспомнить, что она нуль в математике, правильный ответ выходил достаточно быстро. Но во время обучения салаг такой роскоши у нее не было, и она обливалась кровавым потом каждый раз, когда Добреску поручал ей задачу. Что, с ее точки зрения, было не только глубоко несправедливо, но и глупо.

Ведь ни Добреску, ни любой другой астрогатор не выполнял вычисления вручную. Сама идея просто смехотворна! Для этого в первую очередь существуют компьютеры, а если на корабле произойдет такой массовый отказ компьютеров, чтобы отключить Астрогацию, то вычисление своего местоположения будет наименьшей проблемой. Хотелось бы ей посмотреть, как кто-нибудь будет управляться с гипергенератором, компенсатором инерции или гравитационным сжатием в термоядерном реакторе без помощи компьютера! Но власть имущих не особенно интересовала точка зрения какого-то там гардемарина Харрингтон, и поэтому она продиралась через старомодный, трудоемкий, раздражающий, *глупый* метод пера и пергамента как маленькая послушная салага, кем она и была.

По крайней мере у лейтенант-командера Добреску имелось чувство юмора.

И по крайней мере они благополучно вернулись в нормальное пространство, всего лишь с тремя старыми добрыми измерениями.

Вот бы еще Мелкор был более интересной звездой для визита, учитывая, как тяжело Хонор с ее ручным компьютером трудились над тем, чтобы превозмочь недостатки корабельных компьютеров и привести сюда “Воительницу” в целостности и сохранности. К сожалению, это было не так. Правда, звезда могла похвастаться тремя очень большими газовыми гигантами, между чьими орбитами расположились целых четыре пояса астероидов, но из всех семи планет только одна представляла хоть какой-то интерес для людей. Это была Арианна, единственная обитаемая планета системы, которая вращалась вокруг Мелкора на расстоянии девяти световых минут, одиннадцать световых минут внутри гиперграницы звезды. Арианна была сухим, гористым миром, с узкими, мелкими морями, совсем небольшими ледниками и местной флорой, засухоустойчивой и низкорастущей. Планету заселили более двухсот стандартных лет назад, но колония едва сводила концы с концами, пока пятьдесят лет назад андерманский горнодобывающий консорциум не решил воспользоваться возможностями добычи полезных ископаемых, предоставляемыми всеми этими астероидами. Внешние инвестиции и последующее открытие необычного изобилия редких металлов привели к неожиданному экономическому буму для звездной системы и привлекли больше иммигрантов и быстрее, чем системное правительство Мелкора когда-либо могло ожидать. К несчастью для андерманцев, губернатор сектора усмотрел в буме прежде всего возможность набить собственные карманы. В Силезии это не было редкостью, и как бы не рассердились финансовые спонсоры андерманского консорциума, они не могли по-настоящему удивиться, когда губернатор начал вмешиваться в их инвестиции. Взятничество и откаты были образом жизни в Конфедерации, и люди вроде губернатора сектора Сагинау знали, как добывать их, когда их не предлагали сразу же. Через десять лет, он и его семья владели больше чем 30 процентами всего консорциума, и первоначальные андерманские спонсоры начали продавать свои акции другим силезцам. Еще через десять лет все горнодобывающее

предприятие находилась в руках силезцев и, как и многое другое в силезских руках, управлялось очень, очень плохо.

Но на этот раз большинство акционеров желало хотя бы попытаться восстановить свои состояния, и картель Диллингэм из Звездного королевства был приглашен, со всеми возможными поощрениями, снова постараться привести дела в порядок. Что в основном и объясняло присутствие “Воительницы” в Мелкоре.

Диллингэм завез мантикорских экспертов в добывающей промышленности и начал систематическое обновление добывающего оборудования, которое разрушилось под силезским управлением. Хонор подозревала, что картель был вынужден платить высокие премии за риск всем мантикорцам, кто согласился переехать сюда, и знала из общей информации, которой капитан Бахфиш поделился с экипажем “Воительницы”, что Диллингэм счел нужным установить поистине впечатляющие защитные системы для охраны своих добывающих комплексов и самой Арианны. Они не были бы очень эффективны против регулярных вооруженных сил, но заставили бы серьезно призадуматься любой пиратский сброд. К сожалению, центральное правительство Конфедерации отказывалось разрешить присутствие частных военных судов на своей территории, поэтому Диллингэму приходилось ограничиться орбитальными системами. По мнению Хонор, запрет на частные боевые корабли был одним из (многих) глупых законов Конфедерации. Нет сомнений, что это попытка хотя бы слегка проредить поток вооруженных судов, которые с удручающей регулярностью каким-то образом оказывались в руках пиратов, но толку от этого закона было особенно мало. В данном случае он лишь связывал руки кому-то, кто мог бы обеспечить всю звездную систему определенным уровнем безопасности, что было печальной редкостью в Силезии. Неподвижные защитные системы картеля создали зоны внутри системы Мелкора, куда ни один пират бы не сунулся, но им никак не удалось бы защитить торговые корабли на входе или выходе из системы.

Разумеется, это вряд ли заботило Конфедерацию. В эти дни почти все прибывающие и отбывающие корабли в системе Мелкора были мантикорскими — кроме горстки андерманских, которые все еще останавливались там — а если иностранцы боятся обжечься, пусть убираются из кухни. Или, как в случае “Воительницы”, призовут свои собственные правительства позаботиться о своих интересах. Конечно, Конфедерации едва ли нравилось признаваться, что она нуждается в иностранном флоте, чтобы патрулировать свою территорию, но она уже давно выучила, что Мантикора пошлет военные суда для защиты своей торговли, чего бы там ни хотелось силезцам, так что с них не убудет взять на себя еще и Мелкор. А если Звездное королевство потеряет несколько торговых кораблей с экипажами, что ж, так этим нахальным иностранцам и надо.

Хонор не была настолько наивной, чтобы удивляться такой ситуации. Это не значит, что она ей нравилась, но, как и все кто стремился к командованию королевским кораблем, она признавала защиту торговли — сердца, крови и мышц экономического могущества Звездного королевства — одной из важнейших задач флота. Она не жалела о том, что находится здесь для защиты жизни и собственности мантикорцев, что бы она ни думала от так называемом местном правительстве, благодаря которому ее присутствие стало необходимостью.

Несмотря на все это, крайне маловероятно, что “Воительнице” попадет что-то интересное. Как частенько предупреждал капитан Курвуазье, жизнь на боевом корабле на десять процентов состояла из тяжелого труда, восемьдесят девять процентов скуки и одного процента настоящего, ошеломляющего ужаса. В таком месте, как Силезия, процентное соотношение может слегка измениться, но шансы в пользу скуки оставались превосходящими. Хонор знала и это, но она все еще немного волновалась и не была готова идти спать, поэтому и заглянула в кают-компанию. Кроме того, ее мучил голод. Опять.

Войдя, она оглядела помещение с налетом беспокойства, но потом расслабилась. Гардемарин в кают-компании — это почти как младший член эксклюзивного клуба во время испытательного срока, только нечто еще меньшее. У гардемаринов есть право находиться здесь, но по традиции они должны быть тише воды, ниже травы, пока кто-то из старших членов клуба не позволит им открыть рот. Более того, им не помешает приготовиться к тому, что придется бегать по поручениям старших, потому что вряд ли кто-то из этих старших пожертвовал бы и минутой своего с таким трудом заработанного отдыха на то, чтобы встать и пройти в другой конец каюты, когда вместо этого они могут послать более молодые ноги. Собственно говоря, обычай отправлять гардемаринов по всяким поручениям был еще одной давней флотской традицией, частью испытательного срока, неотъемлемой частью приобщения гардемаринов к племенной мудрости, и Хонор не очень возражала против этого. Во всяком случае, по большей части.

На этот раз ей повезло. Сантино, конечно, был не на дежурстве, иначе ноги бы ее здесь не было, но также отсутствовала и лейтенант-коммандер ЛаВаше, которая, хотя и будучи вполне приятной особой во всем остальном, обнаруживала явный талант в нахождении занятий для гардемаринов — и бесстыдно этим наслаждалась. Лейтенант Сондерс на секунду оторвался от чтения и приветственно кивнул, в то время как коммандер Лэйсон и лейтенант Джефферс, офицер снабжения, сосредоточились на шахматной доске, а лейтенанты Ливанос и Тергесен, соответственно первый и второй инженеры ЛаВаше, были заняты какой-то карточной игрой с энсином Бауманн. Помимо беглого приветствия Сондерса, никто, кажется, не замечал ее, и она пересекла отсек по прямой линии к столку с поджидающими ночными рационами. Еда в кают-компании была значительно хуже той, что подавали в офицерской столовой во время обычных приемов пищи, но заслуживала на несколько больше звездочек, чем внеслужебные рационы, доступные обитателям

Салажьего уголка. И, что на взгляд Хонор, возможно, еще важнее — ее здесь было больше!

Нимиц встрепенулся на ее плече, когда она заметила палочки из сельдерея с сырной начинкой и передала одну ему, затем вытянула маслину из миски со слегка помятой горкой салата и сунула ее уже себе в рот, чтобы облегчить голод, пока она будет сооружать нормальный сэндвич. Майонез, ломтики холодного мяса, горчица, швейцарский сыр, нарезанный лук, еще один слой мяса, соленые огурцы, новый слой швейцарского сыра, немного салата из миски, кольцо помидора и готово. Она добавила удовлетворительную, но насыпанную без особой жадности, горку картофельных чипсов, чтобы составить компанию сэндвичу, налила себе большой стакан холодного молока и схватила пару кексиков вдобавок к молоку, затем подобрала еще несколько палочек сельдерея для Нимица и нашла место за одним из свободных столов в кают-компании.

— Бог ты мой, как вам удалось собрать эту штуковину без антиграва?

Она повернула голову и улыбнулась в ответ на вопрос командера Лэйсона. Старпом глядел на ее сэндвич еще секунду, затем ошеломленно потряс головой, а лейтенант Джефферс тихо засмеялся.

— Я начинаю понимать, почему нам все время не хватает продовольствия, — заметил он. — Я всегда знал, что у гардемаринов бездонные желудки, но...

Настал его черед качать головой, а Лэйсон громко захохотал.

— А вот я не могу понять, — сказала лейтенант Тергесен лишь чуточку жалобно, отрываясь от карт при звуке смеха старпома, — как можно так объедаться и при этом не набирать и килограмма. — Темноволосому инженеру было тридцать с небольшим, и хотя она точно не страдала ожирением, но явно была слегка полновата. — Я была бы шириной с грузовой корабль, если бы проглотила хоть половину этих калорий!

— Ну, я много тренируюсь, мэм, — ответила Хонор, что было вполне правдиво, даже если немного уклончиво. Такого предубеждения против джины, как раньше, больше не существовало, но те, кто, как Хонор, произошли от генетически модифицированных предков все еще опасались открываться тем, кого не знали хорошо.

— И еще как тренируется, — сухо вставила энсин Бауманн. — Я видела вчера их спарринг с сержантом Таусигом. — Энсин оглядела присутствующих и сморщила нос. — Она работала в полном контакте... с Таусигом.

— С Таусигом?! — Лэйсон повернулся в кресле, чтобы лучше видеть Хонор. — Скажите мне, миз Харрингтон, а насколько хорошо вы знакомы с лейтенантом медицинской службы Кимом?

— Лейтенантом Кимом? — Хонор нахмурился. — Я отметилась у него по прибытии на корабль, конечно, сэр. И он присутствовал один раз вечером, когда капитан пригласил меня на ужин, но я не очень хорошо знаю доктора. А что? Мне нужно, сэр?

На этот раз смех был всеобщим, а Хонор покраснела в недоумении, когда Нимиц помяукал, тоже забавляясь, со спинки ее кресла. Веселье старших не содержало ни капли насмешливого презрения или снисхождения, какого можно было ожидать от кого-то вроде Сантино, но она абсолютно искренне не могла понять его причину. Лейтенант Сондерс заметил ее недоумение, и улыбнулся ей.

— Судя по вашей реакции, вы не знали, что милый сержант занял третье место в прошлогоднем чемпионате флота по рукопашному бою, миз Харрингтон, — сообщил он.

— Что он... — Хонор замолчала, вытаращившись на лейтенанта, затем закрыла рот и покачала головой. — Нет, сэр, я не знала. — Он ни разу... в смысле, эта тема ни разу не возникла. Третье место в чемпионате *Флота*? Правда?

— Правда, — ответил за лейтенанта Лэйсон, и тон его был сухим. — А все знают, что теория обучения сержанта Таусига обычно состоит в том, чтобы дубасить своих учеников, пока они либо не очнутся в лазарете, либо не достигнут такого уровня, чтобы самим

отдубасить его. Так что если вы с доктором Кимом не стали близкими знакомыми, то это значит, что вы и так должны быть весьма хороши.

— Ну, я стараюсь, сэр. И я была в демонстрационной команде *coup de vitesse* в академии, но... — она снова замолчала. — Но мне еще очень далеко до сержанта. Мне удалось нанести несколько ударов только потому, что он это позволил.

— Позвольте не согласиться, — сказал Лэйсон еще суше, чем когда-либо. — Миз Харрингтон, у меня у самого черный пояс, а сержант Таусиг не стеснялся пинками гонять мою офицерскую задницу по всему спортзалу. И никогда не “позволял” мне попадать. Я думаю, это против его религии, и я очень сомневаюсь, что он сделал бы исключение в вашем случае. Так что если вам “удается нанести несколько ударов”, вы добиваетесь большего, чем девяносто пять процентов всех, кто стоял с ним на одном мате.

Хонор моргнула, все еще держа сэндвич наготове. Она знала, что Таусиг — один из лучших, с кем она когда-либо занималась, и знала, что он на сотни световых лет впереди нее, но у нее никогда бы не хватило духу попросить его тренироваться с ней, если бы знала, что он занимает такое высокое место во флотском чемпионате. Он, должно быть, подумал, что она выжила из ума! Но почему он согласился позволить ей? А если так, почему был так терпелив с ней? Чтобы не думал командер Лэйсон, Хонор не могла поверить, что...

Высокий, пронзительный, атональный звук оборвал ее мысль, как лезвие из звука, и ее сэндвич свалился, разваливаясь, на тарелку, когда рефлекс вырвал ее из кресла. Она схватила Нимица и выскочила из кают-компания с котом на руках еще до того, как тарелка соскользнула со стола и начинка развалившегося сэндвича упала на палубу.

Когда Хонор появилась на мостике, лейтенант Сондерс оторвался от дисплея и взглянул через плечо сперва на нее, а затем на установленный на переборке хронометр. Это был очень короткий взгляд, а когда она пересекла мостик и подошла к нему, он встретил ее кивком и улыбкой. Устав давал ей дополнительные пять минут ко времени отведенному на прибытие на боевой пост, чтобы она могла успеть устроить Нимица в его герметичном модуле нее в кубрике. Однако она управилась со всем всего за тринадцать минут. Помогло то, что Салажий Уголок располагался относительно недалеко от мостика, но гораздо сильнее то, что она на Острове Саганями посвятила столько дополнительных часов тренировкам со скафандрами, зная что в случае тревоги ей придется найти время на подготовку не только себя, но и Нимица.

“Но даже такая практика не делает столь быстрое подключение сантехнической арматуры скафандра менее дискомфортным”, — едко подумала она, аккуратно опускаясь в кресло помощника астрогатора. В настоящий момент Сондерс занимал пост астрогатора, поскольку командер Добреску, вместе с командером Лэйсоном, был на резервном мостике. Точнее там была полноценная команда. В последнее время на тяжелых крейсерах резервный мостик стал редкостью, поскольку современные теории рассматривали устройство подобного поста на столь легком корабле пустой тратой массы, которую можно было бы отвести под оружие или оборонительные системы. На современных кораблях подобного класса вместо того на другом конце корпуса был предусмотрен дополнительный пост управления огнем в котором могли бы разместиться старпом и группа персонала секции тактики. Но, раз уж “Воительница” была достаточно стара, чтобы иметь резервный мостик, капитан Бахфиш подобрал полноценную команду в помощь командеру Лэйсону на случай неблагоприятного для основного мостика развития событий.

Хонор была рада находится на мостике, но, поскольку в настоящее время она проходила тренировки по курсу астрогации, ей достался пост помощника астрогатора, а Басанта Лакхия занимал

аналогичный пост при командере Добреску на резервном мостике. Объектом же зависти для Хонор в настоящий момент была Одри Брадло, сидевшая подле лейтенант-командера Хираке на тактическом посту. Хонор бы отдала левую руку — ну ладно, как минимум пару пальцев на ней, — чтобы оказаться на месте Одри, но ей все равно повезло больше, чем Нассиосу. Капитан Бахфиш пожертвовал командеру Лэйсону более опытного астрогатора, но старшего тактика приберег себе, что оставило Лэйсону Элвиса Сантино... и Нассиос оказался его помощником.

“Да, уж, — заключила Хонор, — бывают обязанности и похуже тренировок в астрогации”.

Она отмела эти мысли в сторону приводя в готовность свою консоль. Когда на ней появилась и стабилизировалась астрокарта ее возбуждение испарилось, а желудок сжался. На ней отсутствовали многие подробности отображавшиеся на тактических дисплеях Хираке и капитана Бахфиша, но имевшейся информации ей было достаточно, чтобы понять, что это не учения. Появление “Воительницы” прервало ход жуткой драмы. Иконка торговца на ее карте несла транспондерный код мантикорского судна, но менее чем в четырех сотнях километров от него был еще один корабль, несший злобно-красную метку неизвестного, потенциально враждебного объекта. На неидентифицированном судне клин был активен, на торговце — нет, и алфавитно-цифровой код транспондера торговца был окаймлен пульсирующим зазубренным малиновым кольцом.

— Уверенная идентификация торговца, шкипер, — четко доложила лейтенант-командер Хираке. — Он есть в нашем реестре: мантикорское торговое судно “Гордость Грифона”. Корабль картеля Диллингэма, все точно. Пять с половиной миллионов тонн, чистый грузовоз, без помещений для пассажиров. Он передает Код Семнадцать.

Невидимый холодный ветерок пронесся по мостику, когда доклад тактика подтвердил то, что они все уже и так видели. Код

Семнадцать был аварийным сигналом, означавшим: “Меня берут на бордаж пираты”.

— Дальность до цели? — Тенор капитана Бахфиша больше не гнусавил. Он был отрывистым, холодным и четким. Хонор бросила взгляд через плечо. Капитан сидел в своем кресле, выпрямившись, но расслабив плечи, скрестив ноги, и пристально смотрел на тактический дисплей висевший перед креслом. Взгляд темных глаз на его худом лице более не был хмурым. Они были горящими, свирепыми глазами хищника. Хонор повернулась к собственному дисплею с легкой дрожью.

— Девять тридцать один миллионов километров, — ответила Хираке и если голос капитана был отрывист, то ее звучал уныло. — И угол тоже неудачен, — продолжила она все также разочарованно. — Бандит уже драпает и нам никак не выжать достаточного относительного вектора, чтобы перехватить его.

— Астрогатор, подтверждаете?

— Так точно, сэр, — сказал Сондерс не менее недовольно. — Наш вектор скорости направлен от торговца и составляет почти одиннадцать тысяч километров в секунду, капитан. Только торможение до нуля относительно них займет сорок пять минут. А согласно моих данных бандит выдает не менее пяти сотен g .

— Пятьсот тридцать, — подтвердила Хираке.

— Даже наша полная мощность на двадцать g меньше, сэр, — продолжил Сондерс. — На номинальном максимуме у них превосходство над нами более чем в один и два километра в секунду за секунду. А они ускоряются строго обратно нашему текущему курсу.

— Вижу. — сказал Бахфиш. Хонор вполне понимала разочарование, прозвучавшее в его голосе. Чтобы достичь такого ускорения пиратский корабль должен был быть меньше “Воительницы”, а значит и легче вооруженным, но в данных условиях все это не значило ничего. Их взаимные позиции и векторы скоростей предоставили пирату возможность бежать, а его большее ускорение

означало, что тяжелый крейсер никак не сможет выйти даже на максимальную дистанцию стрельбы ракетами.

— Очень хорошо, — через мгновение сказал капитан. — Астрогатор, проложите курс на перехват торговца. Связь, продолжайте их вызывать.

— Есть, сэр. — тихое подтверждение Сондерса громом прозвучало в наполненной горечью тишине мостика.

* * *

Пока “Воительница” сближалась с торговцем, ответа на постоянные запросы лейтенанта Сочука так и не поступило, и напряженное молчание на мостике тяжелого крейсера становилось все более мрачным и горестным с каждой минутой. На то, чтобы затормозить до нуля относительно торгового судна и, затем, начать его нагонять потребовалось больше двух часов. “Гордость Грифона” продолжала дрейф с постоянной скоростью, в тишине и безразличии. Крейсер выходящий на randevу выглядел мелкой рыбешкой рядом с китом-торговцем, превосходившим его массой раз в тридцать. Но, в отличие от кита, рыбешка была вооружена. Взвод морской пехоты в ее шлюпочном отсеке забирался в скафандры и проверял оружие, пока рулевой капитана Бахфиша выводил их корабль на позицию с филигранной точностью.

Хонор больше не несла вахту на мостике. Когда Бахфиш вызвал по внутренней связи майора МакКинли, командира роты морской пехоты размещенной на “Воительнице”, и приказал ей подготовить абордажную команду, его взгляд миновал Хонор с безразличной бесстрастностью. Но затем этот самый взгляд вернулся к помощнику астрогатора.

— Я также пошлю с вами пару флотских офицеров, — уведомил он МакКинли все еще глядя на Хонор.

— Есть, сэр, — донесся ответ морпеха и Бахфиш отпустил тангенту.

— Коммандер Хираке, — сказал он, — будьте добры спустится в шлюпочный отсек и присоединится к абордажной команде. И возьмите с собой миз Харрингтон.

— Есть, сэр, — подтвердила тактик и встала. — Примите пост, миз Брадло.

— Есть, мэм, — в свою очередь подтвердила Одри и бросила короткий завистливый взгляд на соседку по кубрику.

— Пойдемте, миз Харрингтон, — сказала Хираке, а Хонор немедленно вскочила.

— Разрешите идти, сэр? — обратилась она к Сондерсу и лейтенант кивнул.

— Вы свободны, миз Харрингтон, — столь же формально произнес он.

— Спасибо, сэр, — Хонор повернулась, чтобы следовать за Хираке, но капитан Бахфиш поднял руку, останавливая их.

— На этот раз не забудьте ваше личное оружие, — подчеркнуто обратился он к Хираке и та кивнула. — Славно, — сказал он. — В таком случае приступайте, — и взмахом руки отпустил их.

* * *

В лифте Хираке не произнесла ни слова. Несмотря на возраст “Воительницы” и необычное расположение ее лифтовых шахт, путь от мостика до шлюпочного отсека был относительно коротким, но и этого было более чем достаточно, чтобы Хонор окатили волны нетерпеливого ожидания и страха. Она понятия не имела почему капитан выбрал именно ее, но инструктора и сержанты в Академии рассказывали достаточно жутких историй, чтобы она понимала, что их ожидает. Но охота на пиратов — и расчистка оставленного ими

разгрома — были частью той работы на которую она подписалась, и даже поднимающаяся тошнота не могла приглушить возбуждения.

Второй взвод под командой лейтенанта Блэкберна ^[3] ожидал их в шлюпочном отсеке, но то, что там же были и капитан — МакКинли и старший сержант Куткин несколько удивило Хонор. Она полагала, что МакКинли пошлет кого-то из подчиненных ей офицеров, но они с Куткином явно собирались поучаствовать лично, поскольку оба были в скафандрах, а с плеча старшего сержанта свисала импульсная винтовка. У майора МакКинли винтовки не было, но пульсер в кобуре пристегнутой к ее бедру выглядел практически частью тела и рукоять его была изрядно потерта.

Голубые глаза морского пехотинца изучили прибывших с клинической отстраненностью и легкой ноткой неодобрения. Хираке вздохнула.

— Ну ладно, Катинго, — смиренно сказала она. — Шкипер уже снял с меня стружку, так что давай сюда эту чертову пушку.

— Хорошо *хоть кто-то* на борту знает Устав, — заметила МакКинли и кивнула сержанту стоящему рядом с ней. Сперва Хонор не обратила на него внимания, но когда тот шагнул вперед и протянул тактику форменный ремень с пульсером в кобуре, она узнала сержанта Таусига. Лейтенант-командер Хираке приняла ремень слегка настороженно и затянула вокруг талии. Хонор было очевидно, что флотский офицер чувствует себя с оружием некомфортно. Хираке достала пульсер, кратко, но тщательно проверила предохранитель и индикатор магазина и вернула его в кобуру.

— Возьмите, мэ, — сказал Таусиг и Хонор протянула руку за таким же ремнем. Она чувствовала, что и майор и старший сержант наблюдают за ней, но не подала виду, а затянула ремень и подогнала его поудобнее. Затем она слегка отвернулась, достала пульсер — тщательно следя, чтобы не направить его дуло на кого-либо — проверила предохранитель и индикаторы магазина и источника питания, затем достала магазин и опустошила казенник, чтобы быть

уверенной, что оружие разряжено. Она вставила назад магазин и вернула оружие в кобуру. Кобура с клапаном военного образца была громоздкой и неуклюжей по сравнению с полусамодельной гражданской, которую Хонор всегда надевала отправляясь в заросли Сфинкса, но вес пульсера на бедре был знакомым ощущением и когда она вновь подняла взгляд, то увидела в глазах сержанта Таусига огонек одобрения.

— Хорошо, люди, — сказала МакКинли, повышая голос и поворачиваясь ко взводу Блэкберна. — Вы все знаете дело. Помните, все делать по Уставу. Я лично займусь задницами тех, кто облагается.

Она не спросила, поняли ли ее. Незачем, подумала Хонор. Не тогда, когда заявление делается подобным тоном. Конечно, было бы просто здорово, если бы кто-нибудь объяснил в чем состоит “дело”, но вселенной далеко до совершенства. Ей надо просто поглядывать на других и поступать соответственно. И, как минимум судя по предписанию капитана обращенному к Хираке и по реакции МакКинли, она не единственная, кому тут нужна нянька.

* * *

Бот был точь-в-точь один из десятков ботов на борту которых Хонор побывала за время обучения в Академии, но чувствовался он совершенно по-другому. С сорока шестью-то суровыми, вооруженными до зубов морпехами и всем их оружием. Она вместе лейтенант-коммандером Хираке сидела в задней части пассажирского отсека и смотрела через ближайший иллюминатор как бот преодолевал последние несколько сотен километров, разделявших “Воительницу” и “Гордость Грифона”. Громадный грузовоз быстро рос, по мере того, как они приближались к нему сзади. Пилот бота заглушил клин, перешел на реактивные двигатели и направил их по спирали вверх и вокруг гигантского корпуса.

Хонор и Хираке были включены в коммуникационную сеть морской пехоты. Болтовни не было и Хонор чувствовала напряжение, с которым морпехи-ветераны, которым повезло сидеть возле иллюминаторов, всматривались в грузовоз. Затем раздался голос пилота.

— Вижу мусор, майор, — сказал тот ровным голосом профессионала. — На десять часов, сверху. — и, через несколько секунд тишины, — похоже на тела, мэм.

— Вижу, рулевой, — отозвалась МакКинли без выражения.

Хонор сидела не с той стороны бота, чтобы пригнуться к иллюминатору и посмотреть вперед в этом направлении. Какое-то время она чувствовала себя расстроенной этим обстоятельством, но это быстро сменилось благодарностью за то, что ее место не позволило ей сделать именно этого. Она бы почувствовала себя пристыженной и отчасти запачканной, если бы Хираке и морпехи увидели, как она выгибает шею чтобы попялиться на трупы подобно какому-нибудь больному любителю катастроф или бездушному журналисту.

— Приближаемся к главному шлюзу правого борта, мэм, — спустя несколько минут доложил пилот. — Похоже грузовые люки все еще задраены, но передний шлюз открыт. Будем стыковаться?

— Нет, сделаем все по Уставу. — ответила МакКинли. — Удерживайте позицию в двух сотнях метров.

— Есть, мэм.

Пилот вывел бот на стационарную относительно грузовоза позицию так, что расстояние от кончика раскинувшихся крыльев бота до корпуса оказалось практически точно двести метров. Старший сержант Куткин поднялся из кресла всеми своими двумя метрами. Лейтенант Блэкберн отстал от него не более, чем на секунду. Сержант с чувством личного удовлетворения наблюдал, как лейтенант обращается к своему взводу.

— Так, пехота, приступаем. Каррас, идешь первым. Дженсен, присмотришь за нашими спинами. Все остальные по обычной схеме.

Точно как на учениях. — Он помедлил, наблюдая как двое или трое из его подчиненных меняют позиции, и одобрительно кивнул. — Закрывать шлемы и вперед. — завершил он.

Хонор отстегнула свой собственный шлем с нагрудного замка и надела его. Слегка подергала его, чтобы убедиться в надежности соединения, и подняла левую руку чтобы нажать соответствующую кнопку на пульте укрепленном на предплечье. ИЛС^[4] ее шлема немедленно пробудился к жизни и первым делом она автоматически проверила индикаторы герметизации и запаса кислорода. Оба были в норме и она заняла свое место — в соответствии со своим низким статусом — в самом конце очереди выстроившейся к люку в левом борту бота. Пропускать такое количество народа через шлюз экипаж бота не стал. Вместо того, они распахнули люк и выпустили воздух из пассажирского отсека. В течении нескольких секунд, пока улетучивался воздух, Хонор чувствовала тягу, но затем ощущение, что за руки и ноги тянет невидимка, истаяло, и в скафандре воцарилась абсолютная тишина вакуума.

Капрал Каррас — Хонор внезапно узнала морпеха стоявшего на посту у трубы когда она прибыла на корабль — оттолкнулся от бота. Отплыв на четыре-пять метров — на безопасное для остальных расстояние — он задействовал двигатели скафандра. Капрал плавно ускорялся по направлению к грузовозу, управляя двигателями опытной рукой и с грацией гигантской хищной птицы. Остаток его отделения последовал за ним.

При всех их очевидной опытности морпехам потребовалось время, чтобы освободить люк для Хираке и Хонор. Но, наконец-то, настал и их черед. Несмотря на все попытки изобразить такой же холодный профессионализм, как у морпехов Блэкберна, Хонор чувствовала дрожь возбуждения и беспокойства направляясь вслед за Хираке в открытый люк. Лейтенант-командер стартовала с той же грацией, что и морская пехота, но чем-то неуловимо от них отличалась. Она отплыла от бота и Хонор оттолкнулась вслед за тактиком.

На таком расстоянии центральная звезда была жалкой пародией на светило. И даже она была с другой стороны грузовоза. Бот и его бывшие пассажиры плыли укрытые чернильно-черной тенью. Эбеновую черноту пронзали лучи прожекторов бота и меньших по размеру нашлемных фонарей скафандров. Мощные прожектора отбрасывали неподвижные сияющие круги на корпус грузовоза, выхватывая закрытый грузовой люк и находящийся перед ним открытый шлюз для персонала, но их лучи были невидимы, поскольку не было рассеивающего свет воздуха. Меньшие круги плясали по освещенной области и выскакивали в окружающую темноту когда нашлемные фонари морпехов сканировали корпус. Когда двигатели ее скафандра толкнули ее к кораблю, Хонор зажгла и свой фонарь, глаза ее блестели. Она не лелеяла иллюзию, что является чем-то вроде героини голодрамы направляющейся навстречу грандиозным приключениям, но пульс ее был учащен и все на что ее хватало — это не держать руку на рукояти пульсера.

Затем что-то шевельнулось во тьме. Скорее было угадано, чем увидено; неясная тень, замеченная только потому, что она, вращаясь вокруг корабля, промелькнула на фоне круга света отброшенного чьим-то еще фонарем на корпус. Хонор плавно развернулась корпусом направив луч в направлении этой тени и, внезапно, любая склонность рассматривать происходящее как приключение испарилась.

Женщина из экипажа была не более чем несколькими стандартными годами старше Хонор... и стать старше ей было уже не суждено. Скафандра на ней не было. Более того, и стандартный корабельный костюм, который она когда-то носила, был почти сорван с нее и парил как какая-то неуклюжая, складчатая пелена в черноте вместе с ней удерживаясь только на руках. На лице ее застыло выражение чистого ужаса, различимое даже не смотря на застывшую у нее на губах и ноздрях кровавую пену. Кроме того ее ужасная смерть привела к расслаблению сфинктеров. Это была не просто смерть. Это было осквернение, это был кошмар, и, оказавшись с этим лицом к лицу Хонор Харрингтон с трудом сглотнула. Она вспомнила каждый из случаев, когда она или ее друзья по Академии подначивали друг друга в шутку угрожая выкинуть кого-то в космос за некую реальную или вымышленную провинность. Больше это не казалось смешным.

Она не знала как долго она там висела, удерживая свет на трупе, который когда-то был юной женщиной, пока ее кто-то не вышвырнул, как какой-то мусор. Казалось, прошло столетие, но на самом деле не могло пройти больше нескольких секунд, прежде чем она с усилием отвела глаза. Она отклонилась от курса, механически отметила Хонор. Лейтенант-коммандер Хираке была в двадцати или тридцати метрах впереди и справа. Хонор взглянула на ИЛС и ввела команду коррекции курса на панели управления двигателями. Она чувствовала что-то вроде изумления, когда ее пальцы управляли сервомеханизмами перчаток скафандра с каменной уверенностью. Наконец, она плавно начала ускорятся в черноте вдогонку тактику.

Интересно, отметила она в каком-то удаленном уголке сознания почти клинически. Несмотря на ее ужас, она на самом деле была собрана и практически спокойна, или что-то там еще, что удивительно успешно подменяло эти качества.

Но теперь она была очень, очень осторожна в выборе того, что позволять осветить нашлемному фонарю.

* * *

— ...?вот так вот, сэр. — вздохнул командер Лэйсон и позволил планшету с записями упасть на угол стола капитана Бахфиша. — Выживших нет. Никаких следов даже того, что когонибудь из бедняг оставили в живых достаточно долго, чтобы узнать, что может быть в запертых трюмах “Гордости Грифона”. — старпом откинулся в кресле и устало потер глаза. — Они просто поднялись на борт, получили удовольствие и перебили весь экипаж. Одиннадцать мужчин и пять женщин. Везучих убили сразу. Остальных... — его голос затих и он потряс головой.

— Не совсем то, что нам было сказано ожидать, — тихо сказал Бахфиш. Он тоже откинулся в своем кресле и уставился на подволок.

— Нет, но это же Силезия, — указал Лэйсон. — Единственное чего здесь стоит ожидать, это что психи, управляющие дурдомом, окажутся еще более свихнувшимися, чем вы ожидаете. — горько добавил он. — Временами мне хочется, чтобы мы могли махнуть на все рукой и передать все это чертово место анди и точка. И пусть эти больные ублюдки имеют дело со флотом анди, когда тех ничто не сдерживает.

— Ну, Абнер, — мягко сказал Бахфиш. — Не следует бросаться предложениями, которые, как вы знаете, способны вызвать в правительстве эпидемию сердечных приступов. Не говоря уже о реакции картелей на одно только упоминание о том, чтобы отдать кому-то еще контроль над одной из основных их торговых зон! Кроме того, вы и правда хотели бы поощрить кого-то вроде Андерманцев откусить такой здоровый кус?

— Кроме шуток, сэр, это могло бы для нас оказаться не такой уж и плохой вещью. Анди всегда проводили медленную и постепенную экспансию. Откусывали кусочек за кусочком делая паузы на пережевывание. Если они прыгнут в яму со змеями типа Силезии это будет все равно что поймать гексапуму за хвост. Может они ее и удержат, но шесть комплектов когтей сделают это упражнение

нескучным. Может даже оказаться достаточно большой головной болью, чтобы они навсегда оставили экспансию.

— Хотелось бы верить, Абнер. Хотелось бы верить. — Бахфиш поднялся из кресла встревожено зашагал по тесному кабинету. — Я говорил в Адмиралтействе, что нам надо здесь больше кораблей. — сказал капитан и фыркнул. — Не то чтобы им требовалось услышать это от меня! К сожалению, “больше кораблей” это именно то, чего у нас нет, и с учетом хевов, точащих зубы на Звезду Тревога, у Их Лордств и не появятся в обозримом будущем корабли, которые можно будет отправить сюда. И проклятые силезцы это знают.

— Хотел бы я, чтобы вы были не правы, сэр. К сожалению, это не так.

— Знать бы еще, что же хуже, — полупробормотал Бахфиш. — Обычные больные садисты и убийцы, отбросы типа тех животных, которые расправились с “Гордостью Грифона”, или же чертовы “патриоты” и их так называемые каперы!

— Полагаю, я предпочел бы каперов, — отозвался Лэйсон. — Их не так много, и как минимум некоторые из них претендуют на соблюдение некоего набора правил. И у них хотя бы есть хоть какое-то чувство ответственности перед правительством или революционным комитетом или кем бы то ни было, черт побери, кто выписал им каперский патент.

— Знаю я эту логику. — Бахфиш рубанул правой рукой воздух. — И знаю, что иногда удается надавить на их нанимателей, чтобы побудить их к правильному поведению, — или, хотя бы, чтобы они выдали нам тех, кто ведет себя достаточно *плохо*, — но это только в том случае, если мы знаем кто они или откуда взялись. И все что мы получаем из-за их ответственности, мы теряем из-за их ограниченных возможностей.

Лэйсон кивнул. Чтобы быть успешным пиратом, изображать из себя полноценный военный корабль необходимости не было. За исключением очень немногочисленных специализированных конструкций, вроде вооруженных пассажирских лайнеров картеля

Гауптмана, торговцы были большими, медленными, неуклюжими мишенями, беззащитными даже перед самым легким корабельным вооружением. По той же причине ни один здравомыслящий пират — а какими бы социопатами не были многие из них, но пираты как группа в целом проявляли завидное здравомыслие в вопросах выживания, — не собирался вступать в бой с военным кораблем. Даже здесь, в Силезии, команды регулярного флота в основном были лучше подготовлены и лучше мотивированы. Кроме того, пиратский корабль представлял собой капитальное вложение. Он был предназначен для бизнеса по добыванию денег, а не для их траты на латание дыр в корпусе... подразумевая, что ему первым делом вообще удастся сбежать от боевого корабля.

Каперы — другое дело. Ну, как минимум, могли быть другим. Как и в случае пиратов, финансисты, вкладывавшие деньги в капера, ожидали от него прибылей. Но каперы обладали аурой квазиреспектабельности, поскольку межзвездное право продолжало относиться к ним как к законному способу ведения войны, не смотря на оппозицию наций подобных Звездному Королевству Мантикора, владевших обширным торговым флотом и, поэтому, естественных противников любых теорий легализующих частное рейдерство. Что до Бахфиша и Лэйсона, для них разница между каперами и пиратами на практике была (если вообще была) невелика. Но малые государства, не могущие себе позволить построить и поддерживать большой флот, непреклонно сопротивлялись любой попытке поставить каперство вне закона межзвездным договором. О, они посещали конференции, которые Мантикора и другие державы периодически собирали для обсуждения этого вопроса. Но в конце концов сводили все к тому, что с их точки зрения каперы были эффективным способом, даже для слабой стороны, нанести чувствительный удар по коммерческой державе вроде Звездного Королевства и, как минимум, связать значительную часть ее флота оборонительными мероприятиями.

Бахфиш и Лэйсон видели логику в такой аргументации, как бы она не была им поперек горла, но каперство в Силезском варианте очень уж отличалось от красивых теорий в изложении его защитников на межзвездных конференциях. Мятежные правительства и невероятное разнообразие “народных движений” размножались по всей Конфедерации как сорняки на хорошо перегнившей куче компоста. Как минимум половина из них выдавали — точнее продавали — каперские патенты от имени их революций. Как минимум половина этих патентов оказывалась в руках откровенных пиратов, рассматривавших их как пропуск на волю из тюрьмы. Пиратство, согласно межзвездных законов, было тяжким преступлением; каперов же рассматривали как вариант ополчения, как гражданских волонтеров на службе государства выдавшего им патент. В результате их корабль мог быть конфискован, но сами они находились под защитой закона. Худшее, что с ними могло случиться (по крайней мере официально) — это заключение совместно с другими военнопленными, разве что они были достаточно неосторожны, чтобы дать застигнуть себя за убийствами, пытками, насилием и прочими традиционными способами обращения пиратов с экипажем захваченного корабля.

Это уже плохо, но в некоторых отношениях истинные патриоты были даже хуже. Они гораздо реже оказывались замешаны в зверствах, но их корабли обычно были больше и лучше вооружены. И они всерьез рассматривали себя как вспомогательные единицы флота. Это заставляло их идти на риск, который для нормальных пиратов-охотников-за-добычей был никак не приемлем. Вплоть, временами, до атаки на легкие боевые корабли тех, против кого они бунтовали на этой неделе. Это бы не слишком заботило Королевский Флот Мантикоры, если бы не то, что даже лучшие из каперов были все равно любителями и временами страдали несовершенной идентификацией своих целей.

Еще одним моментом было то, что некоторые каперы регулярно воображали, что атака на торговый флот могучей державы, вроде

Мантикоры, каким-то образом может заставить эту самую державу вмешаться в их внутренние свары в попытке навязать внешнее решение с целью защиты своих коммерческих интересов. Звездное Королевство сделало за все эти годы предельно очевидным, что обрушится как гнев Господа на любое революционное движение достаточно глупое, чтобы преднамеренно атаковать мантикорских торговцев. Но постоянно появлялась очередная группа психов, уверенных что уж *они-то* смогут манипулировать Звездным Королевством, хотя все остальные на этом погорели. Флот в конце концов преподавал им тот же урок, что и их бесчисленным предшественникам, но в целом это была проигрышная стратегия. Данная конкретная группа сумасшедших после визита КФМ уже ни на кого не нападет, но до того успевало пострадать достаточно космонавтов мантикорского торгового флота. И каждый раз, через год-другой, находился еще кто-то, кто нарывался на подобный урок.

В настоящий момент Сектор Сагинау (в котором находилась система Мелкор) находился в еще менее спокойном, чем обычно, состоянии. Минимум две входящие в него системы — Звезда Кригера и Призма — были в состоянии открытого мятежа против центрального правительства. Еще полдюжины теневого правительств и освободительных движений бурлили не показываясь на поверхности. РУФ^[5] полагало, что некоторые мятежники сумели установить связь и добиться некоторой координации действий, что застало — в который уже раз — врасплох ту пародию на правительство, которое было у Конфедерации. Хуже того, достопочтенный Янко Вегенер, губернатор сектора Сагинау, был даже более коррумпирован, чем большинство его коллег. Для РУФ было очевидно, что он рассматривает беспорядки в зоне своей ответственности как еще одну возможность набить карманы. Вегенер доблестно сражался чтобы подавить восстания в своем секторе и, в то же самое время, брал деньги как минимум у трех освободительных движений за то что смотрел на их деятельность сквозь пальцы. Существовали убедительные свидетельства того, что он позволял

каперам выставлять захваченные суда на публичные аукционы за процент от прибыли. Согласно непоколебимо правящих Конфедерацией законов кумовства то, что Вегенер был близким родственником министра внутренних дел нынешнего правительства, а через жену — еще и премьера, означало, что ему все подобное будет вечно сходить с рук (ну, как минимум пока игра политических партий Конфедерации “в кресла” не посадит в кресло премьера другого человека) и все шансы были за то, что в отставку он выйдет воистину богатым человеком.

Тем временем КЕВ “Воительница” и ее экипажу оставалось только делать все что в их силах, чтобы удержать крышку на котле, в котором губернатор столь усердно помешивал.

— Если бы мы только могли высвободить дивизион-другой кораблей стены и отправить их с визитом к губернатору Сагинау, может что-то в результате к лучшему и изменилось бы, — заметил Бахфиш через какое-то время. — А так как оно есть, мы просто пытаемся потушить лесной пожар писая в огонь. — Он посмотрел вдаль несколько секунд, затем встряхнулся и улыбнулся. — Что, в конце концов, для Силезии и является нормой, не так ли?

— Боюсь вы правы, сэр, — уныло согласился Лэйсон. — Хотелось бы только начать писать с того, чтобы заполучить на дальности действия ракет ублюдка, прикончившего “Гордость Грифона”.

— Мне тоже, — фыркнул Бахфиш. — Но согласитесь Абнер, нам уже и так повезло больше чем мы имели право рассчитывать, когда нам удалось захватить сам корабль. Если бы они не теряли время на... развлечение с экипажем и, вместо того, увели бы корабль — или даже хотя бы вырубил транспондер, чтобы не дать нам понять что происходит — они бы ушли вчистую. То, что нам достался корпус может и не так много, но все же больше чем ничего.

— Ну да, страховые фирмы будут счастливы, — вздохнул Лэйсон, затем собрался и встряхнул головой. — Простите, сэр. Я знаю, что вы не это имели в виду. И знаю, что страховщики были бы

счастливы не меньше нас, если бы нам удалось спасти и команду. Просто...

— Знаю, — сказал Бахфиш отмахиваясь от извинений. Капитан сделал последний круг по кабинету и снова уселся в кресло за столом. Подобрал планшет Лэйсона и нажал на экран, чтобы пробежаться самому по краткому отчету. — Как минимум МакКинли и ее люди очистили корабль на ходу, — заметил он. — И я вижу, что даже Дженис не забыла на этот раз взять оружие!

— С небольшим напоминанием, — согласился Лэйсон и они улыбнулись друг другу. — Полагаю проблема в том, что она рассматривает все что меньше ракеты или бортового орудия как нечто недостойное офицера-тактика, — добавил старпом.

— Еще хуже, — сказал Бахфиш слегка кивнув. — Она выросла в центре Лэндинга, и не думаю что она и ее семья провели больше пары дней на природе пока она была ребенком. — он пожал плечами. — Она не умела обращаться с оружием до Академии, и с тех пор оно ей так ни разу не пригодилось по настоящему при исполнении своих обязанностей. Для этого есть морская пехота.

— Сержант Таусиг упомянул, что миз Харрингтон в этом отношении выглядела вполне компетентной, — заметил Лэйсон тщательно не делая акцентов.

— Славно, — отозвался Бахфиш. — Конечно, у ее семьи милое маленькое поместье в Медностенных горах. Это вотчина гексапум и, я так понимаю, она выросла с привычкой брать оружие отправляясь в поход. Полагаю, она и правда справилась неплохо. Во всяком случае, не рассталась с обедом пока они подбирали и упаковывали тела.

Лэйсон сумел не дать своим бровям поползти вверх. Он знал что Харрингтон выросла на Сфинксе, естественно, но не знал про Медностенные горы, так откуда тогда узнал капитан? Он секунду посмотрел на Бахфиша, а затем сделал глубокий вдох.

— Простите, сэр. Я понимаю, что это никоим образом не мое дело, но я знаю, что у вас должна была быть причина специально потребовать, чтобы миз Харрингтон была назначена к нам.

Фраза была утверждением и, в то же самое время, вопросом. Бахфиш откинулся в кресле и уставился на старпома.

— Вы правы, причина была. — сказал он после задумчивой паузы. — Вы случайно не знакомы с капитаном Раулем Курвуазье, Абнер?

— Капитаном Курвуазье? — Лэйсон наморщил лоб. — А, конечно! Он глава факультета тактики на Саганами, так?

— В настоящее время, — произнес Бахфиш. — По слухам он получит контр-адмирала в ближайшее время. Перепрыгнет звание коммодора и, вероятно, возглавит Военный Колледж, как только получит звание.

— Я знаю, что у него хорошая репутация, сэр, но неужели он и правда так хорош? — Лэйсон, задавая вопрос, был немало изумлен. Даже при нынешних темпах расширения получить в КФМ повышение сразу на два ранга было... необычно как минимум.

— Еще лучше, — ровно сказал Бахфиш. — На деле, он вероятно лучший тактик и один из трех лучших стратегов, под чьей командой я имел честь служить.

Это больше чем просто удивило Абнера Лэйсона. Особенно поскольку именно такими словами *он сам* бы охарактеризовал капитана Томаса Бахфиша.

— Если бы происхождение Рауля было лучше — или он бы изъявил больше готовности играть в игры жополизов — он был бы коммодором годы назад, — продолжил Бахфиш не подозревая о мыслях старпома. — С другой стороны, полагаю, в Академии он принес больше пользы, чем дюжина коммодоров. Но когда Рауль Курвуазье наедине поведал мне, что одна из его курсантов продемонстрировала, по его мнению, потенциал стать самым выдающимся офицером ее поколения и попросил приютить ее в моем Салажьем Уголке, я и не подумал отказать ему. Кроме того, ей и так нелегко будет делать карьеру.

— Прошу прощения, сэр? — Вопрос вырвался практически автоматически, поскольку Лэйсон все еще переваривал столь

неожиданную оценку возможностей Хонор Харрингтон. Безусловно, он и сам был достаточно приятно впечатлен ею, но *выдающийся* офицер ее поколения?

— Я сказал, что ей нелегко будет делать карьеру, — повторил Бахфиш и фыркнул при виде изумления Лэйсона. — Что? Вы решили, что я был достаточно глуп чтобы запросить Элвиса Сантино на должность офицера-воспитателя? Помилуйте, Абнер!

— Но... — начал было Лэйсон, но остановился и посмотрел на Бахфиша прищурившись. — Я полагал, — очень медленно начал он, — что Сантино представляет собой превосходный образчик способности Бюро по кадрам затыкать круглые отверстия квадратными пробками. Вы говорите, что это не так, сэр?

— Не могу этого доказать, но и ставить против не стану. О, все может быть достаточно невинным. Именно поэтому я не стал ничего говорить вам раньше времени... и именно поэтому я был так рад, когда он дал вам достаточное основание обрушится на него. Сплетни поползут, каковы бы ни были его мотивы, но никто не сможет оспорить, что он был отставлен за дело, прочитав ваш рапорт и доклады Шелтона и Фланагана.

— Но зачем кому бы то ни было оспаривать это решение?

— Вы встречались с Дмитрием Юнгом?

На этот раз, несмотря на все усилия, Лэйсон заморгал от удивления не видя связи.

— Э, нет, сэр. Не думаю, чтобы это имя было мне знакомо.

— Не удивительно, и вы ничего не потеряли, — сухо заметил Бахфиш. — Он служил задолго до вас и вышел в отставку примерно в то время, когда стал командером, чтобы продолжить карьеру в политике унаследовав титул от отца.

— Титул? — осторожно повторил Лэйсон.

— Сейчас он граф Северной Пустоши, и судя по тому, что я о нем слышал он все тот же пустой человечиска. Плохо то, что он оставил потомство и его старший сын, Павел, учился на Саганами на курс старше Харрингтон.

— Почему мне кажется, что мне не понравится то, что я сейчас услышу, сэр?

— Потому что у вас хорошее чутье. Похоже у мистера гардемарина Юнга и миз гардемарин Харрингтон вышла маленькая... ссора однажды вечером в душе.

— В ду... — резко начал было Лэйсон, но тут же остановился. — Бог мой, — продолжил он мгновением позже совершенно другим тоном, — как же она, должно быть, отпинала его задницу!

— Так и было, — сказал Бахфиш, заинтересованно глядя на старпома.

— Чертовски ожидаемый исход, — продолжил Лэйсон со злой усмешкой. — Миз Харрингтон работает в полный контакт с сержантом Таусигом, сэр. И временами пробивает его защиту.

— Да ну? — медленно улыбнулся Бахфиш. — Ну что ж. Полагаю это объясняет кое-что, не так ли? — он отстраненно уставился на подволок, пару секунд улыбался чему-то, что Лэйсон видеть не мог, затем вернулся в настоящее.

— В любом случае, — сказал он более живо, — Харрингтон отправила его в лазарет с достаточно серьезными повреждениями и он так и не смог объяснить, что же он делал в душе наедине с ней такое, что побудило ее выбить из него дерьмо. Но и она, к сожалению, не выдвинула против него обвинения. Нет, — произнес он покачивая головой прежде чем Лэйсон успел задать вопрос, — я не знаю почему она так поступила, и я не знаю почему Хартли не смог переубедить ее. Она не выдвинула обвинений и этот хрен выпустился вместе со своим курсом, попав прямоком в объятия системы покровительства.

— И другим концом этой системы попытался разрушить карьеру Харрингтон. — На этот раз радости в голосе Лэйсона не было и Бахфиш кивнул.

— По крайней мере так полагает Рауль, — подтвердил капитан, — а я доверяю его чутью. Кроме того, в отличие от вас я знал отца Юнга и очень сомневаюсь чтобы он мог стать лучше со временем.

Это одна из причин, заставляющих меня сомневаться каким именно образом нам достался Сантино. Северная Пустошь может быть больше и не служит, но у него чертовски сильная позиция в Палате Лордов, а сам он заседает в Комитете по делам Флота. Так что, если он хочет наказать ее за “унижение” его драгоценного сыночка, то он имеет все возможности для этого.

— Понимаю, сэр. — Лэйсон откинулся усердно размышляя. Происходившее было даже сложнее, чем он сперва подозревал. Краткий момент беспокойства посетил его при мысли о весе и калибре врагов, против которых по-видимому выступал капитан. Но, хорошо зная Бахфиша, он прекрасно его понял. Во многих отношениях Королевских Флотов на Мантикоре было два: один, к которому принадлежали Павел Юнг и Элвис Сантино, превыше всего ставил кто с кем в родстве; и второй, породивший офицеров вроде Томаса Бахфиша и — он надеялся на это — Абнера Лэйсона, в котором единственным основанием получения ранга была готовность поставить долг и ответственность впереди самой жизни. И, так же как Флот покровительства и невидимых струн присматривал за своими, так и Флот преданности и способностей защищал и пестовал *своих*.

— А Харрингтон знает? — спросил он. — Я имею в виду, знает ли, что Юнг и его семья пытаются навредить ей?

— Не знаю. Если она настолько наблюдательна, насколько я думаю, — или хотя бы на четверть так же хороша в анализе межличностных отношений как в тактическом симуляторе, — то можно уверенно ставить на то, что знает. С другой стороны, она же не выдвинула против него обвинений, что оставляет вопросы, не так ли? В любом случае, я не думаю, что гардемаринский рейс посреди Силезии представляет собой наилучшее место и время, чтобы мы принялись ей что-то объяснять. Как полагаете?

— У вас дар преуменьшения, сэр.

— Скромное дарование, но находящее себе применение. — признал Бахфиш. Затем подобрал планшет и протянул его назад Лэйсону. — Но хватит пока о миз Харрингтон, — сказал он. — Прямо

сейчас нам с вами надо решить куда мы направимся. Я тут подумал, что стоило бы на какое-то время застрять здесь, в Мелкоре и использовать систему как приманку для пиратов, поскольку в настоящий момент она как магнит притягивает наши транспорта. Но если мы сделаем это слишком открыто, местные пираты — и, вероятно, Вегенер — только посмеются. Так что я полагаю...

* * *

Коммодор Андерс Дунецкий пересмотрел краткое сообщение и сжал челюсти, чтобы не выругаться.

— Это подтверждено? — спросил он курьера, не поднимая глаз от дисплея.

— Так точно, сэр. ФС^[6] сделал официальное заявление на прошлой неделе. Согласно их коммюнике, они уничтожили “Лидию” несколько недель назад, а командер Пресли задерживается почти на месяц, — невзрачный человек в гражданской одежде грустно хмыкнул. — Согласно ФС, они взяли его у Геры, а именно там он планировал крейсерство “Лидии”. Конечно, у нас нет абсолютной уверенности в том, что это был именно он, но все отрывки информации совпадают слишком хорошо, чтобы предположить что-то ещё.

— Но согласно этому, — Дунецкий дернул подбородком в сторону голографического экрана, где ещё отображался конец сообщения, — его поймал тяжёлый крейсер. — Он остановился, выжидающе смотря на курьера, и его собеседник кивнул. — Что я хочу знать в таком случае, — сказал Дунецкий, — это то, как к дьяволу, ФС смог отправить такой мощный корабль, так чтобы мы не услышали об этом? Джон Пресли никогда бы не повёл себя так беспечно, чтобы его подстерёг тяжёлый крейсер, если бы он с самого начала знал о его присутствии. И он, чёрт побери, должен был бы знать!

Ярость, которую Дунецкий стремился скрыть, вырвалась наружу на последней фразе и курьер замер. Андерс Дунецкий был ужасен в гневе, и курьер вынужден был напомнить себе, что он только принёс новости, но никак не отвечает за их содержание.

— Я не знал командера Пресли так хорошо, как Вы, сэр, — после долгого молчания сказал курьер. — Или так долго. Но я знаком с его послужным списком в Совете и, основываясь на нём, я должен согласиться, что командер, конечно, принял бы все необходимые меры предосторожности, знай он об увеличении угрозы. На самом деле, насколько мы можем судить, как минимум два, а возможно и три тяжёлых крейсера были переведены в Сагинау за последние полтора месяца. Ясно, — он позволил себе хищную улыбку, несмотря на напряженность царившую в каюте Дунецкого, — что потери в секторе стали настолько серьезными, что флот увеличил своё присутствие здесь.

— Что вероятно хорошо. Или, по меньшей мере, сигнализирует, что мы по настоящему начали беспокоить их, — согласился Дунецкий, но его ясные зеленые глаза были ледяными, и улыбка курьера увяла. — В то же самое время, — холодно продолжил коммодор, — если они увеличили свои силы в секторе, это значит, что риск для нас всех возрастает... как для командера Пресли. Что, в свою очередь, делает своевременное получение сведений об их перемещениях ещё более важным, чем раньше. И, по этой причине, я особенно заинтересован выяснить, почему Вегенер не смог своевременно предупредить нас, чтобы “Лидия” знала, что стоит быть более осторожной.

— Он мог не знать сам, — предположил курьер, а Дунецкий яростно фыркнул.

— Бог ты мой! Этот человек *племянник* министра внутренних дел Вегенера! И, в придачу, шурин премьера Столара, не говоря уже о том, что он глава правительства и главнокомандующий сил сектора. — Коммодор скривился. — Ты действительно думаешь, что они

послали бы столько тяжёлых кораблей в его зону ответственности, даже не упомянув об этом?

— Рассматривая ситуацию с такой точки зрения, это кажется маловероятным, — согласился курьер. — Но если он знал об этом, то почему не предупредил нас? Да, мы потеряли “Лидию” и с ней заметную часть наших сил, но в то же время мы потеряли такую же часть нашей способности захватывать корабли. А это ведёт к прямому уменьшению прибылей губернатора Вегенера.

— Если бы речь шла о ком-то, кто стоит ниже, я бы согласился, что он мог не узнать этого заранее, — сказал Дунецкий. — Как вы заметили, потеря “Лидии” сильно уменьшит его доходы, и мы знаем, что его единственная цель — деньги. Но абсолютно точно, что никто во флоте или правительстве конфедератов и не подумал бы о посылке нескольких дивизионов тяжёлых крейсеров в сферу его компетенции без малейшего уведомления. Особенно учитывая его связи в самом кабинете! Единственный возможный вывод, к которому могли бы прийти Столар или дядя Вегенера в таком случае, что кто бы не был ответственен за задержку информации, он не доверял губернатору, и это было бы карьерным самоубийством для любого. Нет, Вегенер знал об этом и решил этого не говорить.

— Но почему? — Курьер говорил как будто сам с собой, но так задумчиво, как будто он произвёл те же рассуждения, что и Дунецкий.

— Потому что он решил, что пришло время покончить с нами, — мрачно заметил Дунецкий. Курьер с удивлением глянул на него, и коммодор усмехнулся. Это был лязгающий звук, абсолютно без нотки юмора, и его оскал сложно было назвать улыбкой.

— Подумайте сами, — предложил он. — Мы только, что согласились, что Вегенер был с нами только из-за денег. Он, несомненно, не разделял наших убеждений и нашего стремления достичь независимости Призмы. Впрочем, он безусловно понимает, что мы рассматриваем Призму только как первый шаг в освобождении всего сектора, и если бы нам удалось добиться этого —

даже если бы мы только достаточно приблизились к этому — никакие связи в кабинете не спасли бы его . Дьявол, они даже могли бы выставить его ответственным на большом, красочном расследовании, в суде, только для того, чтобы показать как чисты и невинны они сами! И, несмотря на всю свою жадность, Вегенер не настолько глуп, чтобы не понимать этого. Это значит, что он всегда знал, что порвёт с нами в какой-то момент и приложит все усилия, чтобы уничтожить Совет и восстановить контроль над системой. Из того, что случилось с “Лидией” и того, что вы выяснили про дополнительные силы, я думаю, что мы действовали достаточно успешно для того, чтобы он решил, что время пришло.

— Если вы правы, это просто ужасно, — пробормотал курьер, сложив руки на коленях и беспокожно уставившись на них. — Потеря информации, которую он предоставлял, плоха сама по себе, но, кроме этого, он знает чертовски много про планы Совета на будущее. Если он будет действовать исходя из этого...

Курьер недоговорил и поднял взгляд на Дунецкого.

— Он знает не так много, как думает, — тон Дунецкого удивил курьера, и его удивление выросло ещё больше, когда коммодор широко улыбнулся. — Разумеется немного. Совет всегда знал, что он повернётся против нас в тот момент, когда решит, что поддерживать нас не в его интересах. Именно поэтому мы использовали его только как источник информации, а не для стратегического или оперативного планирования, и мы всегда были достаточно осторожны и использовали подставные фигуры или анонимную связь, когда имели дело с ним. Да, он знает личности членов Совета из независимого правительства на Призме, но это знают все. Чего он не знает, так это личностей всех остальных. И он знает только про те корабли, которые он “потерял”, а мы нашли. Например, про “Лидию”.

Курьер медленно кивнул. Совет Независимой Призмы существовал десятилетия, и он был в его составе почти с самого начала. Но, в отличие от Дунецкого, никогда не входил во внутренний круг. Он был уверен, что Совет доверял ему, иначе ему

никогда не удалось бы получить нынешнее задание, но, будучи реалистом, знал, что есть и другая причина для всех его поручений — готовность Совета пожертвовать им, как расходным материалом. И поскольку он был таким расходным материалом — и мог попасть в вражеские руки — руководство всегда тщательно ограничивало его информированность. Однако, будучи активным членом движения достаточно долго, он понимал, что СНП стал заметным (даже по достаточно гибким стандартам Силезии) игроком только в последние четыре или пять лет. Чего он не знал, так это того, как именно прошло превращение неэффективной малозаметной группы в организацию, захватившую контроль над половиной звездной системы. Но, несомненно, Андерс Дунецкий и его брат Хенрик сыграли в этом главные роли. И, хотя его преданность главным целям СНП была столь же крепка, как и всегда, но амбиции у него были ничуть не меньше, чем у любого, кто отдал двадцать лет жизни силовому построению нового политического порядка.

Сейчас он смотрел на коммодора Дунецкого с тщательно нейтральным выражением, надеясь, что сейчас узнает больше. Не из простого любопытства (хотя и из него тоже), а потому, что решение поделится с ним информацией, могло значить, что его долгая верная служба наконец-то привела его к более высоким и ответственным постам в движении.

Дунецкий спокойно встретил его взгляд. Он точно знал, о чём думал собеседник, и хотел бы избежать дальнейшего его посвящения. Не то, чтобы он не доверял этому человеку, и не потому, что хотел отнять его надежду выдвинуться с неблагодарной и опасной роли курьера. Это было привычкой. После стольких лет, когда от того, что левая рука не знала, что делает правая, зависело само выживание, он просто не мог доверять человеку больше абсолютно необходимого минимума.

К несчастью, как и Андерс, Хенрик проводил операцию за пределами системы Призмы. Дунецкий мог положиться на своего брата, чтобы убедить Совет в том, что изменение отношения к ним

губернатора Вегенера, означало, что пора переходить к следующей фазе операции. Но в отсутствие Хенрика, Дунецкому требовался кто-то другой, и курьер оставался единственным кандидатом.

— Вегенер знает только про легкие крейсера и фрегаты, — наконец сказал коммодор, — главным образом потому, что он и коммодор Нильсен сами продали их нам. — Заметив расширившиеся глаза курьера, он усмехнулся. — Я подозреваю, что Нильсен считал, что он передаёт их обычным пиратам, но Вегенер с самого начала знал, что имеет дело с СНП. Помимо прочего, он уже получал от нас деньги, что бы не замечать как мы поднимаем организацию в Призме, так что не было никаких причин, чтобы не сделать ещё немного денег, позволив нам купить несколько “устаревших” кораблей, если Нильсен собирался списать их. Конечно, Нильсен доложил начальству, что корабли отправились на слом, но я сомневаюсь, что кто-то поверил в это. Однако, для Нильсена будет как минимум неприятно, если какой-нибудь “разобранный” корабль будет захвачен регулярными подразделениями Конфедерации, хотя, без сомнения, у него есть прекрасные документы, которые доказывают, что он продал их якобы подлинным перерабатывающим организациям, которые успели исчезнуть, несомненно продав корпуса нехорошим мятежникам.

Но можно быть вполне уверенными в том, что не Вегенер, ни Нильсен не знают об эсминцах, и мы знаем, что они не знают о “Аннике”, “Астрид” и “Маргит”. Мы приобрели эсминцы в секторе Тумулт, а “Анника”, “Астрид” и “Маргит” получены... из совершенно другого источника.

Он сделал ещё одну паузу, рассматривая курьера. Вполне вероятно, что его собеседник, уже знал всё, что Дунецкий сейчас изложил ему — кроме, возможно, того факта, что эсминцы недавно созданного Космического Флота Призмы были из Тумулта — но выражение его лица показывало, что курьер начал понимать ранее незамеченные следствия этой информации.

— Дело в том, — продолжил Дунецкий, — что Вегенер и Нильсен вероятно основывают свои оценки наших сил на кораблях, которые они сами продали нам. Они могут допустить наличие ещё одного-двух легких кораблей, но мы очень аккуратно вели беседы с нашим “верным союзником”, чтобы ему было очевидно, что все наши корабли получены от него. Мы даже пропустили два-три лакомых кусочка, на которые указал Вегенер, потому, что у нас якобы не было подходящего корабля для захвата.

— Э, прошу прощения, сэр, — спросил курьер, — но мне известно, что и вы и ваш брат, оба захватывали суда. Не значит ли это, что они знают как минимум об “Аннике” и “Астрид”?

— Нет, — ответил Дунецкий, — Хенрик и я принимали особые меры предосторожности. Никто из нас не продал ни одного судна здесь, в Конфедерации. У нас есть... друзья и связи в Народной Республике Хевен, согласившиеся помочь славным революционерам. — Курьер сузил глаза, а коммодор усмехнулся ещё раз. — Не стоит беспокоиться. Законодатели так же революционно настроены, как кусок никеля, но это позволяет им достаточно безопасно для себя поддержать образ “борцов за народ”, , и приносит деньги, а для наших целей неплохо иметь место, где законные капёры могут продать свои призы и выгрузить их команды без лишних вопросов. Жаль, что хевы не хотят снабдить нас кораблями и оружием.

— То есть, Вегенер, Нильсен и Флот Конфедерации считают, что у нас вполонину меньше сил, чем на самом деле, — медленно произнес курьер.

— Скорее в три раза, поправил Дунецкий. — Корабли, о которых они знают — это конфедератский хлам, такой же как их собственные суда. И конечно, они не знают об систематических улучшениях или... технической помощи, которую мы получили в улучшении головок самонаведения и систем РЭБ, так что даже корабли, которые они ожидают встретить, будут заметно более эффективны, чем они полагают.

— Понятно, — ответил курьер, — но разве это имеет значение в стратегическом смысле? Я имею в виду, что, при всём моем уважении, сэр, даже если мы сможем серьёзно потрепать Нильсена, то за ним стоит весь флот Силезии. Возможно, Вы правы, называя их “хламом”, но у них намного больше кораблей.

— Да, это так. Но есть ещё одна вещь, о которой вам раньше знать было не положено. — Дунецкий, откинулся в кресле и холодно, оценивающе взглянул на курьера. — Вы никогда не задумывались, как мы смогли заполнить почти новые эсминцы и тяжелые крейсера? *Андерманские* эсминцы и тяжелые крейсера?

— Изредка. — признался курьер. — Я всегда полагал, что мы, должно быть, нашли кого-то как Нильсен в самой Империи. В смысле, вы и ваш брат, оба имеете контакты во флоте Анди, и...

— В ИАФ^[7]? Вы думаете, что в ИАФ есть кто-то, кто продаёт первоклассные боевые корабли на черном рынке? — Почти против воли, Дунецкий громко рассмеялся. Ему потребовалось несколько секунд, что взять себя в руки и вытереть слёзы. — Я дослужился до капитана в ИАФ, а Генрик до командера, так что поверьте мне, что Имперский флот совсем не похож на конфедератский. Даже если нашёлся бы кто-то пожелавший украсть корабль, там слишком много проверок и инспекций. Нет, — он потряс головой, — Хенрик и я использовали связи в империи для того, чтобы организовать всё, но не во флоте. Вернее, не напрямую во флоте.

— Тогда с кем же вы работали? — спросил курьер.

— Скажем, что есть люди, некоторые из довольно видных семей, которые смирились с тем, что их инвестиции украл Вегенер с семейкой, но только пока Вегенер не пригласил других иностранцев, чтобы принять и управлять ими. Это переполнило их чашу терпения, и они поговорили со своими видными родственниками, после того, как я и Генрик поговорили с ними, как раз перед нашим возвращением в Призму. Что подводит меня к вопросу, который вам нужно будет подчеркнуть перед Советом, когда вы отправитесь домой.

— Да, сэр. — Курьер выпрямился в кресле, весь внимание, и Дунецкий посмотрел ему прямо в глаза.

— Андерманские деловые люди, те кто предоставил нам корабли, только что узнали, что Имперское правительство наконец готово действовать. Если мы сможем нанести достаточный урон местным силам, чтобы предоставить Императору предлог, то Империя объявит, что нестабильность в этой области Конфедерации стала настолько велика, что угрожает, по её мнению, общей дестабилизацией в регионе. И для предотвращения этой дестабилизации Имперский флот выдвинется в Сагинау и объявит прекращение огня, по условиям которого Империя признает Совет, как фактическое правительство Призмы.

— Вы серьёзно? — курьер недоверчиво уставился на Дунецкого. — Каждый знает, что анди годами хотели двинуться в Конфедерацию, но манти всегда противодействовали этому.

— Это так, но сейчас Манти сфокусированы на Хевене. У них нет ни ресурсов ни воли, чтобы противодействовать Империи в таком малозначительном для них месте, как Сагинау.

— Но что анди получат из всего этого?

— Империя получить прецедент успешного вторжения в сектор Конфедерации, для восстановления там порядка, который они смогут использовать как основу для новых вторжений. Они не потребуют никаких территориальных уступок — в этот раз. Но в следующий раз история будет немножко другой, а в следующий раз... — Дунецкий замолчал и зло улыбнулся. — Что касается наших спонсоров, то дипломаты Императора будут настаивать, чтобы Вегенер, или кем там его заменит Столар, отозвал торговые концессии, выданные Вегенером для манти в Мелкоре, и вернул их первоначальным инвесторам. Так, что каждый получит то, что хочет... ну, кроме Конфедератов и манти.

— Бог ты мой. — Курьер потряс головой. — Бог ты мой, это может сработать.

— Чёрт побери, это *срабатывает*, — холодно сказал Дунецкий, — именно над этим работает Совет последние три года. Но мы не ожидали такого внезапного подтверждения, что в Империи всё готово, так что никто из нас не готов действовать. А, сопоставляя информацию от моих источников в Империи с тем, что случилось с “Лидией”, я думаю, что у нас просто нет времени. Если Вегенер и Нильсен готовы выступить против нас, вместо того, чтобы работать с нами, мы должны действовать быстро. Так, что мне надо, чтобы вы отправились назад, к Совету и передали им, чтобы они отправили курьеров к Хенрику и капитану Трейнору на “Маргит” с инструкциями о начале полномасштабных действий против флота конфедератов.

— Я всё понял, сэр, но я не уверен, что они послушаются меня. — Курьер криво улыбнулся. — Я понимаю, что вы используете меня только потому, что больше некого, а я не вхожу во внутренний круг, и эта новость будет для них абсолютно неожиданной. Что если они откажутся?

— Нет, они не откажутся, — уверенно сказал Дунецкий. — А если покажется, что они могут это сделать, просто скажите им следующее. — Он мрачно посмотрел прямо на курьера. — Чтобы они не решили, “Анника” начнёт активные операции против ФС ровно через одну стандартную неделю.

* * *

— А я все равно считаю что должен быть лучший способ. — Тон гардемарина Макиры был необычно ворчливым. Хонор взглянула на него через стол и потрясла головой.

— Ты самый склонный к противоречию человек из всех, с кем я когда-либо встречалась, Нассиос, — сурово заявила она ему.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал ответа Макира.

— То, что капитан бы не смог изобрести варианта, в котором ты не смог бы найти недостатков. Не говорю, что ты придира — хотя, если подумать, человек с нравом не таким светлым и уравновешенным как у меня, таки был бы придирой — но у тебя просто талант цепляться за потенциальные слабости идеи не обращая никакого внимания на ее сильные стороны.

— Ну, — Макира откликнулся неожиданно серьезно, — может быть ты и права. У меня и правда есть склонность в первую очередь обращать внимание на проблемы. Возможно потому, что я обнаружил, что при таком подходе все сюрпризы оказываются приятными. Помнишь, капитан Курвуазье говорил, что все равно ни один план не переживает столкновения с противником. С моей точки зрения это делает пессимиста во многих отношениях идеальным командиром.

— Может быть. Пока твой пессимизм не лишает тебя уверенности и не мешает перехватить инициативу у плохих парней. — возразила Хонор. Нимиц, прислушивавшийся к спору своего человека с насеста на другом конце стола Салажьего Уголка, поднял взгляд и кивнул с истинно авторитетным видом. Макира хихикнул.

— Не честно! — запротестовал он потянувшись погладить кота по ушам. — Вы с Нимицем снова объединились против меня!

— Только потому, что ты не прав, — известила его Хонор с ноткой самодовольства.

— Ну нет! Это не так! Смотри, все о чем я говорю, это то, что придерживаясь теперешнего образа действий мы даем хоть какое-то прикрытие только одной системе из всей нашей зоны патрулирования. А теперь, — он откинулся и скрестил на груди руки, — давай объясни мне где в этом утверждении ошибка.

— Ошибки нет, — признала она. — Проблема в том, что идеального решения проблемы большого числа звездных систем и недостаточного количества крейсеров не существует. Что бы мы не делали, мы можем быть только в одном месте за раз. Если мы попытаемся метаться между слишком большим числом систем, то

большую часть своего времени мы потратим на переходы в гиперре и вообще не добьемся ничего в нормальном пространстве. — Хонор пожала плечами. — Учитывая все обстоятельства, включая и то, что присутствие Звездного Королевства в Мелкоре достаточно стабильно, полагаю что разумно забросить блесну на пиратов именно здесь.

— И пока мы это будем делать, — указал Макира, — практически наверняка где-то в нашей зоне торговец, которого мы должны были бы защищать, заполучит беду на свою задницу, за которой некому будет приглядеть.

— Ты скорее всего прав. Но, в любом случае, без предварительного знания графика движения и задач каждого из торговцев во всем секторе Сагинау, просто невозможно предсказать где какой корабль будет в данный момент времени. К тому же, даже если бы мы на момент отбытия с Мантикоры и имели детальные графики движения каждого гражданского судна планировавшего посетить нашу зону ответственности, эти графики к настоящему времени уже бы безнадежно устарели и ты это знаешь. А таких графиков вообще-то не существует, что оставляет каждый мантикорский корабль в Силезии иголкой в гигантском стоге сена. Так что, даже курсируй мы из системы в систему, все шансы за то, что мы почти наверняка не окажемся в подходящей позиции, чтобы помочь торговцу о котором ты говоришь. А если мы все таки *окажемся* способны помочь, это будет чистой воды слепая удача и ты понимаешь это не хуже меня.

— Но у нас хотя бы будет шанс ухватить эту слепую удачу! — упрямо возразил Макира. — А так у нас и того не будет!

— Не будет, но зато будет кое-что лучше: приманка. Мы *знаем*, что каждый пират в секторе знает о деятельности картеля Диллингэма здесь, в Мелкоре. Они могут быть практически уверены в том, что мантикорские суда будут появляться в этой системе на квазирегулярной основе. Я уже не говорю о возможности для них ухватить удачу за хвост и повернуть успешный рейд на недвижимость картеля, не смотря на оборонительные сооружения.

Это и есть основной момент стратегии капитана! Вместо того, чтобы носиться от системы к системе без каких-либо гарантий того, что удастся поймать хоть кого-то из пиратов, тем более поймать их с поличным, он предпочел устроить здесь засаду на тех, кто задумает нанести удар по людям Диллингэма. Я бы сказала, что шансы подловить нескольких пиратов лежа в засаде будут выше, чем при каком-нибудь другом способе.

— Но мы даже не показываем флаг в других системах, — пожаловался Макира. — Ощущения нашего присутствия, чтобы отпугнуть пиратов, больше нигде в секторе не будет.

— Это, вероятно, единственное существенное возражение против нашего подхода. — согласилась Хонор. — К сожалению у капитана есть только один корабль и нет никакого способа прикрыть одним кораблем достаточно пространства, чтобы отпугнуть того, кто способен к элементарной арифметике. Каковы шансы “Воительницы” на перехват данного пирата в данный момент времени? — Она покачала головой. — Нет, пока Адмиралтейство не даст капитану как минимум пары дивизионов крейсеров, я не вижу способа создать достаточно устойчивое ощущение нашего присутствия, которое и правда могло бы отпугнуть того, кто уже решился стать пиратом.

— Так зачем вообще было посылать нас? — в первый раз в голосе Макиры проявилась нотка истинной горечи. — Если все что мы делаем — это пытаемся удержать воздух в шлюзе натянув сеточку от комаров, то в чем, черт побери, смысл?

— В том же, что и всегда, я полагаю. — отозвалась Хонор. — Один корабль не способен отпугнуть пиратов в зоне патрулирования размером с сектор Сагинау. Как минимум не в обычном смысле этого слова. Но если нам удастся выловить двух-трех ублюдков, то слух об этом дойдет и до тех в кого нам пострелять не удалось. Как минимум мы сможем заставить призадуматься некоторых рассматривающих “большое приключение” как возможную карьеру на тему стоит она или нет риска оказаться в числе неудачников. Более того, пройдет и слух, что мы особое внимание уделяем Мелкору, и это им напомнит

насколько плохо Звездное Королевство относится к нападениям на своих подданных. К сожалению, во многих отношениях мы на самом деле здесь чтобы побуждать местных вредителей заняться чьим-то еще торговым флотом, оставив наш в покое.

— Это не то, что нам говорили в Академии, — заметил Макира. — Они нам говорили, что наша работа — подавлять пиратство, а не побуждение их заняться торговцами, которые имеют несчастье принадлежать к нации не имеющей собственного достойного флота!

— Конечно именно так нам и говорили. И в некоем абсолютном смысле они правы. Но мы живем в несовершенном мире, Нассиос, и в последние годы он становится все менее совершенным. Смотри, — она наклонилась вперед, упершись в стол локтями, с чрезвычайно серьезным выражением на лице, — у флота есть столько кораблей и людей, сколько есть. Как бы важна не была Силезия — и жизни мантикорских торговцев — мы можем послать столько кораблей во столько мест, сколько их у нас есть. Раньше, до того как хевы принялись захватывать все, на что упадет их взгляд, мы и в самом деле могли посылать каждый год в Силезию часть Флота достаточную, чтобы оказывать на пиратство существенное влияние. Но, когда столь существенная доля доступных нам сил отвлечена на присмотр за хевами в местах типа Звезды Тревога и Василиска, больше мы поступать так не можем. У нас просто не хватает корпусов для подобного назначения. Так что я уверена, что все в Адмиралтействе прекрасно понимают, что мы никоим образом не сможем “подавить” пиратство в зоне нашего патрулирования. В этом отношении готова поставить на то, что любой не окончательно слабоумный пират понимает это столь же хорошо, как и *мы*, и уж совсем наверняка это понимают анди!

Нассиос Макира откинулся в кресле и выражение на его лице сменилось с более чем слегка возмущенного на удивленное. Он знал, что все гардемарины “Воительницы” имели абсолютно одинаковый доступ к информации. Однако внезапно обнаружилось, что Хонор

собрала эту информацию в куда более полную и согласованную, картину чем это удалось ему.

— Так зачем было посылать нас? — повторил он, но на этот раз не вызывающим тоном, а находящимся на грани жалобного. — Если мы не можем принести пользы и все это знают, то зачем мы здесь?

— Я не говорила, что мы не можем принести пользы, — практически ласково произнесла Хонор. — Я сказала, что от нас нельзя ожидать *подавления* пиратства. То, что мы не способны их прихлопнуть или даже вытеснить значительную долю разбойников из данной конкретной области не избавляет нас от моральной ответственности за то, что мы делать *можем*. И на нас есть ответственность за защиту соотечественников в максимальной возможной степени, какой бы эта возможная степень не казалась нам ограниченной по сравнению с желаемой. Мы не можем позволить пиратам — или анди — решить, что мы просто забыли о своих обязательствах в Силезии, как бы ограничены в кораблях мы не были. И когда я сказала, что мы пытаемся побудить пиратов пойти поискать себе другую жертву, я не имела в виду, что мы направляем их на кого-то конкретного. Я только хотела сказать, что наша задача состоит в том, чтобы убедить местных, что атаковать наше судоходство куда более опасно, чем чье-нибудь еще. Знаю, дома найдутся люди ратующие за то, что в наших стратегических интересах направлять пиратов на тех, кто конкурирует с нашими торговцами, но эти люди — идиоты. О, мы конечно можем получить краткосрочную прибыль, если активность пиратов достаточно напугает тех, кому необходимо осуществлять перевозки в Силезии и они обратятся к нашим торговцам, но в конечном итоге это обойдется нам недешево. Кроме того, если все начнут пользоваться мантикорским транспортом, то у пиратов не будет другого выхода, кроме как нападать на нас, потому что у них не останется никаких других мишеней!

— На самом деле, — задумчиво добавила она секунду спустя, — может *найтись* и дополнительная выгода в том, чтобы направить

пиратов на кого-то еще. Вот уже полтора столетия все полагаются на то, что мы изображаем из себя здешнюю полицию, хотя мы далеко не единственные, кому не все равно что происходит в Силезии. Уверена, что в свое время правительство и Адмиралтейство приложили все свои силы к тому, чтобы нас все естественным образом воспринимали как полицию Силезии, хотя бы только для того, чтобы предотвратить всякие поползновения анди в этой области. Но сейчас, когда мы вынуждены сосредоточить наши силы вдоль границы с хевами, нам нужен кто-то еще, кто будет выполнять нашу роль здесь. И, боюсь, единственный возможный выбор — анди. Конфедераты-то уж точно ничего сделать не смогут! Так что, возможно, не замеченное мною сразу положительное последствие переориентации пиратов с наших торговцев на андерманских будет заключаться в том, что флот анди начнет обращать на них больше внимания, пока мы заняты где-то еще.

— Хм. — Макира почесал бровь обдумывая все ею сказанное. Это имело смысл. Это имело *уйму* смысла, и теперь, когда она все разложила по полочкам, ему было не до конца понятно, как же подобное заключение миновало его самого. Но...

— Хорошо, — сказал он. — Я понимаю твою точку зрения и не вижу, что тут можно возразить. Но я все еще полагаю, что мы могли бы сделать больше для переориентации пиратов в сторону чьего-то еще судоходства, появляясь более чем в одной системе. Я имею в виду, что если Мелкор будет единственной системой где мы подловим хоть одного пирата, — а мы и того пока еще не добились, — то наше воздействие будет очень ограниченным и локальным.

— “Ограниченным” оно будет что бы мы не делали. Это неизбежное следствие единственного корабля в наличии, — указала Хонор с проблеском веселья. — Но, как я и сказала, слухи неизбежно разойдутся. Одно “пиратское братство” — назовем его так, за неимением лучшего термина — всегда отличалось эффективной системой распространения слухов. Капитан Курвуазье говорил что когда какое-то место оказывается особенно опасным для их здоровья,

слух об этом всегда начинает распространяться. Так что как минимум мы сможем временно выставить их из Мелкора. С другой стороны, с чего ты решил, что Мелкор будет *единственным* местом к которому капитан намерен присмотреться за время нашего рейса? Это место занимает его *в настоящий момент*, но нет оснований не перебазироваться в другую систему, после того как он будет достаточно уверен в том, что произвел впечатление на местное отребье. Я полагаю, что операции Диллингэма здесь подготовили нам наилучшие охотничьи угодья из всего, что мы сможем найти и, похоже, капитан полагает также. Но подобная тактика сработает столь же успешно и в любом другом месте, где проявляется активность пиратов и я буду очень удивлена, если мы не проведем некоторое время, забрасывая блесну и в других системах.

— Тогда почему ты не сказала этого с самого начала? — с досадой потребовал ответа Макира. — Ты уже который день позволяешь мне беситься и жаловаться на одержимость капитана этой системой! А теперь сидишь здесь и заявляешь, что все это время ожидала, что однажды он поступит именно так, как я и *хотел*?

— Ну, — хихикнула Хонор, — я же не виновата, что ты позволял себе слышать не совсем то, что я говорила, так? Кроме того, тебе не следовало столь энергично критиковать капитана, если ты не обдумал тщательно то, о чем говорил!

— Ты, — мрачно сказал Макира, — злая и непременно плохо кончишь. И если во вселенной существует справедливость, то я это при этом присутствую.

Хонор ухмыльнулся, а Нимиц промяукал ленивый смешок со стола.

— Смейтесь... пока можете, — зловец сказал он им обоим, — но Настанет День когда вы вспомните эту беседу и горько о ней пожалеете.

Он задрал нос и громко втянул воздух. Нимиц повернул голову, чтобы взглянуть на своего человека. Глаза их встретились в совершенном согласии. И вдруг Нассиос Макира бешено взмахнул

руками, когда серая полоса древесного кота метнулась со стола и плотно обернулась вокруг его шеи. Гардемарин начал было полузадушенный протест, но тот внезапно превратился в совершенно невоенный — и очень высокий — звук, когда длинные ловкие пальцы Нимица нашли его подмышки и безжалостно принялись его щекотать. Гардемарин вместе с креслом с воплем кувыркнулся назад, а Хонор откинулась в собственном кресле, сложила руки и принялась наблюдать за строго приводимым в исполнение наказанием за произнесение зловещих угроз.

* * *

— Ну вот мы и здесь, — заметил командер Обрад Байкуза.

Из его тона можно было заключить, что он был не очень-то доволен сказанным, и это было бы справедливо. Байкуза неизменно уважал коммодора Дунецкого, причем как командира-тактика, так и военного стратега. Но замысел данной операции не нравился ему с того самого мгновения, когда коммодор изложил его ему более шести стандартных месяцев назад. Дело было не столько в том, что он не доверял андерманским... коллегам коммодора (хотя он *не* доверял им настолько, насколько вообще возможно), сколько в убеждении самого Байкузы в том, что каждый задиравшийся с Королевским Флотом Мантикоры был настолько глуп, что без сомнения заслуживал Дарвиновскую премию^[8]. На первый взгляд план Дунецкого был прямолинейным и рациональным, особенно учитывая обещанную поддержку Имперского Андерманского Суда. Оставаясь в рамках логического анализа было очень трудно найти прорехи в аргументах коммодора. К сожалению, у флота манти была прискорбная привычка вышибать мозги тем, кто был достаточно глуп, чтобы их разозлить. Обрад Байкуза никак не желал обнаружить себя объектом подобной операции.

С другой стороны приказ есть приказ, а у манти не было ни его имени, ни адреса. Все о чем ему следовало беспокоится — это чтобы так оно в дальнейшем и оставалось.

— Хорошо, Хью, — сказал он старпому. — Давай углубимся и посмотрим что тут можно найти.

— Есть, сэр, — ответил лейтенант Вэйкфилд и фрегат КФП^[9] “Дротик” направился внутрь системы, к ровно горящей звезде по имени Мелкор.

* * *

— Так, так. Что *тут* у нас?

Главный старшина Дженсен Дель Конте повернул голову на звук шепота. Сенсорный техник первого класса Франсина Алькотт явно не подозревала, что произнесла это вслух. Если бы у Дель Конте и были какие-то сомнения в этом, то выражение на ее темном, напряженном лице с которым она склонилась к дисплею быстро бы их развеяло.

Главстаршина наблюдал, как ее пальцы порхали по панели с бессознательной точностью дающего концерт пианиста. Он нисколько не сомневался в том, что именно она делает и, сжав зубы, постарался думать погромче в ее направлении.

К сожалению, она оказалась нечувствительна к телепатии Дель Конте, и тот проглотил беззвучное проклятие. Алькотт была чрезвычайно хороша в своем деле. У нее были как природное дарование, так и энергия и чувство ответственности. Все вместе и составляло разницу между просто удовлетворительным и превосходным исполнением обязанностей. Дель Конте был в курсе намерения командера Хираке еще до окончания текущего рейса повысить Алькотт до старшины, несмотря на ее относительную молодость. Но при всех ее несомненных технических дарованиях, Алькотт была потрясающе нечувствительной к внутренней динамике

тактического подразделения “Воительницы”. То, что ее перевели в вахту Дель Конте менее двух недель назад ухудшало ситуацию, но главстаршина был до уныния уверен, что она проявила бы столь же жизнерадостную слепоту к некоторым неприятным аспектам реальности, даже будь она в составе этой вахты с самого отбытия с Мантикоры.

Дель Конте как можно незаметнее оглянулся и проглотил еще одну порцию брани. На вахте был лейтенант Сантино. Он сидел в капитанском кресле по центру мостика и для всего мира выглядел компетентным флотским офицером. Руки его покоились на подлокотниках кресла. Развернутые плечи столь же уверенно опирались на поднятую прямо спинку кресла, мужественность профиля была очевидна, поскольку он высоко держал голову. Но в глазах его было практически ужасающее отсутствие интеллекта.

Дженсен Дель Конте не мог сосчитать, сколько он видел офицеров за время своей флотской карьеры. Некоторые были лучше, некоторые — хуже, но ни один не опускался до столь бездонной глубины, с легкостью покорившейся Элвису Сантино. Дель Конте знал, что лейтенант-коммандер Хираке в курсе проблемы, но она мало что могла с этим поделать и уж чего она *никак* не могла, так это нарушить железные нормы этикета и традиций Службы, признав старшине, каким бы главным он ни был, что его непосредственный начальник — полная и совершенная задница. Главстаршина скорее полагал, что лейтенант-коммандер и шкипер предоставили Сантино веревку в надежде, что тот сумеет самостоятельно повесится. Но даже если и так, это не сильно облегчало жизнь невезучим беднякам, оказавшимся под его непосредственным командованием — вроде некоего главстаршины Дель Конте.

Алькотт продолжала свою беззвучную возню с инструментами и Дель Конте горячо пожелал, чтобы кресло Сантино было хотя бы на несколько метров подальше от него. Однако учитывая его близость, было крайне вероятно, что лейтенант услышит все, что бы Дель Конте не попытался сказать Алькотт. Вообще-то технику очень

повезло, что Сантино еще не обратил внимания на ее озабоченность. Поза воплощенного внимания лейтенанта не могла обмануть никого из присутствующих на мостике, но как раз в духе лейтенанта было бы выйти из его нормального состояния самолюбования в самый неподходящий для Алькотт момент. Пока что, тем не менее, этого не произошло, и это поставило Дель Конте перед очень неприятной дилеммой.

Главстаршина потянулся и произвел несложные манипуляции со своей панелью. Когда его собственный дисплей показал копию дисплея Алькотт, лоб старшины нахмурился. Он сразу увидел, что именно привлекло ее внимание, хотя и не был уверен, что заметил бы это без тех манипуляций, что она уже произвела. Даже сейчас след импеллера был призрачным, и компьютеры явно не разделяли уверенности Алькотт, что они смотрят на что-то реальное. Они настаивали на пометке иконки быстро пульсирующим янтарным кружком неуверенного контакта, что обычно было плохим знаком. Но тренированных инстинктов Алькотт у компьютеров не было, и лично Дель Конте был уверен, что она выявила истинный контакт.

Частью проблемы был угол, под которым приближался неизвестный. Кто бы это не был, он обгонял их подходя сзади и очень “высоко” — так, что между ним и гравитационными сенсорами Алькотт оказалась верхняя полоса импеллера “Воительницы”. В теории компьютеры БИЦ^[10], знавшие точную мощность клина тяжелого крейсера, могли компенсировать вносимые им помехи. В теории. На практике, однако, клин привносил в любые сделанные сквозь него наблюдения высокую степень неопределенности. Именно поэтому военные корабли намного больше полагались на датчики размещенные побортно и на носовой и кормовой оконечностях, где им не мешал клин. Верхние и нижние массивы датчиков конечно устанавливали, но в большинстве случаев все к ним относились — заслуженно — как к простой перестраховочной мере. В данном же случае, однако, единственным массивом датчиков способным видеть потенциальный контакт Алькотт оказался верхний. Известная

ненадежность его данных, вдобавок к крайней слабости просочившегося сквозь клин сигнала означали, что контакт (если это вообще был контакт) еще не преодолел барьер автоматических фильтров БИЦ и что там еще никто не был в курсе его существования.

Но Алькотт была, а теперь — за свои грехи — был и Дель Конте. Действующие приказы на случай подобной ситуации были четкими и Алькотт, к сожалению, следовала им... в основном. Она, в самом деле, сделала именно то, что бы от нее и ожидалось на вахте лейтенант-командера Хираке. Лейтенант-командер доверяла своим людям и ожидала что если кто-то из них подметит что-то, на что по его или ее мнению стоит обратить внимание Хираке, то он просто перебросит результат своих наблюдений к ней на дисплей. Стандартная процедура требовала кроме того устного объявления, но Хираке предпочитала, чтобы ее техники занимались проверкой сомнительных данных вместо того, чтобы тратить время на доклады о том, что они не знают чего именно они не знают.

Проблемой Дель Конте было то, что отношение лейтенант-командера было отношением компетентного и уверенного в своих силах офицера, который уважал своих подчиненных и их умения. Все было бы просто замечательно, будь на вахте кто угодно вместо Элвиса Сантино. Потому что Алькотт сделала в точности то, чего бы хотела лейтенант-командер Хираке: она перенаправила картинку со своего монитора на экран номер два Сантино... а этот самовлюбленный осел даже ничего не заметил!

Если бы контакт был достаточно силен, чтобы БИЦ зафиксировал его как устойчивый, то они бы уже доложили и Сантино знал бы о нем. Если бы Алькотт доложила устно, он бы знал. Если бы он позаботился отвлечь часть энергии с которой он изображал образ Совершенного Флотского Офицера из голодрамы на наблюдение за собственными дисплеями, он бы знал. Но ничего из этого не произошло, так что он не имел представления о контакте. Но когда БИЦ наконец удостоверится и изменит его статус с помехи до

возможного контакта, то даже Сантино наверное заметит по мигающей метке времени на незамеченной (пока) иконке, что Алькотт идентифицировала его несколькими минутами ранее. Более того, он поймет, что когда капитан Бахфиш и командер Лэйсон будут просматривать логи мостика, они поймут, что ему следовало знать о контакте задолго до того, как он наконец-то доложил им. Учитывая натуру Сантино, последствия для Алькотт будут абсолютно предсказуемыми. И какого черта главный старшина Флота Его Величества оказался здесь, весь в поту от усилий изобрести способ защитить весьма талантливую и способную женщину от злобной мести совершенно бесталанного и примечательно глупого офицера?

Ничто из этого дилеммы Дель Конте не облегчало. Что бы не произошло, он не мог позволить задержке обнаружения протянуться, еще больше не ухудшив ситуацию. Так что он сделал глубокий вдох.

— Сэр, — объявил он наиболее уважительным тоном, — у нас потенциальный неидентифицированный импеллер приближающийся с один-шесть-пять на один-один-пять.

— Что? — Сантино встрепнулся. На мгновение он выглядел совершенно дезориентированным, а затем его взгляд упал на дисплей репитера, находившийся у его кресла, и Сантино напрягся.

— Почему БИЦ не доложил? — рявкнул он, и Дель Конте подавил почти непреодолимое желание ответить в выражениях, которые даже у Сантино не оставили бы сомнений относительно мнения главстаршины о нем.

— Контакт еще слишком зыбкий, — сказал он вместо того. — Если бы не меры предпринятые Алькотт мы бы его не заметили. Я уверен, что пока сигнал не станет хоть немного сильнее, фильтры БИЦ его не пропустят.

Он придал голосу все возможные четкость и профессионализм, изо всех сил молясь, чтобы Сантино оказался чересчур занятым, чтобы обратить внимание на отметку времени и понять, сколько времени прошло до того, как его внимание было привлечено.

Как минимум на секунду казалось, что Бог его услышал. Сантино был слишком заворочен уставившись на мерцающий контакт, чтобы заметить что-то еще и Дель Конте вздохнул с облегчением.

С преждевременным облегчением, как оказалось.

Элвис Сантино смотрел на эту иконку с чем-то чрезвычайно напоминающим панику. Просто он прекрасно понимал, что капитан и эта задница Лэйсон имеют на него зуб. Лэйсон без сомнения оставил в его личном деле едкое примечание к отметке о снятии его с поста офицера-воспитателя. Были бы его связи в аристократической клике Флота хоть чуть хуже, это было бы поцелуем смерти его карьере. Но так уж случилось, что его семья обладала достаточным влиянием, и карьера его, скорее всего, переживет эти события без особых потрясений. Но даже у покровительства есть свои пределы, и ему не стоило давать ублюдкам дополнительное оружие против себя.

Он *все-таки* обратил внимание на отметку времени. Которая ясно говорила, что они — ну как минимум персонал вахты, а точнее его собственный тактический персонал — засекали вероятный контакт почти за шесть минут до того, как привлекли к этому факту его внимание. Он уже почти наяву видел холодно-формальную, безупречно корректную, и безжалостно жалящую манеру в которой Бахфиш (или, хуже того, этот жополиз Лэйсон) отчитают его за недостаточно быструю реакцию. Ментальный образ этой... беседы был единственным, что удержало его от того, чтобы вырвать глотки Алькотт и Дель Конте за преднамеренную задержку информации. Но Лэйсон уже показал склонность использовать рядовых и старшин как шпионов и информаторов. У Сантино не было сомнений в том, что старпом для прикрытия задницы с удовольствием добавит к собственному рапорту о случившемся версию Дель Конте. Так что вместо того, чтобы отвесить столь заслуженный пинок этим дерзким и нелояльным задницам, он заставил себя внешне сохранить видимость того, что не раскусил их заговор. Однажды настанет время расплатиться по долгам, но заняться этим прямо сейчас он не посмел.

Тем временем надо было решить как действовать в этой ситуации. Он прикусил нижнюю губу, усиленно размышляя. Дель Конте — нелояльный ублюдок — был несомненно прав насчет причин молчания БИЦ. Но если обработка примененная Алькотт была верной (а так оно и выглядело), то сигнал пробьется через фильтры БИЦа не позже чем через пять-десять минут, даже при использовании верхних грависенсоров. Когда это произойдет у него не будет иного выбора, кроме как доложить капитану... и в этот момент тот факт, что Алькотт и Дель Конте передали ему информацию заметно раньше, также станет частью официальной записи. А то, что они преднамеренно скрыли информацию не объявив о ней вслух, Бахфиш и Лэйсон конечно полностью проигнорируют, сосредоточившись только на том, что он “растратил” столько “драгоценного времени” прежде чем доложил им о контакте. И особенно Лэйсон, слишком мстительно настроенный по отношению к Сантино, чтобы хоть на секунду усомниться в том, что он подчеркнет как Сантино упустил потенциальные преимущества, предоставленные ему блестящим персоналом тактической секции, так рано зафиксировавшим контакт.

Расстройство, ярость, негодование и страх бурлили у него внутри, пока он пытался решить что же делать. И каждая уходившая секунда усиливала хаос, раздиравший его. Это была такая *малость!* Что с того, что Алькотт и Дель Конте выявили контакт шестью или даже пятнадцатью минутами — черт, да даже получасом! — раньше БИЦа? Контакт был более чем в двух с половиной световых минутах позади “Воительницы”. Это более пятидесяти миллионов километров, а лучшая оценка ускорения контакта сделанная Алькотт составляла только около пятисот *g*. С начальным превосходством в скорости менее чем в тысячу километров в секунду ему, чем бы он ни был, потребуется более пяти часов чтобы обогнать “Воительницу”, так на что вообще могло повлиять “упущенное время”? Тем не менее. Он знал, что Бахфиш и Лэйсон не упустят возможности снова попортить его оценку эффективности и...

Его мечущиеся мысли внезапно замерли. Конечно! Как он об этом не подумал раньше! Он почувствовал, как его губы вздрогнули, и каким-то образом подавил триумфальную улыбку, когда перед ним явилось решение дилеммы. Его “блестящие” подчиненные доложили о контакте раньше чем БИЦ, так? Ну и замечательно! Он вахтенный офицер и не его ли обязанностью было установить как можно быстрее, является ли этот контакт истинным? Даже до того как это сможет сделать тренированная команда БИЦа? Конечно его! И именно *это* было причиной задержки доклада капитану: подтверждение того, что *возможный* контакт был реальным.

Он остановил себя прежде, чем успел потерять руки в удовлетворении, и повернулся к рулевому.

— Готовность к перекату семьдесят градусов на левый борт и повороту на два-два-три, — четко произнес он.

Дель Конте не удержался и развернулся в кресле к центру мостика. Он прекрасно понял, что намеревается сделать лейтенант, но не мог поверить, что даже Элвис Сантино может быть *настолько* глуп. Отданный предварительный приказ был классическим маневром. Флотские офицеры называли его “очистить клин”, поскольку в результате одновременного переката и поворота наиболее чувствительные бортовые массивы сенсоры могли обозреть зону, до того перекрытую клином. Но подобный маневр выполняли только боевые корабли, а “Воительница” немало сил приложила чтобы притвориться толстым, беспомощным, *невооруженным* грузовиком специально чтобы подманивать рейдеров на дальность применения оружия. Если этот болван...

— Сэр, я не думаю, что это удачная идея, — сказал главстаршина.

— К счастью я думаю, — резко ответил Сантино не удержавшись от того, чтобы не осадить нелояльного старшину.

— Но сэр, мы же должны выглядеть как торговец, а если...

— Я прекрасно знаю, как мы должны выглядеть, главный старшина! Но если это и в самом деле контакт, а не всплеск чьего-то

перегретого воображения, то очистив клин мы это подтвердим, вам так не кажется?

— Да, сэр, но...

— Они просто пираты, главный старшина, — хлестко сказал Сантино. — Мы сможем развернуться, стряхивая клин, зафиксировать их в БИЦе, и вернуться на первоначальный курс прежде чем они что-либо заметят!

Дель Конте открыл было рот, чтобы продолжить аргументацию, но затем со стуком закрыл его. Смысла не было, и даже существовала отдаленная вероятность того, что Сантино был прав и контакт не заметит такой краткой перемены их курса существовала. Но если их гравитационные сенсоры не перекрыты клином, то “Воительница” как минимум в девяти или десяти световых минутах внутри дальности их действия. На такой дальности даже краткая перемена курса будет предельно очевидной для тактиков любого военного корабля. Конечно, если перед ними был типичный пират, то Сантино мог совершить маневр и незамеченным. Маловероятный, но *возможный* исход.

“И если этот придурок проколется, то как минимум *мои* руки будут чисты. Я сделал все возможное, чтобы не дать ему облажаться и голосовая запись покажет это. Так что вперед, лейтенант!”

Главстаршина еще пять бесконечных секунд смотрел в глаза лейтенанта, борясь с собой. Упрямое чувство долга тянуло в одну сторону, требовало еще одной попытки спасти ситуацию, но все остальное толкало в другую. И, в конце концов, он развернулся обратно к своему экрану без единого слова.

Сантино удовлетворенно фыркнул и повернулся к рулевому.

— Исполняйте приказ, рулевой! — четко произнес он.

Рулевой подтвердил приказ, “Воительница” перекадилась на борт и слегка отклонилась от оригинального курса. Ее бортовые массивы сенсоров немедленно зафиксировали контакт.

Как раз вовремя, чтобы увидеть как он резко меняет свой курс и бешено ускоряется прочь от “грузовоза”, который только что очистил клин.

* * *

— Я не могу *поверить* этому... этому... этому...

Коммандер Абнер Лэйсон потряс головой, не уверенный в том, ошеломлён ли он больше, или разъярён, а капитан Бахфиш гневно буркнул, выражая согласие. Они оба сидели в каюте капитана, плотно закрыв люк, а дисплей на столе отображал запись с дисплея Франсины Алькотт, остановленную в тот момент, когда пират, которого вся команда так долго и тяжело заманивала в ловушку, умчался прочь.

— Я знал, что он идиот, — продолжил после паузы коммандер с несколько меньшим отвращением в голосе, — но считал, что он, по крайней мере, может исполнять приказы, которые были детально разъяснены всем офицерам на борту.

— Согласен, — ответил Бахфиш, но потом хмыкнул и откинулся на спинку кресла. — Согласен, — устало повторил он, — но я также точно вижу, что именно случилось.

— Прощу прощения, сэр, но *случилось* то, что вахтенный офицер нарушил действующий приказ информировать вас немедленно после обнаружения потенциально враждебного судна. Хуже того, он по собственной инициативе выполнил маневр, который убийственно ясно выдал, что мы боевой корабль, с предсказуемыми последствиями!

— Согласен, но ты, как и я, хорошо знаешь, что он сделал это только потому, что знал: мы оба только и ждём, когда он нарушит что-нибудь, чтобы обрушиться на него.

— Ну... он только что дал нам все необходимые основания, — мрачно отметил Лэйсон.

— Думаю, что да, — сказал Бахфиш, массируя глаза кончиками пальцев. — Конечно, я также предполагаю, что его карьера может пережить даже это, в зависимости от того, кто его покровители. И, не хочу признавать это, но будь я таким покровителем, я бы указал Бюро Кадров, что его действия, хотя и заслуживают осуждения, были предсказуемым результатом враждебного окружения, которое мы создали для лейтенанта Сантино, отстранив его от обязанностей офицера-воспитателя

— Со всем должным уважением, сэр — это полное дерьмо, и вы это знаете.

— Конечно знаю. В то же самое время в этом есть и крошечная доля истины, так как мы определенно враждебны к нему. Ведь так, Абнер?

— Да, чёрт побери! — сказал Лэйсон, затем фыркнул, когда капитан улыбнулся ему. — Хорошо, хорошо, сэр. Я понял вас. Всё, что нам остаётся — это доложить наверх нашу точку зрения и надеяться, что власть предержавшие согласятся с нами. Но, тем временем, нам надо решить, что мы собираемся делать с ним. Я точно не хочу, чтобы он отстоял ещё одну вахту без присмотра!

— Как и я. Также я не хочу его видеть в тактической секции, даже если он просто дублирует Дженис. Достаточно плохо, что этот человек глуп, но теперь уже его собственные подчиненные помогают ему перерезать собственную глотку!

— Вы тоже заметили это, сэр?

— Помилуйте, Абнер! Я ещё не впал в маразм. Дель Конте точно знал, что произойдёт.

— Думаю, что это сказано слишком сильно, сэр. — осторожно произнёс Лэйсон. Он без особой уверенности надеялся, что капитан может не заметить очевидное решение главстаршины замолчать и перестать пререкаться с начальством. — Я имею в виду, — продолжил старпом, — Сантино прямо приказал ему...

— Оставьте, Абнер! Дель Конте опытный служака, и ему, чёрт его побери, не должно было помешать то, что старший офицер —

полная задница, чтобы предотвратить катастрофу, не важно, как бы разозлён он не был, или насколько оправданы его действия. Ты знаешь это, я знаю это, и я ожидаю, что ты проследишь, чтобы старшине Дель Конте стало абсолютно ясно, что если он *еще хоть раз* позволит такому случится снова — то у него моими трудами появится новая дырка в заднице! Полагаю, что выразился достаточно ясно?

— Думаю, что да, сэр.

— Хорошо, — Бахфиш хрюкнул, но затем махнул рукой. — Но как только ты это ему разъяснишь и будешь уверен, что он всё понял — конец истории. — Капитан сделал вид, что не заметил как чуть расслабились плечи Лэйсона. — Он не должен был позволить этому произойти, но ты прав — он делал в точности то, что ему приказал вышестоящий офицер. Что представляет собой проблему. Когда старшина с таким опытом как у Дель Конте преднамеренно позволяет своему офицеру отстрелить собственную ногу настолько зрелищно, полезность такого офицера абсолютно нулевая. И это заслуживает максимального осуждения. Даже если бы я не боялся, что это может повториться, я не хочу, чтобы королевский офицер, который может добиться такой реакции от собственных подчиненных был на моём корабле или где бы то ни было поблизости.

— Не могу винить вас за это, сэр. Я и сам не хочу его видеть на “Воительнице”. Но мы никуда от него не денемся.

— Ну нет, — ухмыльнулся Бахфиш, — мы всё ещё не отправили “Гордость Грифона” домой. Я думаю, что лейтенант Сантино только что заслужил пост призового мастера.

Глаза Лэйсона распахнулись, он начал было говорить, но затем остановился. Капитан назначал своих офицеров руководить призами по двум причинам. Одна из них — это наградить офицера, давая ему возможность независимого командования, что может обратить на него внимание лордов адмиралтейства. Вторая — это возможность освободить себя от кого-нибудь, не заслуживающего доверия. Лэйсон сомневался, что кто-либо не поймёт, какая именно причина сработала

в данном случае, и, конечно, поддерживал решение Бахфиша избавиться от Сантино. Но, как старпом “Воительницы”, он при этом столкнулся с определенной проблемой.

— Прошу прощения, сэр, — после небольшой паузы сказал Лэйсон, — но как бы слаб он не был в тактике, он единственный помощник Дженис. И если мы отошлём его...

Он позволил себе замолчать, а Бахфиш кивнул. В идеале на “Воительнице” должно было быть два помощника тактика. В обычной ситуации у Хираке были бы в помощниках Сантино и младший лейтенант или энсин. Хроническая нехватка персонала в стремительно расширяющемся Манतिकорским флоте подвела на этот раз корабль, и капитан барабанил пальцами по столу, оценивая различные возможности. Ни одна из них не была особенно приятной, но...

— Меня не волнует нехватка рук. — произнёс он. — Не в том случае, если придётся оставить Сантино. Дженис просто придётся обходиться без него.

— Но, сэр... — почти отчаянно начал Лэйсон, только для того, чтобы замолчать, когда Бахфиш поднял руку.

— Он отправляется, Абнер, — сказал Бахфиш, и сказал это голосом капитана, прекращавшим все обсуждения. — Это уже решено.

— Так точно, сэр, — ответил Лэйсон, и Бахфиш слегка улыбнулся ему.

— Я знаю, что это будет трудно для тебя, Абнер, и мне жаль. Но сконцентрируйся на том, как будет замечательно, когда Элвис Сантино окажется в сотнях световых лет от тебя и затем просто скажи, как закрыть образовавшуюся дыра.

— Я попытаюсь думать об этом, сэр. И... капитан не предложит способ, каким может быть закрыта эта дыра?

— На самом деле, принимая во внимание то, о чём мы говорили ранее, я думаю, что да, — сказал Бахфиш, — я предлагаю всерьёз

рассмотреть возможность повышения гардемарина Харрингтон до исполняющего обязанности помощника тактика.

— Вы уверены, сэр? — спросил Лэйсон. Капитан приподнял бровь, и старпом пожал плечами, — Она уже добилась очень много, сэр. Но она *салага*.

— Согласен, она неопытна, — ответил Бахфиш, — поэтому, вообще говоря, мы и посылаем гардемаринов в поход. Но, полагаю, она продемонстрировала, что обладает всеми задатками, необходимыми для занятия должности помощника тактика, и она намного сообразительнее, талантливей и надежней, чем когда-либо был Сантино .

— Не могу с этим поспорить, сэр. Но раз уж вы вспомнили наш разговор, напомним вам то, что вы говорили про Северную Пустошь и его клику. Если они действительно дергали за нити, чтобы Сантино стал офицером-наставником, и вы не только отстраните его от должности и потом отправите его прочь, а еще и поставите на его место гардемарина, они предположат, что вы намерено освободили его от должности, чтобы продвинуть её... — он потряс головой.

— Ты прав. Это *разъярит* их, не так ли? — довольно промурлыкал Бахфиш.

— Скорее это может, — сердито сказал Лэйсон, — поместить вас в список их врагов сразу за ней.

— Даже если и так, то я мог бы очутиться и в худшей компании, правда? И произойдёт это или нет, это никак не влияет на конкретную проблему, которую нам надо решить здесь и сейчас. Так что, отставив всё остальное в сторону, есть ли в команде кто-то, кто, по твоему мнению, лучше подходит для должности помощника тактика, чем Харрингтон?

— Конечно, нет. Я не уверен, что присвоение ей этой должности будет легко оправдать перед Бюро Кадров, если они воспримут его в штыки, как минимум, официально — но у меня нет никаких сомнений, что она лучший выбор, исходя исключительно из способностей. Что, сразу добавлю, не означает, что я не

удостоверюсь, что Дженис пристально за ней наблюдает. Или, если уж на то пошло, не буду делать это и сам.

— Отлично! — на этот раз улыбка Бахфиша была совсем не маленькой. — И пока ты размышляешь о всей дополнительной работе для тебя и Дженис, оцени, как Харрингтон почувствует себя, когда осознает какую ответственность мы возложили на неё! Думаю, будет весьма информативно просто посмотреть, насколько она запаникует, когда ты скажешь ей об этом. И, чтобы убедиться что она не задержит нос от временного повышения перед остальными салагами, можешь добавить, что в то время, как острая необходимость Королевской службы требует, чтобы она приняла на себя дополнительную ответственность, мы вряд ли сможем освободить её от тренировок.

— Вы имеете в виду?.. — в глазах Лэйсона заплясали чертики, и Бахфиш кивнул.

— Именно, командер. Вы, с Дженис будете пристально наблюдать за ней, но мне кажется, что мы должны рассмотреть это не как дополнительную ответственность, а как *возможность*. Думайте об этом, как о шансе преподать ей персональные уроки искусства тактики и тысячи и одного способа, которыми умный враг может удивить, запутать и разбить даже лучшего тактика. Просто направь себя на разработку лучших тренировочных симуляций для неё. И убедись, что она знает обо всех усилиях, которые вы с Дженис прилагаете.

— Это жестоко, сэр, — восхищенно сказал Лэйсон.

— Я шокирован — *шокирован* — тем, что Вы можете так думать, командер Лэйсон!

— Конечно, сэр.

— Ну, я думаю, что “шокирован” — это сказано слишком сильно, — уступил Бахфиш. — Но, серьёзно, Абнер, я хочу использовать эту возможность, чтобы посмотреть, как сильно мы можем нагрузить её. Думаю, что Рауль мог быть прав, когда говорил, кем она может стать, так что посмотрим, сможем ли мы наставить её на путь истинный.

— Разумеется, сэр. Я и сам хочу увидеть, как далеко и быстро она сможет пойти. Конечно, — он улыбнулся капитану, — я не жду, что она оценит все те усилия и жертвы, на которые мы, с Дженис пойдём, когда посвятим наше время конструированию специальных задач для неё.

— Конечно, не оценит. Она в своём первом походе, Абнер. Но если она начнёт истощать вашу с Дженис изобретательность — дайте мне знать. Я буду рад лично составить пару маленьких задач для неё.

— О, я уверен, она оценит *это*, сэр.

* * *

— Кажется вы правы, сэр, — сказал командер Бэзил Амами. Его смуглое лицо светилось энтузиазмом, и Обрад Байкуза заставил себя промолчать. Амами был более, чем компетентным офицером. Также он был старше, чем Байкуза, но только на несколько месяцев выслуги. При других обстоятельствах Байкуза оспорил бы заключения Амами, в частности, чтобы попытаться пригасить явный энтузиазм этого офицера. К несчастью, Амами был старшим помощником коммодора Дунецкого. Лично Байкуза считал, что главной причиной текущего положения Амами служило то, что он боготворил Дунецкого. Байкуза не думал, что Дунецкий искал себе подхалима, по крайней мере не осознано, да и высокие способности Амами обычно не побуждали окружающих, включая самого Дунецкого, искать другие причины этого назначения. Возможно тот факт, что старпом *всегда* соглашался с ним, должен был послужить предупреждением такому опытному офицеру, как Дунецкий, но этого не произошло, и за долгие месяцы совместной службы, коммодор выработал почти родительское отношение к молодому человеку.

Какова бы ни была внутренняя динамика их отношений, Байкуза давно заметил, что они объединялись вдвоём против любого, кто не соглашался или противостоял им. И снова, против этого нельзя было

возразить, так как эти двое должны были быть взаимно поддерживающей друг друга командой, но для Байкузы было ясно, что в данном случае высказывание Амами только подкрепило заключение, к которому уже пришел коммодор. Это означало, что ни один простой командер в своем уме не станет с ними спорить, на каких бы незначительных, по его мнению, фактах не было основано их умозаключение.

— Возможно я прав, а возможно и нет, — ответил Дунецкий Амами, но, по мнению Байкузы, это замечание выглядело скорее формальным, чем искренним. Коммодор кивнул Байкузе. — “Дротик” отличился, капитан, — сказал он, — Я ценю ваши усилия, и хотел бы, что бы вы передали это всей команде.

— Спасибо, сэр, — ответил Байкуза. Затем он решил проверить, не получится ли привнести немного осторожности в обсуждение. Не напрямую, конечно. — Они были ближе к достижению своей цели, чем может показаться по записям. Их РЭБ была очень хороша. Мы приблизились почти до двух световых минут, и у меня не было даже подозрения, что это военный корабль, пока они не очистили клин. Я догонял их осторожно больше потому, что не хотел привлекать внимания, но никак не потому, что думал, что “купец” окажется проклятым крейсером!

— Могу понять, почему это оказалось таким шоком, — согласился Дунецкий.

— Особенно в системе, где так плотно обосновались проклятые манти, — вставил Амами, и Байкуза резко кивнул.

— Я тоже об этом подумал, — ответил он. — Манти не приглашают крейсера Конфедерации для того, чтобы присматривать за их интересами. Обычно всё происходит наоборот, — добавил Байкуза, смотря на коммодора краем глаза. Дунецкий нахмурился, и на секунду командер понадеялся, то его командир обдумывает то, что так беспокоило его, но Дунецкий пожал плечами.

— Да, это так, — согласился он. — Но показания ваших сенсоров ясно говорят, что это был или здоровенный легкий крейсер,

или очень маленький тяжелый. Бог знает, что за сборище несуразиц имеется у Конфедератов, и что они могут послать присматривать за Мелкором, но манти не имеют ни одного легкого крейсера, приближающегося к такому тоннажу, какой предполагают ваши тактики, и они постоянно и неуклонно списывают старые тяжелые крейсера с тех пор как началось перевооружение. У них не может остаться большого количества такой мелочи. С другой стороны, манти не настолько неуклюжи — или глупы — как этот! Очистить клин в двух световых минутах, после всех усилий приложенных чтобы убедить вас, что они простой грузовик? — коммодор покачал головой. — Я встречал много офицеров манти, командер, и ни один из них не был туп настолько, чтобы повернуть такое против чего-то такого маленького и быстрого, как фрегат.

Байкуза хотел было продолжить обсуждение на предмет был ли крейсер тем, что он думал, но был вынужден признать, что Дунецкий прав. На самом деле прав. Как бы он не любил “Дротик”, Байкуза прекрасно понимал, почему ни один крупный флот не строит фрегатов, и почему те, кто имеет их — стремительно списывает. Это были самые маленькие военные корабли способные к гиперпереходу, с массой примерно между курьером и эсминцем, что оставляло очень мало места для вооружения. Вообще, “Дротик” был вооружен лишь чуть лучше чем легкий атакующий корабль, хотя его ракеты обладали большей дальностью, и у него были *хоть какие-то* погреба, так что ему и его племени не оставалось почти ничего, кроме как служить дальними разведчиками. Но даже этой ниши они лишались по мере совершенствования беспилотных разведывательных аппаратов применяемых большинством флотов, и Байкуза сильно подозревал, что последним применением фрегатов станет роль дешевого, очень легкого эскорта для охоты на ещё более легких пиратов... или рейдерства (или просто пиратства).

Так что, да, коммодор Дунецкий был прав. Какой капитан мантикорского крейсера в здравом уме позволит *чему бы то ни было* подойти так близко, не обнаружив это? А если он обнаружил

“Дротик”, то почему, во имя Господа, он очистил клин до того, как корабли сблизились на дистанцию атаки? Уж точно не потому, что боялся последствий!

— Нет, — Дунецкий ещё раз покрутил головой, — Кем бы ни был этот клоун, это точно не манти, и мы точно знаем, что андерманских кораблей в Мелкоре в настоящее время нет, так что нам остается единственная версия, кто бы это мог быть, не так ли? Что означает: он идеально нам подходит. И будучи таким маленьким, он точно не выдержит залпов “Анники”.

— Именно так, сэр, — с энтузиазмом поддержал Амами.

— Но он может там не задержаться, — Дунецкий думал вслух, — и я не хочу его упустить, или — что ещё хуже — обнаружить, что Вегенер настолько обеспокоился своими инвестициями, что удвоил там пикет, и чем-нибудь таким, что может дать нам настоящий бой. Это означает, что нам нужно пошевелиться, но также нам нужно скоординироваться, командер Байкуза. Пока я поведу “Аннику” в Мелкор для проверки ситуации, я собираюсь послать ваш “Дротик” в Лютрел. Если мой брат придерживается расписания, которое он прислал мне в последней депеше, вы должны найти “Астрид” там. Он, возможно, пошлёт вас на Призму со своими сообщениями, но порауйте его, что к тому времени наш добрый друг губернатор обнаружит у себя недостачу одного крейсера.

Он улыбнулся, и Байкуза улыбнулся в ответ, потому что, наконец, полностью поверил суждениям Дунецкого.

* * *

Хонор с трудом ввалилась в люк и рухнула лицом вниз на свою койку с прочувствованным стоном. Нимиц в последний момент спрыгнул с ее плеча и приземлился на подушку, где повернулся, чтобы посмотреть на ее, с укором помахивая хвостом. Но она не обратила на это никакого внимания, так что он тихо мяукнул и

свернулся подле нее, уткнувшись носом в короткий ежик ее шелковистых волос.

— Вижу, что мы работаем допоздна, мэм, — раздалось бодрое замечание, и Хонор повернулась на звук, не отрывая головы от подушки. Подушка оказалась под правой щекой, а слегка налитый кровью и наполненный осуждением глаз уставился на Одри Брадло.

— Рада, что хоть кому-то ситуация кажется забавной, — отметила Хонор, а Одри в ответ хихикнула.

— Ну нет, Хонор! Не кому-то, а *всему экипажу!* И это выглядит настолько... правильным! Я имею в виду, что раз уж вы с Дель Конте позаботились избавиться от этого говнюка Сантино, то только справедливо, что вы двое оказались в одной вахте исполняя его работу. Исполняя ее куда лучше него, могу добавить. Конечно, забавно наблюдать, как капитан и командер Лэйсон — не говоря уже о командере Хираке — гоняют твою бедную невинную задницу по симулятору каждый божий день. И, конечно, я ни на секунду не позволяю повлиять на мои суждения тому факту, что ты на прошлой неделе в симуляторе систематически разносила в пух и прах нас с Нассиосом, да и, если припомнить, нас с Басантой в прошлый вторник.

— Ты омерзительно злобная, — заявила Хонор, — и Бог тебя накажет за такие издевательства надо мной в тот момент, когда я слишком слаба и изнурена, чтобы подобающим образом защищаться.

— Конечно, конечно, — согласилась Одри. — Как только Он сможет унять смех!

Хонор издала глухой звук, а затем закрыла глаза и вновь уткнулась в подушку. Она испытала облегчение, когда поняла, что Одри и прочие гардемарины восприняли ее производство без зависти. Но в подначках Одри, к сожалению, содержалось зерно истины. И не одно, к тому же.

Хонор изрядно ужаснулась, когда командер Лэйсон вызвал ее к себе, чтобы проинформировать о решении капитана назначить ее исполняющим обязанности помощника тактика. Как бы высоко для

гардемарина она не оценивала свои возможности тактика и как бы не восхитило ее известие о таком повышении, но никаким образом она не считала себя готовой принять обязанности подобной должности. Не польстило ее эго и данное старпомом откровенное разъяснение причин, вынудивших капитана Бахфиша вознести ее на такую высоту. Не то, чтобы командер Лэйсон заявил что-то необоснованно. Просто в его изложении становилось абсолютно очевидно, что у капитана не было никого, чтобы поставить его на эту должность. Если бы у них *был* хоть кто-то, что старпом дал понять абсолютно недвусмысленно, то этого кого-то они бы безусловно и выбрали. Но, поскольку все что у них есть — это миз гардемарин Харрингтон, то ей и придется заняться этой работой.

И, завершающим ударом, командер Лэйсон с таким видом, как будто оказывал ей большую милость, известил ее, что он, командер Хираке и сам капитан будут просто счастливы помочь ей совершенствовать навыки, необходимые на ее новом посту.

Конечно, она поблагодарила его. Ничего другого ей не оставалось, какие бы предчувствия ее не мучили. И предчувствия ее не обманули. Ни один из них не был столь дьявольски изощренным как капитан Курвуазье, но капитан Курвуазье возглавлял весь факультет тактики на острове Саганами. У него не было и доли того времени, которым располагало трио новых инструкторов Хонор, и, безусловно, он не мог посвящать все свое внимание единственной несчастной жертве.

Как и сказала Одри, Хонор не привыкла проигрывать в упражнениях по тактике. На самом деле, призналась она сама себе, Хонор с долей самодовольства привыкла выбивать пыль из других, и серия целительных разгромов устроенная ей триадой тактиков КЕВ “Воительница” стала отрезвляющим душем. Как оно и было задумано. Ее вознесение к новой должности также не отменило гардемаринскую практику. Когда она вставала на вахту (слава Богу, что никто даже помыслить не мог назначить ее *начальником* вахты) она на самом деле становилась вахтенным тактиком. Но вне мостика

она по-прежнему оставалась миз гардемарин Харрингтон, и никто не видел оснований освободить ее от получения “полезного опыта”, что было участием салаг КФМ с незапамятных времен.

В результате на нее навалилась нагрузка даже большая, чем во время выпускного курса на острове Саганями. Что было ужасно несправедливо, учитывая насколько меньший кампус представляла собой “Воительница”!

— Тебя и правда довели до изнеможения? — через секунду спросила Одри, чуть понизив градус удовольствия в голосе.

— Нет, — рассудительно ответила Хонор. — “Изнеможение” слишком бледное и невыразительное слово.

Видно было, что это только наполовину шутка.

— В таком случае, почему бы тебе не снять обувь и не вздремнуть?

— Не выйдет, — отозвалась Хонор, вновь открывая глаза. — Инспекция кубрика будет меньше чем через четыре часа!

— Ну да, — согласилась Одри. — Но вы с Нассиосом вчера прикрыли меня от лейтенанта Сондерса с его картами, так что, полагаю, мы трое можем позволить тебе несколько часов сна, пока мы прибираемся. Твой сундучок, знаешь ли, не похож на зону стихийного бедствия.

— Но... — начала было Хонор.

— Заткнись и спи, — отрезала Одри, и Нимиц мягко, но столь же настойчиво промяукал свое согласие. Хонор хотела было продолжить протесты, но быстро передумала. Она достаточно посопротивлялась, чтобы сохранить лицо, и была чересчур измождена, чтобы проявлять благородства больше, чем абсолютно необходимо.

— Спасибо, — сонно сказала она и заснула прежде, чем Одри успела ответить.

* * *

— Вот и они, сэр, — сказал командер Амами. — Как вы и полагали.

— Вот, *кажется*, и они, — скрупулезно поправил Андерс Дунецкий. Что бы ни думал Байкуза, коммодор вовсе не был слеп к некритическому отношению Амами к его теориям, и в случаях подобных нынешнему сознательно держал это в голове. — Это может быть и обычный торговец, — добавил он, и Амами начал задумчиво теревить нижнюю губу.

— Они движутся правильным для одного из кораблей снабжения Диллингэма курсом, сэр, — выдал он через секунду. — Но, согласно данных разведки, кораблей Диллингэма здесь быть не должно еще как минимум месяц, да и других перевозчиков в этой системе нынче не густо.

— Верно, — согласился Дунецкий. — Но оборотная сторона этого аргумента в том, что раз кораблей не густо, то повышаются шансы на то, что какой-то торговец проскочит мимо наших разведчиков и они не предупредят нас.

— Принимается, сэр, — согласился Амами. — Так как нам поступать в данном случае?

— Именно так, как мы планировали с самого начала, — сказал Дунецкий. — Я подчеркнул, что это *может* оказаться торговец, но на самом деле я в это не сильно верю. Да и не имеет это значения. Если это окажется торговец, то получится, что мы просто несколько перестраховались, относясь к нему как к конфедератскому крейсеру. А вот если это крейсер, а мы будем полагать обратное, то получится неприятный сюрприз. Так что продолжаем сближение — тупо и самодовольно. Мы ничего не подозреваем, пока он не заполучит нас туда, куда хочет.

Он взглянул поверх дисплея в глаза Амами. Их тонкие, акульки улыбки были отражением друг друга.

* * *

— Контакт продолжает сближение, сэр, — доложила лейтенант-коммандер Хираке с экрана коммуникатора расположенного у локтя капитана Бахфиша.

Старший тактик “Воительницы” вновь была вместе с коммандером Лэйсоном на резервном мостике, но в этот раз на основном была Хонор. Она бы предпочла считать, что находится здесь, поскольку капитан уверен в ее способностях. К сожалению, она знала что все обстоит с точностью до наоборот. Капитан предпочитал лично приглядывать за ней и, на случай какого-нибудь происшествия с основным мостиком, хотел оставить в помощь Лэйсону более опытного тактика.

— Я это заметил, — с легкой улыбкой отозвался Бахфиш. — Могу я предположить, что целью последнего доклада было тактично привлечь мое внимание к факту, что данный контакт выглядит чертовски здоровым и мощным “пиратом”?

— Что-то в этом роде, сэр, — Хираке улыбнулась в ответ, но в ее выражении была нотка подлинной озабоченности. — По данным БИЦ он тяжелее нас минимум на шестьдесят тысяч тонн.

— Пусть так, — согласился Бахфиш. — Но он явно не подозревает, что мы не еще один грузовик только и ожидающийся, чтобы его выпотрошили. Вот если бы это был хев или анди, я бы начал беспокоится насчет превосходства в массе. Но регулярный военный корабль ни за что не стал бы приближаться к торговцу подобным образом, так что это однозначно рейдер. То есть либо просто пират, либо капер, и ни в том ни в другом случае на нем не может быть команды сравнимой с нашей. Не волнуйтесь, Дженис. Я не буду самоуверенным и не стану ничто полагать само собой разумеющимся, но я не боюсь ничего такого размера, если это не анди, и уж тем более если это вооружено железками сделанными по технологии Конфедерации! В любом случае, пираты и каперы — это именно то, с чем мы и должны разбираться, так что приступим.

— Как скажете, сэр, — ответила Хираке, и Хонор улыбнулась, глядя на свой дисплей. Лейтенант-коммандер исполнила свой долг, напомнив капитану (как бы тактично это не было проделано) о размере и потенциальной огневой мощи противника, но уверенности в ее голосе было не меньше чем у капитана. И правильно, сделала вывод Хонор. Столь уверенно приближавшийся к ним контакт явно не представлял кого на самом деле преследует, не то шел бы на сближение куда более осторожно.

— Капитан, контакт нас вызывает, — внезапно доложил лейтенант Сочук.

— Да? — Бахфиш поднял бровь. — Подключите главный экран, Юрий, и давайте послушаем, что он желает сказать.

— Есть, сэр.

Глаза всех присутствующих на мостике “Воительницы” повернулись к главному экрану коммуникатора, когда на нем появилось изображение мужчины в форме флота Силезской Конфедерации.

— “Лесная роща”, — сказал он, называя их именем грузовика картеля Гауптмана, чей транспондерный код они позаимствовали для маскировки, — говорит капитан Денби, флот Конфедерации. Пожалуйста сохраняйте текущие курс и ускорение, пока мой корабль не выйдет на рандеву.

— О, ну конечно же, — услышала Хонор позади почти неслышное бормотание главстаршины Дель Конте.

— Полагаю, мы должны ответить господину капитану, Юрий, — через мгновение сказал Бахфиш. — Перепроверьте фильтры и дайте мое изображение.

— Есть, сэр, — отозвался Сочук. Он внимательно проверил установки своего пульта, затем кивнул: — Вы в эфире, шкипер.

— Капитан Денби, говорит капитан Буллард, — сказал Бахфиш. Хонор знала, что компьютеры “Воительницы” преобразуют его изображение, наряжая его в униформу торговца, вместо черной с золотом КФМ, также как и компьютеры рейдера наряжали его

собеседника в форму конфедерата. — Не поймите меня неправильно, — продолжил Бахфиш, — но тут не самые спокойные места. Не то, чтобы я не верил, что вы тот, кем назвались, но мне хотелось бы знать для чего вам потребовалось рандеву с нами?

— Конечно, капитан Буллард, — лицо на экране ответило чуть более напряженным тоном офицера, которому не вполне по вкусу слышать от какого-то торгового капитана напоминание о том, насколько патетично выглядят попытки его флота поддерживать порядок внутри собственных границ. — У меня на борту семнадцать ваших соотечественников, выжившие из экипажей двух мантикорских грузовиков. Мы на прошлой неделе перехватили “капера”, захватившего их корабли. Похоже, что самым быстрым способом репатриации будет передать их менеджеру Диллингэма здесь, в Мелкоре.

— Понимаю, — ответ Бахфиша был куда теплее и намного спокойнее. Он на мгновение почти восхитился ловкостью “капитана Денби”, поскольку тот предложил действительно вескую причину, чтобы торговец здесь, в Силезии, позволил боевому кораблю приблизиться. И “Денби” вел свою роль совершенно, правильным тоном оскорбленного достоинства сочетавшимся с цветистостями типа “вот тебе”. — В таком случае, капитан, — продолжил Бахфиш, — мы безусловно будем выдерживать курс и ускорение для рандеву.

— Спасибо, капитан Буллард, — отозвался человек с экрана. — Денби, конец связи.

* * *

— Как деликатно с их стороны позволить нам сохранить курс, — заметила Дженис Хираке Абнеру Лэйсону.

— У них нет другого выбора, если они хотят взять нас тепленькими, — указал Лэйсон, а Хираке кивнула. Боевые корабли развивали куда большее ускорение, чем гигантские туши торговцев,

поэтому традиционно именно на их долю выпадало все маневрирование при раунде в глубоком космосе.

— Все равно, очень удачно, что они так высоко над эклиптической. Это держит их выше нас и не с той стороны от нашего клина.

— Почему-то мне не кажется, что они все это так подстроили, чтобы сделать нам одолжение, — сухо сказал Лэйсон. — С другой стороны, подкрадываясь к кому-то иногда можешь сам оказаться в менее чем оптимальной позиции, так ведь?

— В самом деле, — зло улыбувшись ответила Хираке.

* * *

— Хотелось бы мне иметь угол обзора для сенсоров получше, сэр, — пробормотал половиной рта лейтенант Куинн и лейтенант-коммандер Аседо бросил на него взгляд. Аседо был тактиком “Анники”, а Куинн — самым младшим из подчиненных ему офицеров. Но у молодого человека был нюх на неприятности, которому Аседо научился доверять, или, как минимум, внимательно прислушиваться.

— Я и сам хотел бы иметь лучший обзор, — ответил лейтенант-коммандер. — Но, спасибо “Дротику”, мы уже достаточно хорошо представляем, с чем имеем дело. На настоящий момент я не могу не согласиться с коммодором — намного важнее держать его в неопределенности, избегая его сенсоров. Кроме того, то что он держит клин между собой и *нашими* сенсорами должно поддерживать в нем уверенность, что мы не знаем, что он тоже является боевым кораблем.

— Возразить нечего, сэр, — признал Куинн. — Полагаю, мне просто хочется добиться идеала, а иногда это просто невозможно.

— Невозможно, — согласился Аседо. — Но возможно подобраться достаточно близко, и то, как Старик все устроил, вполне на это тянет.

* * *

Два крейсера неумолимо сближались, каждый в уверенности, что в точности знает что из себя представляет другой, и что тот не догадывается чем является *он...* и оба заблуждались. Дистанция неуклонно сокращалась и торможение “Анники” сокращало разницу скоростей с такой же неуклонностью.

* * *

— Сближение до ноля через пять минут, сэр, — объявила Хонор. Ее сопрано звучало гораздо спокойнее, чем она себя чувствовала. Хонор подняла голову, чтобы взглянуть на капитана. — Дистанция два-один-шесть тысяч километров, разность скоростей — один-три-три-один километра в секунду. Торможение постоянное, четыре-пять-ноль *g*.

— Спасибо, тактик, — ответил Бахфиш. Его спокойный, сдержанный тон невероятно успокаивающе действовал на ее нервы. То, что их сенсорам еще ни разу не удалось как следует взглянуть на контакт, заставляло ее нервничать, но она твердо взяла себя в руки. “Это тоже часть искусства командования”, — подумала она. При всем своем спокойствии, капитан *знал* о контакте ничуть не больше самой Хонор, но частью его работы было излучать ауру уверенности, в которой в подобные моменты нуждались его подчиненные. Капитан Курвуазье не раз подчеркивал, что даже если он не прав — *особенно* если не прав — командир не должен забывать о выражении своего лица. Ничто не может разрушить слаженность действий экипажа быстрее паники, и ничто не может вызвать панику быстрее, чем предположение, что командир потерял уверенность в себе. Но на этот раз это было труднее обычного. Рейдер уже был глубоко внутри

радиуса действия энергетического оружия, и, как и команда “Воительницы”, его экипаж должен был быть готов открыть огонь в любую секунду. На столь короткой дистанции дуэль на энергетическом оружии будет смертоносна, что хорошо... для того кто выстрелит первым.

Конечно, рейдер ожидал встретить всего лишь невооруженное торговое судно. Какими бы готовыми они себя не считали, внезапно оказавшись борт к борту с королевским кораблем они испытают шок и растерянность, как минимум на мгновение. И вполне возможно, что они даже не держат на все постах орудийные расчеты — они ведь ожидают встречи просто с “торговцем”.

— Готовность, мистер Сондерс, — спокойно произнес капитан. — Изготовится к перемене курса на ноль-девять-ноль градусов вправо и к перекату на левый борт на дистанции сто десять тысяч километров.

— Есть, сэр, — подтвердил лейтенант Сондерс. — Готовы к перемене курса на ноль-девять-ноль градусов вправо и к перекату на левый борт на дистанции сто десять тысяч километров.

— Готовность к открытию огня по моей команде, миз Харрингтон, — добавил Бахфиш.

— Есть, сэр. Готовы к открытию огня по вашей команде.

* * *

— Готовьтесь, командер Аседо, — тихо сказал Андерс Дунецкий. — На такой дистанции он не рискнет вызывать нас, или требовать сдачи. То же относится и к нам. В тот самый момент, как он повернет, очищая клин, развейте эту задницу по всему космосу.

— Так точно, сэр! — согласился Аседо со свирепой ухмылкой. Ощущал он себя так же уверенно, как выглядел. У их противника будет преимущество — только он знает точно когда он намерен совершить разворот, — но у “Анники” было более существенное

преимущество. Командир вражеского крейсера должен был быть совершенно уверен, что успешно одурачил “Аннику”, иначе он ни за что бы не позволил ей так приблизиться. А единственная вещь, более сокрушительная, чем внезапность засады, — это изумление сидящего в засаде, когда его намеченная жертва оказывается вовсе не удивленной попаданием в нее.

* * *

— Подходим к отметке сто десять тысяч километров, сэр!

— Выполняйте маневр, мистер Сондерс! — рявкнул Томас Бахфиш.

— Есть, сэр!

“Воительница” немедленно начала маневр, резко разворачиваясь вправо и заваливаясь на левый борт, направляя батареи правого вверх, навстречу рейдеру. Хонор подалась вперед, пульс ее молотом отдавался в висках, губы пересохли. На дисплее перед ней вспыхнули иконки. Казалось что рейдер сам внезапно изменил курс и местоположение — его кроваво-красная отметка прыгнула навстречу пульсирующему янтарному кольцу захвата цели.

— Готовность, миз Харрингтон!

— Есть готовность, сэр.

Янтарное кольцо накрыло красную отметку контакта и полыхнуло малиновым. Рука Хонор зависла над клавишей открытия огня.

— *Огонь!*

* * *

Оба корабля выстрелили в одно и тоже мгновение с расстояния едва треть световой секунды.

На столь короткой дистанции их лазеры и гразеры с легкостью пробили гравистены друг друга. Загремели сигналы тревоги, когда сфокусированные потоки энергии выгрызли громадные рваные раны в броне. Обе стороны оказались захвачены врасплох. Коммодор Дунецкий успешно заставил капитана Бахфиша поверить, что “Анника” совершенно не готова к бою, но, несмотря на дискуссию с командером Байкузой, Дунецкий ни на секунду не допускал, что “Воительница” может оказаться чем-то еще, кроме силезского военного корабля. Он был совершенно не готов оказаться лицом к лицу с *мантикорским* тяжелым крейсером. Тщательно тренированная команда “Воительницы” была наголову выше по эффективности экипажа любого конфедератского корабля. Они выдали первый залп на две секунды раньше ожидаемого Дунецким. Хуже того, силезские военные корабли делали упор на ракетное вооружение и были оптимизированы для боя на больших дистанциях. Их энергетические батареи были относительно слабы, так что мощь огня, обрушившегося на его корабль была шокирующей.

Но, хотя Дунецкий и не был готов с столь бешеному обстрелу с “Воительницы”, мантикорский корабль все равно был меньше его собственного и слабее бронирован. Хуже того, капитан Бахфиш полагал “Аннику” типичным пиратом и рассчитывал на несколько секунд форы, пока “капитан Денби” будет осознавать, что “грузовик” за которым он гнался внезапно превратился из домашней кошечки в гексапуму. Но этих секунд он не получил. Это было похоже на дуэль на автоматах на десяти шагах. Оба корабля содрогались от излившейся на них смертоносной энергии.

* * *

Вселенная вокруг Хонор Харрингтон сошла с ума.

Во время долгого периода сближения она чувствовала как все внутри сжимается, чувствовала сухость во рту и то, как каждый ее

нерв, казалось, вибрировал сам по себе, как будто ее нервы — это струны арфы, которые перебирает ледяной ветер. Она боялась сильнее, чем когда-либо в жизни, и не только за себя. За время долгих недель полета она нашла на борту “Воительницы” друзей, и эти друзья сейчас подвергались такой же опасности, как и она. А еще был Нимиц, в одиночестве своего модуля жизнеобеспечения в “Салажьем Уголке”. Она упорно избегала мыслей о том, что будет, если по его модуль окажется поврежден в бою... или если она сама погибнет. Принявшие людей коты практически неизбежно кончали с собой после смерти своего человека. Она знала это задолго до поступления на Остров Саганами, и это знание едва не заставило ее отказаться от мечты о службе на флоте, поскольку подвергая риску себя, она тем самым подвергала риску и его. Только непреклонная настойчивость Нимица, явно желавшего чтобы она следовала за своей мечтой, привела ее к дверям Академии. Теперь то, что было только умозрительным предостережением воплотилось для них в реальность. Темный, огромный страх — не смерти или ранения, но потери — холодным чугунным грузом лег ей на сердце.

И поверх этих страхов был всплеск инстинктивного осознания, что она не бессмертна. Того, что кровавая каша битвы может унести ее с той же легкостью, как и любого другого члена экипажа. Несмотря на все тренировки, все занятия, весь ее интерес к военно-морской и просто военной истории, по-настоящему она поняла это только сейчас. Так что долгие, выматывающие часы постепенного сближения “Воительницы” с контактом она провела в попытках подготовиться и раздумьях как она себя поведет, когда буде знать, что происходящее — не симуляция. Что за иконкой на ее дисплее скрываются настоящие люди. Люди, которые всеми силами будут стараться уничтожить ее корабль — вместе с ней — настоящим оружием... и кого она в свою очередь тоже будет пытаться уничтожить. Она собралась и постаралась принять это, несмотря на страх. И она думала — надеялась — что готова ко всему, что может случиться.

Она заблуждалась.

КЕВ “Воительница” сотрясался, как галеон попавший в шторм под ударами “Анники”. Капер нес меньше пусковых установок ракет, но гораздо более мощное энергетическое оружие, чем аналогичные корабли силезского флота. Его гразеры крушили бортовые гравистены “Воительницы” как какие-то адские кузнечные молоты. Генераторы гравистен делали все возможное, чтобы преломить и отвести этот ураган энергии от намеченной им цели, но четыре мощных луча демонической ярости прорвались. Второй гразер, вторая и четвертая пусковые, второй гравидетектор, второй радар и третий лидар, восьмая пусковая и четвертый погреб, первый шлюпочный отсек, второй отсек систем жизнеобеспечения... Отсеки и казематы на дисплее контроля повреждений окрашивались в кровавый цвет целыми гроздьями по мере того, как вражеский огонь прогрызал себе путь к сердцу “Воительницы”. Ливень докладов о повреждениях обрушился на Хонор как приливная волна на Сфинксе, а корабль все дергался и содрогался. Аварийная сигнализация завывала, добавляя свой голос к какофонии царящей в отсеках тяжелого крейсера. Облака воздуха и водяного пара вырывались из зияющих в его бронированной шкуре ран.

— Тяжелые потери на второй пусковой! — рявкнул главстаршина Дель Конте, когда вторичные взрывы еще продолжались. — Шестой гразер докладывает потерю централизованного управления, а четвертый погреб — разгерметизацию! Мы...

Он так и не закончил доклад. Все тело Хонор содрогнулось, когда мощный взрыв вынес переборку мостика. Он походя, как какой-то жестокий ребенок, подхватил главстаршину и разорвал его на части прямо у нее на глазах. Кровь и ошметки того, что только что было человеком, казалось, были повсюду. Какой-то крошечный, холодный участок ее мозга отметил, что они и были повсюду. Взрывом сразу убило как минимум пятерых, кого ударной волной, кого осколками переборки. Хонор качнулась назад в своем

бронированном кресле, а волна разрушения помчалась дальше по мостику “Воительницы”... прямо к стоящему в центре креслу капитана.

Времени до удара у капитана Бахфиша хватило только на то, чтобы наклониться вперед и поднять руку в инстинктивной попытке защитить лицо. Удар пришелся справа-сзади и это спасло ему жизнь, поскольку поднимая руку он толкнул кресло влево и оно приняло большую часть удара на бронеспинку. Но этого не хватило, чтобы полностью его защитить. Силой взрыва его кинуло на дальнюю переборку. Он ударился об нее мешком, расслабленно, как человек потерявший сознание, и не издав ни звука, рухнул на палубу.

Капитан оказался далеко не единственным пострадавшим. Тот же самый взрыв, что вышвырнул его из кресла, метнул метровый осколок брони в сторону секции связи. Он обезглавил лейтенанта Сочука с аккуратностью палача, а затем продолжил путь и как топором разрубил грудь лейтенанта Сондерса. Разум Хонор пытался укрыться в каком-нибудь безопасном, не сошедшем с ума укрытии от окружавших ее хаоса, неразберихи и ужаса, к которым никакая симуляция, никакая лекция не могли подготовить. Свист утекающего воздуха она слышала даже сквозь вопли и стоны раненых и инстинкт завопил в ней, требуя броситься помогать оказавшимся без сознания вовремя закрыть шлемы. Но она этого не сделала. Реакция, безжалостно вколачиваемая в нее инструкторами на Острове Саганами четыре долгих стандартных года, превозмогла даже ужас и стремление помочь другим. Она захлопнула шлем, но глаза ее не отрывались от дисплея, поскольку она не имела права оставить пост даже для того, чтобы помочь капитану, прежде чем резервный мостик и лейтенант-коммандер Хираке не возьмут управление на себя.

Энергетическое оружие “Воительницы” выдало второй залп, и рейдер тоже продолжил огонь. Еще одна порция смертей и разрушений обрушилась на корабль, рвя его на куски. Тяжелый крейсер содрогнулся от удара, пришедшегося прямоком в заднее импеллерное кольцо. Два альфа- и половина бета-узлов мгновенно

отключились. Вновь завывли тревожные сигналы, а пятая часть экипажа “Воительницы” перешла в разряд потерь. Одной из них стала лейтенант-коммандер ЛаВаше. Одновременно с этим удар пришелся в центральный пост контроля повреждений, убив десяток рядовых и старшин и тяжело ранив лейтенанта Тергесен.

Гразеры “Воительницы” продолжали бить в ее более крупного, более мощного — и куда более молодого — врага, но Хонор испытала новую, еще более ошеломляющую, вспышку ужаса, поняв, что они продолжают выполнять программу введенную ею по приказу капитана Бахфиша. Резервный мостик должен был почти сразу же перехватить управление... но не сделал этого.

Хонор повернула голову, всматриваясь в то, что было пультом главстаршины Дель Конте сквозь дым, валивший через разрушенную переборку. Сердце ее замерло, когда она нашла на отображавшейся там схеме резервный мостик. Сам по себе отсек выглядел нетронутым, но его окружал красно-белая пунктирная линия, обозначающая полную потерю связи. Резервный мостик был отрезан не только от основного, но и от корабельных компьютеров.

За время, достаточное только, чтобы сделать три вдоха, “Воительница” была серьезно покалечена и тактическое командование на ней перешло к двадцатилетнему гардемарину, проходящему практику.

Мостик вокруг нее казался преддверием ада. Половина пультов были разбиты или, как минимум, обесточены. Четверть персонала была убита или ранена. Как минимум трое из тех, кому следовало оставаться на своих местах, яростно разгребали завалы, захлопывая шлемы и герметизируя костюмы находящихся бес сознания товарищей. Раны, нанесенные кораблю, она ощущала как свои собственные и все чего она в данный момент хотела — это чтобы кто-то — *хоть кто-нибудь* — сказал ей что же делать.

Но больше никого не было. Она — это все что осталось у “Воительницы”. Глаза Хонор вернулись к собственному дисплею и она глубоко вдохнула.

— Рулевой, перекач девяносто градусов на левый борт!

Никто на этом полуразрушенном мостике, и Хонор, скорее всего, меньше других, не узнал это холодное, четкое сопрано, которое уверенно прорезало хаос. Но рулевой, цеплявшийся за остатки собственного рассудка, распознал твердый тон приказа.

— Есть перекач девяносто градусов на левый борт! — рявкнул он и КЕВ “Воительница” круто развернулся, выводя поврежденный правый борт из-под бешеного огня врага.

В момент переката что-то изменилось внутри Хонор Харрингтон. Паника испарилась. Страх остался, но внезапно стал ощущаться как нечто далекое и неважное, что никак не может дотянуться и повлиять на нее. Она заглянула прямо в лицо Смерти, не только ее, но и всего корабля и всех кто на нем был. Хонор не сомневалась, что она пришла за ними всеми. Но страх превратился во что-то совершенно иное. В холодную, концентрированную решимость, бурлившую внутри. Ее миндалевидные глаза уперлись в пустые глазницы Смерти, а ее душа оскалилась и дерзко зарычала.

— Левый борт, готовность к ведению огня по плану Дельта-Семь, — вновь прозвучало сопрано и посыпались подтверждения от установок неповрежденного борта, пока огонь “Анники” продолжал безвредно биться в непроницаемое днище клина “Воительницы”.

Мысли Хонор неслись ледяным потоком. Первым побуждением было оторваться, поскольку она слишком хорошо понимала насколько серьезны повреждения. Хуже того, теперь она знала, что их противник был намного мощнее — и с гораздо лучшей командой — чем считали на “Воительнице”. Но именно эти факторы и делали бегство невозможным. Разница в скоростях двух кораблей составляла менее шестисот километров в секунду, а с выведенной из строя половиной ее заднего импеллерного кольца “Воительница” не имеет шансов уйти от не охромевшего врага. Даже будь ее двигатель не поврежден, попытка оторваться неизбежно оказалась бы самоубийственной, поскольку подставила бы врагу для продольного огня заднюю горловину клина.

“Нет, — холодно подумала она. — Бегство — не выход”. Ее пальцы пробежались по пульта тактика вводя новые команды, когда она нашла для своего корабля — *своего корабля* — единственный путь к спасению.

— Рулевой, готовность к повороту один-три-пять градусов на правый борт, нырку носом на сорок градусов и перекату вправо по моей команде!

— Есть, мэм!

— Орудийным расчетам, — голос, который она до сих пор не вполне узнавала, продолжал, неся спокойствие и уверенность, которые как по волшебству гасили зарождающуюся панику, — готовность на открытие огня согласно программе. Передаю данные для ручного наведения.

Она нажала кнопку и параметры прицеливания, которые она заложила в главные компьютеры, начали передаваться во вторичные, размещенные непосредственно в казематах под контролем ожидающих расчетов. Если новые повреждения отрежут их, то они, как минимум, будут знать что она задумала.

Как только это было завершено, она откинулась в кресле, наблюдая за иконкой, продолжавшей стремиться наперерез курсу “Воительницы”. Расстояние упало до пятидесяти двух тысяч километров, сокращаясь на пятьсот шесть километров каждую секунду. Хонор напряженно ждала, а кроваво-красная отметка врага приближалась к ее кораблю.

* * *

Когда другой крейсер повернулся набок, коммодор Андерс Дунецкий грязно выругался. Они повредили этот корабль — серьезно повредили — и он это знал. Но и тот нанес им повреждения куда большие, чем ожидал коммодор. “Ты стал небрежен”, — сказал ему внутренний голос его собственным спокойным и злым голосом. Он

слишком долго дрался с конфедератами, позволил себе расслабиться и привык, что вольности сходят ему с рук. Но на этот раз его противник не из Силезии. Он снова выругался, еще более грязно, поняв, кем на самом деле был другой корабль.

Манти. Он атаковал боевой корабль *манти*, тем самым совершив непростительную ошибку, которую ни одному пирату ли, каперу ли не удавалось совершить дважды. Вот почему тот крейсер успел выстрелить в ответ. Это манти, и он был столь же готов к бою, как и они.

И именно поэтому весь план по привлечению поддержки Андерманцев для Совета Независимой Призмы только что пошел псу под хвост. Как бы не отвлекала Народная Республика на себя внимание Мантикорского правительства, ответ КФМ был неизбежен, как тепловая смерть вселенной.

“Но только если они будут знать кто это сделал, — холодно подсказал внутренний голос. — Только если будут знать, в какую систему посылать свои эскадры. У этого корабля должны быть детальные записи сигнатуры “Анники”. Сравнив эти записи с базой данных Конфедерации они неизбежно нас идентифицируют. Даже если они не получат однозначного результата, Вегенер догадается, кто бы это мог быть, и направит их прямо на нас. Но даже ему не удастся натравить на нас манти без минимальных улик. А единственная улика — в компьютерах этого корабля”.

Только одним способом можно не допустить попадания этих данных в чужие руки.

Коммодор повернулся взглянуть на командера Амами. Старпом все еще выслушивал доклады о повреждениях, но Дунецкий в них не особо нуждался. Взгляд на основную схему показал, что весь левый борт “Анники” должен был представлять собой месиво из руин. Меньше трети энергетических орудий и пусковых установок остались в целости. Генераторы гравистены выдавали едва сорок процентов мощности. Но манти должен был пострадать как минимум так же сильно, а его размеры были меньше — а значит и способность

переносить повреждения тоже. Более того, у корабля Дунецкого было преимущество в скорости, а мощность импеллера противника резко снизилась. “Анника” была больше, новее, лучше бронирована и более маневренна. А значит у столкновения может быть только один исход.

— Перекат один-восемь-ноль градусов на правый борт, сохранять курс, — жестко сказал коммодор своему рулевому. — Установкам правого борта готовность к стрельбе по завершении поворота!

* * *

Хонор наблюдала за перекатом корабля противника. Как и “Воительница”, большой корабль отворачивал поврежденный борт от огня оппонента. Но на этом он не остановился, и Хонор позволила себе почувствовать крошечную искорку надежды. Вот он повернулся другим, неповрежденным бортом и снова обрушил ураган огня на “Воительницу”. Днище импеллерного клина мантикорского корабля без следа поглощало весь этот огонь, но цель была в другом и Хонор это знала. Противник вел тщательно выверенный последовательный огонь, так что *что-то* постоянно долбило в клин. Если только “Воительница” начнет перекат, чтобы продолжить дуэль, эта постоянная долбежка практически наверняка подловит ее в момент поворота, нанеся повреждения и выведя из строя как минимум часть оставшегося оружия прежде чем у него будет шанс выстрелить в ответ. Это была умная и безжалостная тактика, жертва изящества в пользу грубой практичности.

Но, в отличие от того, кто командовал ее противником, Хонор не могла себе позволить ввязаться в мясорубку орудие против орудия. Не против того, кто настолько превосходит их размерами и кто уже успел убедительно продемонстрировать свои возможности. Так что у нее не было иного выбора, кроме как противопоставить хитрость грубой силе.

Каждая ее нервная клетка была сосредоточена на изображении, выводившемся на дисплей, и когда она убедилась, что другой корабль поддерживает постоянное ускорение ее губы растянулись в гримасе. Медленно уходили секунды. Шестьдесят секунд. Семьдесят. Девяносто.

— Рулевой! По моей команде дайте полную аварийную мощность — все за красную черту — и исполняйте предыдущий приказ! — она слышала подтверждение рулевого, но глаза ее не отрывались от дисплея, а ноздри раздувались.

— *Давай!*

* * *

У Андерса Дунецкого было несколько быстро ускользавших секунд, чтобы понять, что он совершил еще одну ошибку. Манти шел прежним курсом, прячась за клином и он полагал, что не важно из-за чего: паники или осознания, что тот не смог бы биться на равных с “Анникой”, даже если бы не был столь поврежден.

Но это имело значение. Капитан противника не запаниковал, он *понял*, что не сможет на равных биться с “Анникой” борт к борту... но он и не собирался этого делать.

Возможно это нельзя считать ошибкой Дунецкого. Дистанция была безумно малой для современных кораблей, упав уже даже не до тысяч, а до сотен километров. Ни один флотский офицер в здравом уме даже не подумал бы вступать в схватку в таких условиях. Ни Дунецкий, ни Бахфиш ничего подобного и не планировали, поскольку каждый из них рассчитывал начать и закончить битву одним залпом, который должен был захватить противника врасплох. Но что бы они там не планировали, их корабли оказались в такой позиции. Однако ни в одном флоте офицеров не готовили к проведению боевого маневрирования в столь тесной близости от вражеского корабля. И

поэтому Андерс Дунецкий, при всем своем опыте, оказался совершенно не готов к тому, что сделала “Воительница”.

* * *

Зазвенел тревожный сигнал — компенсатор инерции КЕВ “Воительница” протестовал против свалившейся на него нагрузки. Другой сигнал взвыл от того, что нагрузка на узлы импеллера тяжелого крейсера скакнула на сорок процентов за красную черту. Несмотря на поврежденное заднее кольцо, “Воительница” внезапно прыгнула вперед почти на пятистах пятидесяти g . Ее нос резко развернулся к “Аннике”, столь же резко “клюнув” вниз, чтобы не позволить капере произвести смертоносный выстрел “в глотку”, что было бы неминуемым концом для “Воительницы”.

“Аника” в ответ тоже начала отчаянно разворачиваться, но маневр захватил ее чересчур врасплох. У нее не осталось времени уклониться, прежде чем рывок раненой “Воительницы” вынес ее за корму врага.

Это не было совершенным выстрелом “под юбку” — мечтой любого тактика. Не было чистого пересечения курса под углом 90 градусов с последовательной стрельбой из орудий. Вместо того получился отчаянный рывок — бешенная смертельная схватка раненой гексапумы и скального медведя. Орудия Хонор не могли воспроизвести “подобающую” последовательность выстрелов вдоль оси вражеского корабля... но и того что они могли оказалось достаточно.

Шесть прямых попаданий гразеров пришлось на заднюю четверть “Аники”. Лучи прошли сквозь открытую заднюю горловину клина, где не было гравистены, которая могла бы остановить или ослабить их. Броня задней молотообразной оконечности брызнула осколками под их огненным прикосновением. Лучи прошли глубже внутрь корпуса, калеча и круша все на своем

пути, уничтожив заднее погонное вооружение. Задняя треть бортовых стен капера замерцала и погасла.

“Анника” отчаянно разворачивалась в попытке вновь навести на “Воительницу” бортовые орудия, но Хонор Харрингтон только что обнаружила в себе убийцу ничуть не менее безжалостную, чем Андерс Дунецкий. Ее пальцы запорхали по пульта, вводя небольшие корректировки, и “Воительница” снова выстрелила. Каждый гразер ее уцелевшего борта отправил поток смертоносной энергии прямо в прореху в гравистене “Анники” и капер поглотил дьявольски яркий шар плазмы.

* * *

Когда Хонор Харрингтон остановилась перед морпехом стоящим на часах у кабинета капитана, Нимиц у нее на плече сидел прямо и неподвижно. Рядовой смотрел на нее долгое мгновение, затем потянулся к кнопке сигнала.

— Да? — голос принадлежал Абнеру Лэйсону, а не Томасу Бахфишу.

— Миз Харрингтон прибыла к капитану, сэр! — четко доложил морпех.

— Впустите, — сказал другой голос и морской пехотинец шагнул в сторону от открывшегося люка. Хонор благодарно кивнула, проходя мимо него. Всего на одно мгновение он позволил исчезнуть с лица профессионально отсутствующему выражению и ободряюще ей подмигнуть, прежде чем за ней люк вновь закрылся.

Хонор пересекла кабинет и застыла в стойке смиренно. За столом капитана сидел командер Лэйсон, но капитан тоже присутствовал. Командир “Воительницы” расположился настолько удобно, насколько это было возможно, на диване придвинутом к самой длинной переборке кабинета. Выглядел он ужасно, в синяках и ссадинах, левая рука и правая нога в гипсе. При практически любых

других обстоятельствах он бы находился в лазарете и, если бы это потребовалось чтобы его там удержать, лейтенант Чим стоял бы над ним с пульсером. Но в лазарете не было места ни для кого, кроме тех, чьи раны угрожали жизни. Басанта Лакхия лежал в лазарете. Нассиос Макира — нет; он находился в заднем ходовом отсеке, когда туда пришелся удар. Ремонтные партии даже еще не нашли его тело.

Хонор стояла перед старпомом и капитаном, и восемнадцать процентов экипажа “Воительницы” — погибших — тихо и выжидающе стояли у нее за плечом.

— Вольно, миз Харрингтон, — тихо сказал капитан и она позволила спине слегка расслабиться. Бахфиш смотрел на нее на протяжении долгих, тихих секунд и она встретила его взгляд настолько спокойно, насколько смогла.

— Я просмотрел записи с мостика, — наконец продолжил Бахфиш и кивнул в сторону Лэйсона. — То же сделали старпом и командер Хираке. У вас есть что добавить к этим записям, миз Харрингтон?

— Нет, сэр, — ответила она, выглядя в этот момент еще более абсурдно юной, чем обычно, от того, что смущение заставило порозоветь ее скулы. Древесный кот, сидевший у нее на плече, склонил голову, пристально изучая двух ее начальников.

— Совсем ничего? — капитан наклонил голову почти так же, как Нимиц, затем пожал плечами. — Ну, полагаю и в самом деле больше ничего не требуется. Все есть в записях.

Он помолчал еще мгновение, затем указал здоровой рукой на командера Лэйсона.

— Мы с командером пригласили вас сюда из-за того, что есть в этих записях, миз Харрингтон, — тихо продолжил капитан. — Очевидно, что у “Воительницы” нет другого выбора, кроме как прервать рейс и вернуться в Звездное Королевство для ремонта. В обычных обстоятельствах для вас это означало бы перевод на другой корабль для завершения практики, что, к сожалению, поставило бы вас на полгода или даже стандартный год младше ваших

однокашников по сроку производства. Однако в данном случае мы с командером Лэйсоном приняли решение внести в вашу форму S-160 запись об успешном завершении практики. Та же запись появится в делах гардемаринов Брадло и Лакхия. Мы, также, внесем соответствующую запись в дело гардемарина Макиры вместе с рекомендацией присвоить ему посмертно звание младшего лейтенанта.

Он вновь сделал паузу и Хонор прочистила горло.

— Спасибо, сэр. Особенно за Нассиоса. Думаю, я могу говорить от имени всех нас.

— Безусловно можете, — отозвался Бахфиш. Он секунду потер нос, а затем удивил ее кривой усмешкой.

— Не имею ни малейшего понятия, что произойдет с моей карьерой, когда мы вернемся на Мантикору. — сказал он ей. — Много, без сомнения, будет зависеть от выводов следственной комиссии, но, думаю, можно смело предположить, что как минимум некоторая доля критики непременно объявится. И небезосновательно.

Все что Хонор смогла сделать — это не захлопать удивленно глазами от неожиданной откровенности его признания, но он спокойно продолжил.

— Я стал слишком самоуверен, миз Харрингтон, — сказал он. — Слишком уверен в том, что то, на что я смотрел, было типичным силезским пиратом. Да, — он взмахнул здоровой рукой в коротком отметающем жесте, — справедливо было бы признать, что мы очень редко можем здесь встретить пирата или капера с такой огневой мощью и настолько хорошо подготовленной командой. Но ожидать неожиданное и есть работа капитана, а я этого не сделал. Надеюсь, что вы не забудете этот урок, когда однажды сами станете командовать королевским кораблем.

Он снова остановился, явно ожидая от нее реакции. Хонор сумела не начать прочищать горло заново.

— Я безусловно постараюсь не забыть, сэр, — ответила она.

— Уверен, что так и будет. А исходя из продемонстрированного вами здесь, в Мелкоре, я уверен, что вы в этом преуспеете. — тихо сказал Бахфиш и слегка встряхнулся.

— Тем временем, однако, у нас есть пара локальных проблем, которые требуется уладить. Как вы знаете, мы понесли тяжелые потери. Лейтенант Ливанос возьмет на себя двигатели, а энсин Мастерс — связь. Нам повезло, что на резервном мостике все уцелели, но у нас будет очень напряженная ситуация с могущими самостоятельно стоять вахту офицерами на пути к Мантикоре. С учетом ситуации, я решил утвердить вас на посту помощника тактика с полевым рангом младшего лейтенанта и постоянным производством моим правом в ранг энсина. — Глаза Хонор расширились, а улыбка стала более естественной. — В данной ситуации, думаю можно смело положиться на то, что независимо от результата расследования в отношении меня это производство Бюро Кадров определенно утвердит.

— Сэр, я... Я не знаю, что еще сказать, кроме “спасибо”, — сказала она через мгновение, а он усмехнулся.

— Это самое меньшее, что я могу сделать, чтобы отблагодарить вас за спасение моего корабля и моих людей, миз Харрингтон. Хотелось бы мне произвести вас сразу в младшие лейтенанты, но я сомневаюсь что Бюро Кадров это утвердит даже при имеющихся обстоятельствах. Так что все, что вы на самом деле получаете — это пять-шесть месяцев старшинства по выслуге перед вашими однокашниками.

— А еще, — тихо добавил командер Лэйсон, — я испытываю уверенность, что Служба не оставит незамеченным как и почему состоялось ваше производство. Никто из тех, кто не знает вас не мог бы ожидать, что вы так проявите себя, миз Харрингтон. Однако те кто вас знает не стали бы ожидать меньшего.

Лицо Хонор вспыхнуло лесным пожаром. В поведении Нимица и в том, как он собственническим жестом положил переднюю лапу ей на берет чувствовалось одобрение им эмоций ее начальников.

— Полагаю мы засмутили вас достаточно для одного утра, миз Харрингтон. — в голосе Бахфиша смешивались удовольствие, одобрение и симпатия. Взгляд Хонор невольно вернулся к нему. — Однако я жду вас с командером Хираке на ужин сегодня вечером, где мы обсудим реорганизацию вашей службы. Надеюсь это будет удобно?

— Конечно, сэр! — выдавила из себя Хонор.

— Замечательно. А я прослежу, чтобы у старшины Стенниса был достаточный запас сельдеря.

Нимиц с ее плеча с энтузиазмом мякнул, а она почувствовала, что у нее на губах появилась первая настоящая улыбка с момента взрыва “Анники”. Бахфиш это заметил и одобрительно кивнул.

— Так намного лучше, энсин Харрингтон! Но теперь, учитывая проблемы с персоналом, наверняка вас ожидают какие-то дела, не так ли?

— Да, сэр. Уверена, что дела найдутся.

— В таком случае, думаю вам следует заняться ими. Приступайте, энсин.

— Есть, сэр! — ответила энсин Харрингтон, вновь вытянулась смирно, резко развернулась и промаршировала из капитанского кабинета навстречу будущему.

notes

Примечания

1

корабль его/ее величества; позволю себе напомнить, что в момент действия повести у власти находился отец Елизаветы III — Роджер III, так что правильным местоимением, в отличие от книг основной серии, будет “его” — Д.Г.

2

чувство положения собственного тела и его членов, отточенная координация движений

Майором к ней обращаются поскольку традиционно капитаном на корабле называют только одного человека, а всех прочих капитанов называют на ранг выше во избежание путаницы. А вообще командир роты должен быть именно капитаном

4

индикатор на лобовом стекле

5

разведуправление флота

6

Флот Силезии

8

шуточная премия присуждаемая за самую глупую смерть “за избавление собственной смертью человеческого генофонда от носителя гена глупости”

10

боевой информационный центр

